

K 1156835

МЕРСОНАП
РОИОНОВ

УЗБАКНОЕ

**АЛЕКСАНДР
РОМАНОВ**

ИЗБРАННОЕ

се

МЕРСОНИД РОМОНОВ

ИЗБРАННОЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОЭМЫ

к 1156835

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

МОСКВА
«СОВРЕМЕНИК»
1990

PC

P2 + KP

ББК 84P7
P69

Романов А. А.

P69 **Избранное: Стихотворения, поэмы.— М.: Современник, 1990.—511 с.**

ISBN 5-270-01047-X

В книгу включено все лучшее, что было написано вологодским поэтом Александром Романовым более чем за три десятилетия творческой работы.

Этот сборник — художественное целое, способное открыть читателю в лирической строке эпические пространства России, а в характерах героев поэм — глубоко личное, интимное чувство.

Большинство авторских оценок, сами принципы его творчества с радостью принимаются, узнаются с тем чувством, с которым смотрим мы на родное, знакомое с детства лицо.

Автор давно и прочно заявил себя в читательских кругах, среди писателей и критиков как поэт истинно русской мысли и чувства.

P 4702010202-180 159-90
M106(03)-90

ББК84P7

ISBN 5-270-01047-X

© Романов Александр Александрович, 1990.

КОРОТКО О СЕБЕ

Родился я в деревне Петряево Сокольского района Вологодской области 18 июня 1930 года.

Отец мой был учителем русского языка и литературы в местной Воробьевской школе. В Отечественную войну командовал взводом, был дважды ранен и погиб в 1944 году. Мать — крестьянка, колхозница. Мое детство и отрочество — это деревенские вдовьи посадки, обезлюдившие поля и сенокосы, ранний мужицкий труд и, конечно, красота родины, как мудрая и вечная сказка.

В 1945 году, после школы, мальчишкой уехал в Вологду да навсегда и остался в этом соборном, корневом русском городе. Сначала окончил педучилище, потом пединститут. Это время определило судьбу. Встречи, а затем и дружба с Александром Яшиным, Сергеем Орловым, Сергеем Викуловым, Валерием Дементьевым и с другими писателями-земляками овеяли мою молодость поэзией.

Стало ясно, что надо всерьез пробовать свое перо. И после пединститута в 1952 году по направлению обкома комсомола пошел работать в редакцию областной молодежной газеты. Много ездил по родному краю, по всему русскому Северу, писал, что требовала газета, и постепенно накапливал стихи.

В 1956 году вышла в свет первая книжка «Признание друзьям». Затем вторая — «Утренние дороги», и в 1959 году я стал членом Союза писателей СССР. Так началась моя поэтическая работа.

В 1960 году случился новый поворот: меня приняли на двухгодичные Высшие литературные курсы в Москве при Союзе писателей СССР. Здесь, занимаясь в творческом семинаре, которым руководили известные поэты Ярослав Смеляков, Михаил Луконин, критик Александр Макаров, я многое узнал, понял и обдумал. После учебы в Москве стали выходить новые книги. Образ России, судьба родительского поколения и жизненные пути моих сверстников — главное, что я старался в своих книгах донести до читателя.

Вышло у меня в Москве и на родине, на Севере, восемнадцать сборников стихов и поэм и две книги публицистической прозы. Наиболее важными для себя считаю «Сыновью любовь», «Радугу дней», «Черный хлеб», «Пласты», «Пятистенок», «Северные

поэмы», «Красные тучи», «Дни прозрения» и «Русь уходит в нас».

Кроме творческой работы, я постоянно занимался общественными делами. Больше десяти лет был ответственным секретарем Вологодской писательской организации, изначально дружной, талантливой и взыскательной. Близкое общение с Василием Беловым, Виктором Коротаевым, Ольгой Фокиной, Николаем Рубцовым, а затем с Виктором Астафьевым, переехавшим к нам с Урала, очень высоко поднимало творческую задачу каждого члена этой удивительной, самобытной организации.

Многим из нас, вышедшим из деревень, здорово повезло: с самого дня рождения наши зыбки окунулись в народную речь, как в животворящую купель. В детскую память и душу просторно ложился язык слышимый, вольготный, со всей своей музыкой и образной выразительностью. Слух деревенского детства еще не осознанно, но уже празднично долетал до корневых глубин родного слова, до тех сокровенных завязей, которые звучали во времена, может, раннего славянства. И мы, слушая взрослых, сами мыслили ярко и даже не замечали попервости того, что в окружающем нас говоре сверкают и переливаются искры поэзии — это было так повседневно и естественно. Теперь, увы, радуга разговорного языка погасла. Подрастающие ныне поколения привыкают на всю жизнь говорить «по-писаному», по-газетному, то есть ограничиваясь в своем общении лишь скудной и сухой горсткой слов. И эта немощь при таком ослепительном богатстве русского языка!

Однако лишь начнешь в своей поэтической работе братья за это богатство, как сразу иные критики поднимают крик: «Это — стилизация!» Как же так? Выходит, и родители наши, и мы сами с детства говорим на «стилизованном» языке. Вот до чего убоги в такой критике представления о подлинной народной речи! Стилизаторы лишь перематывают чужую пряжу, а мы ткем свой узор на станке родного языка.

Поэзия — радостная боль отзывчивого сердца. Она — нервный узел своего времени. Гулы минувшего лишь усиливают ее сегодняшние откровения и обостряют предчувствие будущих. В наше время поэзии не меньше и, конечно, не больше, чем в пушкинские времена. Поэзии в жизни всегда ровно столько, сколько надо обществу.

*Александр Романов
Вологда, 1988*

ПОСВЯЩЕНИЕ
В РОДИНЮ
1954-1964

Кругом вода сильна, нетороплива,
Заката краски сдержанно-пестры.
То тут, то там раскидистые ивы
Горят в лучах, как желтые костры.

За ними, как туманные полосы,
Стоят в воде ольховые кусты,
И моются застенчиво березки,
Хотя безукоризненно чисты.

И каждый ствол, и каждый голый кустик
В себе уверен, ждет поры такой,
Когда и он торжественно распустит,
Раскинет зонт зеленый над собой.

...И мы с тобой, товарищ, верим тоже,
Когда вокруг восторженно глядим,
Что лучший день у нас еще не прожит,
Что все-таки он где-то впереди.

1954

ТРОЕ

На стене с твоим портретом рядом
Фотоснимки двух мужчин висят.
На один ты смотришь грустным взглядом:
Снят на нем молоденький солдат.

В гимнастерке, без погон, в пилотке,
На груди широкой нет наград:
Путь солдата был совсем коротким —
В самых первых схватках пал солдат.

...Пусть уже давно случилось это,
Годы пусть проходят чередой —
Как живой, глядит с того портрета
Он, твой первый муж, защитник твой...

Ты теперь живешь в согласье с новым.
Трепетную память о былом
Этот не обидит резким словом:
Сам солдатом был, фронтовиком.

Он хороший, но его невольно
Сравниваешь с первым, с тем порой,
И тебе всегда бывает больно,
Если в чем-то не похож второй.

Он поймет, конечно. Он заметит,
Что ты брови хмуришь неспроста...
Так живет незримо с вами третий,
Ваша память, верность, чистота.

1954

Мы только вместе посидели
Возле вагонного окна
Да на торжественные ели
Полюбовались дотемна.

Мы только вместе спели песню
В кругу попутчиков-друзей
Да поиграли в карты вместе,
Чтоб ехать было веселей.

Мы только вместе на вокзале
Каких-то несколько минут
Машин попутных поискали
И насовсем расстались тут.

И все как будто бы... Так что же
Меня который день подряд
Тоска неясная тревожит
И мучит тот последний взгляд.

И тот платок, и вздох глубокий.
Пойми, узнай — о чем, о ком?
Не обо мне ли ненароком,
А может быть, и о другом...

Вот так бывает — ветер вешний
Качнет над речкою ивняка,
И после долго тот трепещет,
Не успокоится никак.

1955

Поверишь ли, здесь не природа — чудо!
Иди любой дорогой и тропой —
Березняки и ельники повсюду
Шумят гостеприимно над тобой.

В прохладном мху, в суровом белоусе,
Под хрупкими валежинами

ты

На спрятавшийся рыжик полюбуйся,
На нем роса, опавшие листья...

Усыпан лес грибами и брусникой...
Ну, а пойдешь по просеке назад —
Седые нитки паутины липкой
На пиджаке и в чубе заблестят.

Вот и река. Подъязки плещут сонно.
Вода, как полночь, у кустов черна.
А наклонись и зачерпни ладонью —
Светлей и чище хрусталя она.

И пахнет свежим откровеньем всюду,
Куда б ни шел — на речку или в лес...
Да, здесь природа в самом деле — чудо,
Но без тебя мне очень грустно здесь.

1955

ВИНА ТОВАРИЩА

Ему бы легче было, но смолчал,
Боясь упреков и обид случайных,
Что высказаны будут сгоряча...
И он вину свою оставил втайне.

Но время шло. Узнали все вокруг,
Что он неправду говорил когда-то,
И больше не протягивали рук
При встрече с ним знакомые ребята.

Они смотрели холодно в глаза.
Тогда ему впервые страшно стало.
О, как бы он теперь им все сказал,
Не скрыл бы тайны даже самой малой!

Но время для раскаянья прошло.
А может, нет? Как примется признанье?
Бывает покаянье тяжело,
Но тяжелей друзей негодованье.

1955

ЛЕТО

В горячих полднях бронзовеют сосны,
Темнеют липы и роняют мед,
И лишь к березам в далях сенокосных
Загар опять никак не пристает.

1955

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Твои подружки замужем давно,
Учительницы сельской семилетки.
Ты их порой встречаешь у кино
И — что скрывать — завидуешь нередко.

Они к тебе нешумно подойдут:
Начальство все же — секретарь райкома.
И до сеанса несколько минут
Поговорят охотно о знакомых.

Мол, та родила и женился тот...
И ты за них, конечно, будешь рада.
Пойдешь одна — и на сердце падет
Неясная и тихая досада.

На что же? На кого же? Не понять...
Потом забудешь о досаде этой:
В райкоме заседания опять,
Беседы и вручение билетов.

И за день стольким руки ты пожмешь,
И в столько счастья и несчастий вникнешь,
Что о себе ни разу не вздохнешь,
Не вспомнишь о раздумье о давнишнем.

И лишь когда останешься одна,
Когда мелькнут огни в тумане зыбком,
Почувствуешь ты снова, как нужна
Невстреченная до сих пор улыбка.

1956

Его осанка, подбородок, взгляд
Исполнены надменности усталой.
И тем, которым был когда-то рад,
Теперь кивать при встречах перестал он.

«Он вышел в люди»,— говорят о нем.
Но к людям он пешком не выйдет ныне,
А изредка в величии своем
На персональной явится машине.

«Он вышел в люди»,— говорят о нем,
Но люди ждут его в приемной днями,
Скандалят иногда с секретарем
И кабинет распахивают сами.

«Он вышел в люди»,— говорят о нем...
А так ли это, если мы рассудим?
Не вышел он ни сердцем, ни умом,
Как говорится, чтобы выйти в люди!

1956

Л. Буркову

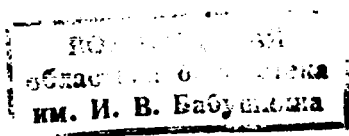
Сойдешь на тихом полустанке,
Где ты ни разу не бывал,
Где лишь минутная стоянка
Да только будка — весь вокзал.
Сойдешь, достанешь папироску
И, от метели заслоня,
На миг в своих ладонях жестких
Укроешь бабочку огня.
Дымком затянешься глубоко,
Проводнику посмотришь вслед,
И станет как-то одиноко —
Здесь никого знакомых нет.
Но, нахлобучив шапку туже,
Пойдешь туда, где должен быть,
И станешь по пути от стужи
В дома погреться заходить.
И если сам ты откровенный,
Немолчаливый и простой,
Хозяин дома непременно
Поговорит, как друг, с тобой.
И самовар бронзовощекий
Хозяйка вынесет потом,
И чай с густым брусничным соком
Дымиться станет над столом.
И будет часто так. Когда же
Пройдет твоей поездки срок,
То кто-то «до свиданья» скажет,
А кто-то выйдет за порог.
Пожмет, прощаясь, руку жарко:
Мол, приезжай сюда опять.
И расставаться будет жалко,
И будет грустно уезжать.

1957

Она стоит на середине
 Иль у дверей избы любой,
 Как величаяя твердыня,
 И служит комнатам стеной.
 С рассвета людям угождая,
 Печет и варит дотемна.
 А сколько дум людских рождает,
 Так знает только лишь она!
 И в ней, широкой, доброй, ладной,
 Натура русская видна.
 В работе выдюжит как надо
 И в горе выстоит она.
 Мы помним, как снаряды выли,
 Крошились стены от свинца
 И как среди огня и пыли
 Держались печи до конца.
 И на виду у пол-России,
 Изранены, опалены,
 Они лишь мщенья просили
 У всколыхнувшейся страны.
 Потом, как повелось извечно,
 Когда затих военный гром,
 Простой и жаркой русской печью
 Мы вновь венчали каждый дом.
 ...Стоит, и ей износу нету,
 Хотя в работе целый век.
 И вот ее за все за это
 Так любит русский человек.

1957

1156835

ДУМА ОБ ОТЦЕ

1

Чем дальше горестное лето,
Тем ярче в памяти моей.
В шинель неловкую одетый
Сидит отец возле дверей.

А на скамье лежит котомка
С домашним хлебом и бельем.
И говорит отец негромко:
— Не надо плакать, мы придем.

Потом встает и медлит снова.
Видать, в родном дому порог
Для человека в час суровый
Нередко кажется высок.

И больше нет воспоминаний.
И лишь известие одно,
Что каждой строчкой душу ранит,
Среди бумаг лежит давно.

Но мы о горьком том известье
Между собой не говорим:
Отец как будто с нами вместе,
И мы как будто вместе с ним.

И если в чем-нибудь немного
Я покривлю душой своей,
Невольно вспомню, как бы строго
Отец взглянул из-под бровей.

А если — даже в малом деле —
Стою за правду до конца,
Представлю, как бы потеплели
Глаза суровые отца.

Уснут в дому мои соседи,
И в полуночной тишине
Веду я мысленно беседы
С моим отцом наедине.

Закрыв глаза, я различаю:
Он в гимнастерке, со звездой,
Сидит с усталыми плечами
И вспоминает первый бой.

...Я будто слышу, как зловеще
Чужие мины без конца
То тут, то там в болото хлещут,
Где был замечен взвод отца.

А взвод ползет меж кочек шатких,
По мхам, разводьям ледяным.
И звезды красные на шапках
Пороховой овеял дым.

И сколько их, пятиконечных,
Навеки меркнет в топи той.
Но взвод ползет врагу навстречу,
Чтоб смять его, смешать с землей.

И в этот час, одно лишь зная,
Что здесь, что именно вот здесь
Россия вся передним краем
Уперлась в опаленный лес,—

Ползут вперед солдаты злее,
Ни жизнь, ни молодость свою —
Ничто на свете не жалея,
Лишь только б устоять в бою!

...Рассвет в окне синее льдины.
Очнувшись вдруг от забытья,
Смотрю вокруг — сижу один я,
Во сне вздыхают сыновья.

Встаю, раздумьями встревожен:
Ведь и у тех, спасавших нас,
Вот так наследники бы тоже
Росли, наверное, сейчас.

И даже все мои удачи
С делами павших не сравню —
Мои дела так мало значат,
И в этом вновь себя виню.

И до конца с такой тревогой
Расстаться, видно, не смогу.
И видно, быть у них во многом
Всю жизнь в долгу, всю жизнь в долгу!

3

Уже давно я не был дома
И не стоял возле рябин.
И вот по просеке знакомой
Иду туда совсем один.
И вижу — что это такое? —
Ах, да — висит передо мной
Как бы мишень на темной хвое —
Из паутины круг седой.
И сразу я о давнем вспомнил:
С отцом таким же свежим днем,
Такой же просекою с полной
Корзиной рыжиков идем.

Глядим — на ветке паутина
Дрожит, росой окроплена.
С кругами серыми в середине —
Ну точно как мишень она.
И говорит отец: «А ну-ка,
Ты попадешь ли в этот круг?»
И в десяти шагах от круга
Я поднимаю тонкий сук.
И целюсь я, но сук мой мимо
Летит и падает в кусты.
С улыбкой, еле уловимой,
Мне говорит отец: «Эх, ты!..»
Кусая губы от досады,

Бросаю много раз подряд.
Отец стоит и курит рядом,
Моей настойчивости рад.
...Пустяк, а вот припомнил это,
И стало на сердце теплей.
Видать, с того хранится лета
Тепло и свет в душе моей.
И мысль мелькнула на минуту,
Не прояснившись до конца,
Что вот уже я сам как будто
Похож немного на отца.
А чем? Походкою, быть может,
Иль темной линией бровей?
Не знаю. Думаю, похожи
Одной судьбой всего скорей.
Все те же дальние дороги
И неотложные дела,
Все те же на сердце тревоги,
Чтоб жизнь как следует прошла.

Героем стать не так легко в бою:
В какой-то миг решить судьбу свою,
И, видя рядом злые, вражьи лица,
Брать на прицел и думать: устою!
И до конца из сил последних биться.

Но, может быть, не менее трудней,
Средь разных повседневных мелочей
И толков о квартире, о зарплате
Не поступиться совестью своей
И жар души напрасно не растратить!

1957

Местком о путевках хлопочет:
Тому надо в солнечный Крым,
Другому — в Батуми иль Сочи,
А мне бы к березам родным.
Туда непременно, где ныне
За синей лесною стеной
Раздольно валы ветряные
Текут по равнине ржаной.
Где слышно, как филин на елке
Простонет порой за селом,
Береза синицею щелкнет,
Ольха просвистит соловьем.
Где зыбкая даль прозвенела
Когда-то,
                  нарушив покой,
Во мне самой первой, несмелой,
Но самой душевной строкой.

1957

Ходят, шутят возле стога
 Девки загорелые:
 — Ой, не стог — старик убогий.
 Мы бы лучше сделали...
 Парни, крякая, с размаха
 Копнами бросаются.
 — Погодите охать-ахать,
 Чертовы красавицы!
 Вилы к небу: вот как мы —
 Есть копна — и нет копны!
 Девки, платья завивая,
 Вновь приходят с ношею.
 На копну — копна другая
 Возле стога брошена.
 И она летит с размаха...
 Ну, не парни — лешие!
 Лишь в плечах трещат рубахи,
 К телу прикипевшие.
 Вилы в землю: вот как мы —
 Есть копна — и нет копны!
 Девки им:— Да вы не очень...
 Это все до случая...—
 И опять бегут, хохочут,
 Мол, парней проучим мы.
 На одну копну — вторая,
 На вторую — третья...
 Еле тащат, изнывая,
 Хоть кричи, чтоб встретили.
 А пришли — и смех опять:
 Вот уж этой не поднять.
 Ну, а парни:— Мы за вилы
 Только беспокоимся...—
 К сену разом подступили
 И в него — до пояса.
 И копна с земли со звоном
 Медленно срывается,
 Тучей шумной и зеленой

В небо поднимается...
Пот смахнули: вот как мы —
Есть копна — и нет копны!
Тут уж девкам не до смеха,
Смотрят с удивлением.
И летят сенинки сверху
Прямо на колени им.
Парни — рады. Встали рядом,
Гордые, беспечные...
Тут сказать чего-то б надо,
А сказать и нечего.
Только чей-то слышен вздох:
— Вот уж вышел стог — так стог!

1958

Его шутивно, добродушно
 Прозвали с малых лет Горой.
 А был Гора совсем не дюжий,
 И уж, конечно, не герой.
 Но так привыкли звать Горою
 Его в деревне стар и мал,
 Что имя доброе порою
 Иной не сразу вспоминал.
 И он привык к такому зову
 И откликался, не браня,
 Когда его, немолодого,
 Звала вот так и ребяшня.
 И то ль от скромности излишней,
 А то ль от робости какой
 Всех незаметнее и тише
 Он был в бригаде полевой.
 И если в чем-то был виновен
 Иль бригадир, иль кто иной,
 Поспорив, все сходились снова,
 Мол, тут Гора всему виной.
 А он, к таким привыкший шуткам,
 С улыбкой доставал кiset.
 Трещала жарко самокрутка
 На эту реплику в ответ.
 И вот однажды в полдень жаркий,
 В пятиминутный перерыв
 Гора газетку для сигарки
 Достал, карманы перерыв.
 Достал и охнул над газетой,
 Качая лысой головой.
 Народ заметил сразу это:
 — Гора, послушай, что с тобой?
 — Да тут вот пишут о Берлине...
 Меня там ранило тогда.
 Добро отстраивают ныне,
 А был — так посмотреть беда...—
 И потянулось к той газетке

Нетерпеливых рук кольцо.
И люди с выраженьем редким
Взглянули в светлое лицо.
И праздник вспомнили весенний:
При орденах, немножко пьян,
Ходил Гора среди веселья...
И, вспомнив, молча рядом сели:
— Давай, закурим-ка, Иван!

1958

Красной копной на пригорке
В сумерках вырос костер.
Дымом то сладким, то горьким
Тянет в заречный простор.

Это бригадная кухня.
Пахнут смолою столы.
Ропщут над пламенем глухо,
Брус прогибая, котлы.

Девушка длинною ложкой
Черпает ловко навар
И не спеша понемножку
Пробует, дует на пар.

В отблесках пламени рыжей
Девушка кажется вся,
Но приглядеться поближе —
Рыжая только коса.

...Лишь упадет, увядая
В клевере дальнем, закат.
— Дай-ко поесть, золотая!—
Ей мужики говорят.

1958

СОЛДАТ

В высоком звании солдата
Прошел он до конца войны.
Лицо от пороха щербато
И на руках рубцы видны.

Теперь он стар. В запас не годен.
И оттого, взгрустнув порой,
Он ищет карточку в комодке,
Ту, на которой молодой.

А там, завернуты в бумагу,
Полузабытые лежат
За Бухарест, Берлин и Прагу
Медали, что принес солдат.

И вновь в огне душа солдата.
Стоит, впервые удивлен,
Что пол-Европы смог когда-то
Пройти не кто-нибудь, а он!

1958

РОВЕСНИКУ

Уже теперь мы сами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.
И снимки фронтовые
Их молодость хранят.
Какие молодые
Они на нас глядят!
Глядят с альбомов старых,
С простенков избяных,
С полотен, с пьедесталов
Да книжек фронтовых.
По всей стране огромной
Который год подряд
Внимательно и скромно
Они на нас глядят.
И как достойно надо
Нам жить, любить, гореть,
Чтоб самым чистым взглядом
В глаза им посмотреть.

1958

1

Она шумна, как прежде, средь подруг.
Но лишь теперь все чаще с каждым днем
На полуслове замолкает вдруг
И думает о чем-то о другом.
И слушает, в себя погружена,
Под сердцем сердца нового толчки...
О, как светлеет в этот миг она
И как подруги сразу далеки!

2

Его пока на белом свете нет,
И о себе напоминает он
Лишь только милой чередой примет,
Но к нам уже он кровно
приобщен.
Он светится давно в лице твоём,
Живет в словах внимательных друзей.
И кажется, что мы уже втроем
Сидим под вечер в комнате своей.
Но кем он будет? И в отца иль мать?
В раздумье ночью не смыкаю век.
Пусть дочь. Пусть сын. И стоит ли
гадать,
Лишь вырос бы хороший человек.
Конечно же, приятно знать о том,
Что новый житель, радуясь, любя,
Сквозь годы будет проходить потом,
Точь-в-точь лицом похожий на тебя.
И может, повторишься ты не раз
Чертой обличья в глубине времен.
Но не о том я думаю сейчас —
Ну, а каким же в жизни будет он?
Порою загордятся кем-нибудь,
Мол, стал каким — оклад и чин
не мал,

И забывают лишь упомянуть:
Ну, а каким же человеком стал.
Досадно это слышать. И опять
Твержу себе, что в наш тревожный век —
Пусть дочь, пусть сын. И стоит ли гадать —
Лишь вырос бы хороший человек.

1958

РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

I

Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых,
Подпоясанных палисадами
И рябинами увенчанных!
То речушки со щучьими плесами,
То леса их к себе привадили...
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери.
И в озерах ржаных да клеверных
Чередуются, будто пристани.
Еле слышные — ближе к северу,
Ближе к югу — голосистые.
Среди них одинокими вехами
Есть такие, что глаз не радуют.
Пассажиры давно все уехали
И не взяли билеты обратные.
Где они и в какой же гавани,
У каких маяков прописаны?
Смотрят вдаль, за леса, не мигая,
Позабывшие эти пристани.
Между ними, будя минувшее,
Там и тут церквушки на склонах
Кораблями лежат затонувшими
И белеют на дне зеленом.

II

Кто жил в селе, тот знает:
Легко понять без слов
Характеры хозяев
По облику домов.
Гляди — на бабку древнюю
Похожа та изба,
Плывут цветы по дереву —
Старинная резьба.
А вон за палисадом,

От краски полосатом,
Иного склада дом:
С простецким мезонином,
С распахнутым крыльцом.
Стоит и взглядом синим
Он смотрит на друзей,
Как парень в картузе.
...Я с малых лет к деревне
Любовь свою несу
За мудрое терпенье,
За строгую красу.
И за ржаные реки,
За клеверный уют,
За то, что век от века
Здесь мастера живут.
Петряево, Налимья,
Житково, Бор Петров...
То прозвище, то имя
Не тех ли мастеров?
Никто о них не знает,
Они легенд древней
И живы лишь в названьях
Российских деревень.

1959

РАЙОННЫЕ ДОРОГИ

Л. Алилуеву

Дороги вы, дороги,
Районные пути!
Охотников немного
Поехать и пойти.
И люди ждут у чайных:
Когда ж какой-нибудь
Грузовичок случайный
Рискнет рвануться в путь?
И вот он едет — нате! —
Не едет, а бредет —
Упрямый, угловатый
Районный вездеход.
Попутчики — к проселку.
Шофер знакомый, свой,
С улыбкой невеселой
Качает головой.
И шутит возле чайной:
Мол, всех забрать могу,
За жизнь лишь не ручаюсь,
А вещи сберегу.
И вновь, тревогу пряча
(Попробуй проберись!),
Решает он задачи
На смелость и на риск.
...Идет машина грузно,
Шоферу нелегко.
Потрескивает кузов
От натиска мешков.
И, к ним прижавшись туго,
Попутчики сидят.
С восторгом и испугом
Назад бросают взгляд.
И говорят влюбленно:
— Лишь он проехать мог!
Шофер дорог районных —
Король таких дорог!

1959

Пришел я поклониться
Тебе, река Двиница,
И посидеть у плеса
Наедине с тобой.
Ты вроде мельче стала,
Ольхой позарастала,
Но все петляешь, словно
Проселок голубой.

Пожалуйста, припомни,
Как ты, да лес, да поле
Нам первые уроки
Давали в те года,
Когда осоки заросль
Нам водяным казалась
И рыбкой золотою —
На дне твоём звезда.

Ты понимать учила
Крутых порогов силу
И чистые глубины
Ценить и постигать.
Любить рассветов свежесть,
Полей родных безбрежность
И в омуты глухие
Не трусить заплывать.

Об этом ты немало
Волною напевала,
Осокою звенела
По тихим берегам,
Мол, пригодится это,
Ребята, вам на свете...
И верно, пригодилось
Все это в жизни нам!

Бродить всегда немного грустно
По следу детства своего...
Под сапогом валежник хрустнет —
Ты не услышишь ничего.
Перед глазами те мальчишки,
Среди которых ты и сам...
Большой, чудной, не там их ищешь
И не по тем бредешь местам.
Пройди деревней — будут встречи,
И каждый может угостить.
Ну что ж — все верно, все извечно.
И надо ль, в сущности, грустить?
Но ты — чего-то ищешь странно
В лесу без тропок и дорог.
Боровики — так еще рано,
А землянику — вышел срок.

1960

За нашею деревнею
На тихие снега
Присели елки древние,
Как грузные стога.

И разметались елочки,
Как будто копны трав,
Колючие иголочки
Сенинками подняв.

И не видать за елями,
Как там снега легли...
По-летнему все зелено,
Все зелено вдали.

1960

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она.
Загляделось полсела —
Диво!
«Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»
Запоеет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст
В каждой песне — сердца тайна,
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердце знаток,
Только шурился, вздыхая,
Разгадать никак не мог,
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?!

1960

Половики, что вьюги нам настлали
На тропках, на дорогах, у крылец,
Из белых уж коричневыми стали
И износились к марту под конец.
Весне на помощь вновь пришли лопаты
Средь солнечной веселой кутерьмы.
По глыбам снега, мокрым, ноздреватым,
Читаю я историю зимы.
В них каждый пласт по-своему заметен.
Ну, а внизу, к весне не потускнев,
Лежит полоской радостного света,
Лежит в травинках самый

первый снег.

Ах, первый снег! Припомни-ка,

тот самый,

От всех стеной отгородивший нас.
Мы встретились тогда с тобой глазами
И опустили взгляды в первый раз.
Какие плыли крупные снежины
И гасли рядом, в травяной тиши!
...А ты-то помнишь это?

Напиши мне.

Пожалуйста, скорее напиши!
Один брожу под вечер где попало
И думаю о жизни и весне.
За городом, за солнечным

вокзалом,

Горит последним
Самый первый снег.

1960

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!»—
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — все одно:
Улочка, снега, рассвет морозный
И твое кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадов сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

1960

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он — как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отращивал
С последней мировой.
Вот снова былъ у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, былъ военная,
Как гнался за вражьем
Под Прагою и Веною
На танке на своем...
И былъ за былью вяжется,
И былям нет конца.
Что прожито, то скажется,
Заденет за сердца.
Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,
От радости — всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов,
И веет, веет былями
От прожитых годов.
...Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится.
Присядешь у ворот.

1960

И младший сын уже оставил дом.
Его на пристань провожать пришла
И только тут заплакала при нем —
В последний час сдержаться не могла.
Тебе никак не верилось сперва,
Что сын-то, даже младший,— уж солдат.
Острижена, как в детстве, голова...
Ах, годы, годы, как они летят!
Давно ль, скажи, изба была тесна,
Когда семья собиралась в поздний час?
А с пристани теперь зашла одна —
Огромной показалась в первый раз.
Ушли сыны на разные дела.
По-матерински ты могла понять,
Что срок пришел, и это позвала
Их от тебя уже другая мать.
Она сынам оружие дает,
Погоны пришивает, ставит в строй,
Она выводит сыновей в полет,
Их осеняя красною звездой.
И как по-матерински ей не знать,
Как ты грустишь, коль нет от них письма?
...В пеленках были — не давали спать,
А подросли — так не уснешь сама.

1960

Елка зеленой ракетой
Нацелена в облака.
Деревню по елке этой
Отыщешь издалека.
Давно я ушел оттуда,
В городе — парень свой.
Но это дремучее чудо
Шумит и шумит надо мной.
Я знаю — у многих ныне
Простых городских ребят
То липы, то рябины
Вот так же где-то шумят...
Когда мы бываем молоды,
Далекое снится нам.
Умом мы обязаны городу,
А сердцем — деревням.
От золотых поленниц,
Что ставят весной всегда,
Всё мое поколение
Прошло через города.
И ныне тревожно бывает
И грустно мне неспроста —
Родных деревенок названья
Не в сердце храним —
В паспортах.

1960

Лишь память затронешь,
Посмотришь назад —
Вокзалы, перроны
Сквозь жизнь летят.
А где-то деревня
Одна, одна.
Черемухи дремлют
Возле окна.
И ехать-то к ней
Через две темноты,
Но тысячу дней
Собираешься ты.

1960

О тебе никто не слышал,
Речка Белая Вода.
Самых тихих речек тише
Ты струишься в холода.
В сосняке свои приметы
Потеряешь ты не раз,
И тебя как будто нету,
Нету... для случайных глаз.
Но апрельскою порою
Солнце брызнет горячо,
Сундуки снегов откроет
Золотым своим ключом,
И вскипаешь ты бурливо,
Речка Белая Вода.
Знают лишь ольха да ива,
Как красива ты тогда.
На простор выходишь снова
И сильна, и широка
И вmyваешь в куст ольховый
Льдинки, солнце, облака.
Молодая, озорная,
Солнцем светишься до дна
И бежишь, в кустах играя,
Только озеру верна.

1960

Я нашел в деревенском столе
 Письма старые, фронтовые.
 Будто шли они двадцать лет,
 И сейчас получил впервые.
 Я когда-то, конечно, читал
 Эти очень нежные письма,
 Но тогда был и глуп, и мал,
 И не мог такого помыслить,
 Что останутся только они,
 Что отец споткнется где-то,
 Упадет посреди войны
 И его никогда не встретить.
 Фронтовые письма отца —
 Треугольники, без конвертов.
 Из письма в письмо без конца:
 «Не горюйте, крепитесь, верьте...»
 Можно было подумать о том,
 Что не он — мы в огне и дыме.
 А у нас был все-таки дом,
 Был и хлебушко, правда, единый.
 Про себя он писал чуть-чуть,
 Как всегда, писал, между прочим.
 То — «здоров», то — «опять лечусь,
 Царапнуло, да только не очень...».
 До чего же скупы слова
 И значительны многоточья.
 Как мне хочется расшифровать
 Все, что сказано между прочим!
 Нет, потеряны все пути.
 Он, шагавший от боя к бою,
 Нас не только хотел спасти —
 Защитить и от лишней боли.

1961

У матери старой три сына.
Всех на ноги подняла
И, как огромна Россия,
Впервые теперь поняла.
Меж матерью и меж ними
Впервые с недавних времен
Стал самым необходимым
Чужой человек — почтальон.
С утра побредет из деревни
На почту один по снегам,
А мать готова поверить,
Что он — уходит к сынам.
Что он дойдет непременно
(День целый — да это год!)
И в сумрачную деревню
От них письмо принесет.
...Окно застилает дымом,
С чего бы — ей не понять.
Идет почтальон, но мимо,
Идет, но мимо опять.
И надо себя пересилить
И браться вновь за дела...
У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла.

1961

ЕЛЬ

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой.
И, вершинку опалив о звезды,
Накренилась темною пургой.
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать,
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую,
И последнюю, черту.
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрее,
Все ниже,
Ниже,
Понимая,
Что не выжить.
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки —
И
Тяжелый вздох!

1961

Он только это запомнил:
 Споткнулся о что-то с разбега,
 Не зная, что это ладони,
 Ладони доброго человека.
 И только тогда поверил,
 Что с ним случилось неладно,
 Когда озябшие перья
 Кто-то тепло разгладил.
 Он так и замер от страха
 И сунулся в кипень снега,
 Не зная, что это рубаха,
 Рубаха доброго человека.
 Звенели по насту лыжи,
 Визжали на поворотах,
 И он над собою слышал:
 Ругал человек кого-то.
 И вот, озаренный светом,
 Он ринулся в тень неловко,
 Не зная, что печка это,
 А не старая елка.
 Ему человек в охапке
 Наваливал веток к ночи,
 Где много влажных и сладких,
 Пахнущих лесом почек.
 А вскоре ранью белесой,
 Когда на озера окон
 Заря потекла из леса
 Подснежным клюквенным соком,
 Он крылья раскинул натужно,
 Почувяв снова здоровье,
 И красными полукружьями
 Затрепетали надбровья.
 И шея зобом набухла,
 И рябь прокатилась шеей,
 И что-то забулькало глухо,
 Потом все гуще, слышнее —

И вот поплыла из окошка,
Пугая старух суеверных,
Тоскливая песня терешки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет, и ельник,
И отклик ему понятный,
И то, как черкал соперник
Крыльями снег примятой.
И все, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

1961

В автобусе ехала женщина,
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно, не меньше ей,
А может, меньше — не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела вполоборота,
Как будто и дела мало,
Что ею любитесь кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —
Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.
С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одернула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла и долгие взгляды
Она за собой уводила,
Быть может, сама не рада,
Что так сердца бередила...
Спасибо тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что ты про наших красивых
Собой хорошо напомнила.

1961

Есть красота всевластная
Девичьих чистых лет.
Приходит, будто хвастает,
Что лучшей в мире нет.
В ней все, как в утро раннее,
Когда горит восток:
Игра и обещание,
Открытость и намек.
Она мудра в наивности,
В суждениях проста.
Не верит, что поблизости
Иная красота.
Пора спокойных полдней,
Высоких облаков,
Свечением наполненных
И злаков, и плодов.
Пора морщинки первой,
Так памятной для нас,
Вокруг в себе уверенных
И чуть усталых глаз.
Однажды рассмеялись
Глаза, и в этот миг
Не стертою осталась
Морщинка возле них.
А может быть, иначе —
Обрушилась беда
И след свой обозначила
Морщинкой навсегда.
Пора солнцестояния,
В которой все черты
Иного обаяния,
Особой красоты.

1961

Неяркое позднее лето,
Спокойных небес глубина.
И осень — за просекой где-то,
И где-то за речкой — весна.
Но эти приметы неброски,
Соседствуют рядом они.
Порой зеленеют березки,
Точь-в-точь как в весенние дни.
Но в это лишь стоит поверить,
Как вдруг из-за просеки той
Нежданно прохладой повеет,
Запахнет брусникой густой.
Листвой опалит золотою
Дома и поля на лету...
И сердце поверить готово
В иную уже красоту.
Сажу я с тобой до рассвета,
Хмелею опять без вина...
Неяркое позднее лето,
И глаз, и небес глубина.

1961

Поленьями ольховыми
 Похрустывает печь.
 Как благодатно с холода
 Кофтенку сбросить с плеч!
 И вот в сиянье жарком
 Она полунага.
 Шипя, летят огарки
 Стрекозами к ногам.
 Их веником сметает,
 Чтоб ноги не обжечь.
 И шаньги на сметане
 Начинает печь.
 На окнах иней розовый:
 Видать, заря встает.
 Пропели рядом розвальни
 И стали у ворот.
 И вот уж двери настезь,
 И на пороге — он!
 Смеется: «Здравствуй, Настя!»
 И делает поклон.
 А от порога катится
 По половицам пар
 К босым ногам красавицы,
 Как белый-белый шар.
 И вспыхивает девушка,
 Не смея поглядеть:
 Кофтенку сразу —
 где уж там! —
 Успеешь ли надеть.
 «Да что ж ты, Настя,
 прячешься?
 Ведь я к тебе — навек!..»
 И на лицо горячее
 Летит с ушанки снег.

1961

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день.
И, как стадо рыжих коров,
Что отбилось от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжел,
Уронил кулаки на стол.
В пору водку хлестать со зла.
Рожь! Какая она была!
Он, от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал порой
На сухом васильковом дне,
И катились над головой
Шумно, мягко волна к волне.
А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны,
Сине-синие, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны.
Лишь испить бы чаши полей,
Эти синие чаши, до дна,
Стали б руки еще сильнее
И повыпрямилась спина.
Дождь, дождь, дождь...
Одному сидеть невтерпеж.
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Ноет сердце — в поля, сквозь дожди!
И машина летит, рыча.
Речка, лужа — не разберешь,
«Газик», старый друг, выручай!

У бурлящих, вязких борозд
Он бросал и курил опять,
Словно горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
«Ничего,— говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе,—
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе!»
«Ничего,— говорил он льнам,
Ну а может, себе опять,—
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!»
Ну-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Темнота и морось кругом...
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша,
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

Рванулась на крыльцо: приехал сын!
 И сразу поняла, что не один,
 И отступила, посветлев, назад.
 Я тут же, у крыльца, знакомлю их —
 И вот они, две женщины, стоят,
 Пока еще две женщины чужих.
 О, это посвящение в родню,
 Смятенье чувств и зоркость мудрых глаз!
 Волнуюсь и молчание храню:
 Мои слова им не нужны сейчас.
 Они сейчас сердцами все поймут,
 Я прав иль нет, что говорил о них.
 Целуются, друг другу руки жмут,
 Но все еще две женщины чужих.
 Шумит по-праздничному самовар,
 Все в золотинках солнечных насквозь:
 Глаза, морщинки и над чашкой пар,
 Игра ресниц, и прядь густых волос.
 И, как у нас ведется в деревнях,
 Уже соседки поглазеть идут.
 — Ну, проходите! Что вы там, в дверях?
 — Да ладно, ладно, постоим и тут.
 По делу мы, вон к матери твоей,
 За квасом мы. У ней такой уж квас!..
 Налили квас, но все же от дверей
 Нейдут они, разглядывают нас.
 И говорят: мол, это кто, жена?
 Уж до чего ж пригожа да бела,
 И рослая, гляди-ко. Знать, она,
 Голубушка, не в городе росла.
 Уж больно городские-то бедны:
 Ни спереди, ни сзади — ничего...
 И вижу я, как чашка у жены
 Дрожит в руках и плещется чаек.
 А я смеюсь: не угадали, нет,—
 Из города, из Вологды самой!
 И ахают притворщицы в ответ

И с новостью торопятся домой.
...Сидим втроем, толкуем допоздна,
Веселый самовар давно затих.
— Спасибо, мама,— говорит жена,
И вижу тут, что женщин нет чужих.

1962

Хоть солнце и зашло уже
И хоть повял закат,
Как маленькие солнышки,
Березы все горят.
И в те часы вечерние,
Когда войдешь в село,
От этого свечения
И в сумерки светло.
Давно крыльцо отворено,
Но я стою, смотрю
На эту белоствольную
И тихую зарю.
И ничего не надо мне,
Лишь только чтоб она
Дружней росла посадками,
Родная сторона.
Скорее в люди вышла бы,
Да встала в полный рост,
Да свет несла над крышами
Не только от берез.

1962

Как поредел осенний лес!
В лесу пора лучшая.
Молчанье слушаю здесь,
Себя слушаю.
По веткам солнце потекло,
Блестит, радуясь.
Я вглядываюсь в даль стволов,
В себя вглядываюсь.
Тропинка влажная шуршит,
Шумит листьями.
Смотри-ка: выше всех вершин —
Одна лучистая!
Одна береза выше всех,
Струится золотом вверх,
Стоит — не горбится,
Белая, гордая.
Смеется, шуршит
Каждым листиком...
...Ты в лесу моей души
Такая же чистая.

1962

Ты нежданно и негаданно
Решила, как всегда:
«Говорят, красивый Кадников —
Поехали туда!»
Песни девичьи расплескивал
Автобус поутру
За полями, перелесками
На молодом ветру,
Все привычное, усталое,
Мешавшее нам
За автобусом оставлено
По разным сторонам!
Я в глаза твои заглядывал,
Своих не отводя.
И когда тебя разгадывал,
Разгадывал себя...
По дороге по укатанной
Легко из-под горы
Мы влетели в город Кадников,
В зеленые шатры.
Ты смеялась очень молодо,
Споткнувшись второпях,
И шатались мы по городу,
Где яблоки в садах.
Ах, в Кадникове яблоки!
Попробуешь раз —
Как будто озябнешь,
Прищуришь глаз.
В холодных росинках
Яблок любой,
С горчинкой, с кислинкой,
Как наша любовь.
Мы малиной сластили
Яблоки там,
Малина ливнем красным
Стучала по кустам.
И мы в зеленой заводи,

Где славно отдыхать,
Бродили, взявшись за руки,
Счастливые опять.
И мы решили загодя:
Чуть что — скорей туда,
Где в яблоках и ягодах
Такие города!

1962

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.

Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.

Она стоит, облокотившись
На вересовый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.

И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет,
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко,
Но никого покуда нет...

1962

Разлука, что зима у нас на севере,
И день и ночь метелями знобит,
И потому с души моей отсеяна
Вся шелуха упреков и обид.
Бывает, под метелью трудно выстоять,
Но крикнуть, чтоб услышали, трудней.
Вот так и я — кричу тебе, единственной,
Сквозь маету моих метельных дней.
Кричу: люблю! И тем живу и верую,
Что ты услышишь и поймешь меня.
...Разлука, что зима у нас на севере:
Все жжет, лишь оставляет зеленыя.

1962

Ты что-то мне напомнила, рябина,
Лишь теплый ветер дунет — ты опять,
Живучести полна неистребимой,
Готова белым цветом полыхать...
Когда ж июль течет на ветки жаром
И хмель бушует, молод и курчав,
Твои пылают ягоды недаром,
Но зря пылают: чуточку горчат.
И лишь когда ударит иней поздний,
Ты станешь вновь единственно любя.
Тогда твои тоскующие гроздья
Чем холодней, тем слаще на губах.

1962

Кто он был? В каком таком обличье?
 Он стоял на фоне синевы,
 И сквозило что-то необычное
 В повороте смелой головы.
 Что-то в нем былинное сквозило:
 Вот поднял он руку, застя свет —
 А в руке буграми ходит сила,
 Все он может, стоит лишь посметь.
 Вот рукою, чтобы не торчали,
 Он поправил волосы слегка,
 И уже задеты нечаянно
 В небе закачались облака.
 Он — один. И никого здесь кроме.
 Сам себе пока — слуга и князь.
 А вокруг леса. Синеют кроны,
 Как курганы, в небе громоздятся.
 Он развалит синие курганы
 И достанет клады, а потом
 Эти клады чисто остругает
 И отешет ярым топором.
 И тогда он явит миру золото,
 Хохоча от щедрости хмельной,
 Рубленое, пиленое, колотое,
 Пахнущее соком и смолой...
 И пошел он, жилистый и крепкий,
 Ельниками темными не зря —
 Брызгали испуганные щепки,
 Шлепались в озера и моря.
 И где стыли сумерки сырые,
 Как подвалы вековые, там
 Синь и солнце хлынули впервые
 По его размашистым следам.

1962

Как выстрел, грозное известье
 Скатилось в утреннюю тишь:
 «Вступают русские в Париж!»
 И сразу дрогнули предместья.
 Сшибались в панике повозки,
 Храпели кони на мостах...
 О боже! За пожар московский
 Они Парижу отомстят.
 ...Полки торжественно входили,
 И с высоты лилась, хмельна,
 На гренадерские мундиры
 Апрельская голубизна.
 — Да здесь, ребята, красно лето,
 Куда нас, братцы, занесло! —
 Шинели бросив на лафеты,
 Солдаты щурились тепло.
 И в том строю, причастный к славе,
 Перехватив ремнями стан,
 Летел в седле веселый, бравый
 Российской службы капитан.
 Он счастлив. Он сейчас не помнит,
 Что в Петербурге знаменит,
 Что в тишине лицейских комнат
 Его певучий стих звенит.
 Он просто русский! Он в Париже!
 Он из Москвы пришел сюда,
 Чтоб нашу речь Париж услышал
 И чтоб запомнил навсегда.
 Он видел много, понял много
 И ничего не позабыл:
 Ни бивуаки, ни тревоги,
 Ни одиночество могил.
 И он гордился, что в Париже,
 Наветам гнусным вопреки,
 Солдаты наши сердцем выше,
 Чем безрассудные враги.
 Здесь, перевязывая раны,

Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку-Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно
Они стояли, закурив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Теперь на мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

1962

Легко и просто сердце ранить,
Легко и просто:
Слова бывают словно камни
И словно гвозди.
Лишь стоит взять слова неверно,
Сказать неверно,
Глядишь — и чья-то радость меркнет,
Улыбка меркнет.
А молвишь ради пустословья
И суесловья —
Тебя на низости изловят,
Всегда изловят.
А если что-то бухнешь сдуру,
Пойдет потеха...
В ответ тебе взметнется буря
Крутого смеха.
А промолчишь, когда бы надо,
Сказать бы надо,
Слова немые — как досада,
Себе досада...
Слова — не пули, но бывают,
Как пули, остры.
Легко и просто сердце ранить,
Легко и просто.

1962

ХУДОЖНИКИ

(Поэма)

I

Омут — вверху,
Омут — внизу.
Долбленные лодки
Гостей везут.
Берег что кромка.
Вверх и вниз
Ельники запрокинулись.
Весло задевает
Пики вершин,
Игру затевает,
Лес ворошит.
Гости не просто
Едут в гости,
Не просто вдосталь
Размять кости —
Ищут Русь,
Русь настоящую,
Скрытую где-то
За синими чащами.
В Москве говорят:
Север богат,
Что ни наряд —
Радует взгляд.
Юбки, оборки —
Боже мой! —
Так и веет стариной.
В лёте собольем
Камень веков —
Это соборы
До облаков.
В избах посконных,
В темных углах
Тлеют иконы —
Ах!..
Омут — вверху,

Омут — внизу.
Долбленные лодки
Гостей везут.

II

Спрашивали Марью соседки востроглазые:
— Те, что ночевали, с какой они оказией?
Наши полномоченные — так пошто же в лодках?
Да и полукруглее наши в подбородках...—
Отвечала Марья:— Из Москвы, сказали.
Как взглянула, бабы,— хлопнула глазами:
Право, век не бриты — черные волосья,
Наши старики и то таких не носят...—
Засмеялась Любка — ни жена, ни девка,
Самая отчаянная в разных переделках:
— А по мне с бородкой мужичок любяе...—
Бабы замахали:— Перестань, Любава!
— Ну так вот: сказали,— из Москвы, а сами
Живописцы!— Марья вскинула глазами.
Молча и с почтеньем бабы покивали,
Любкина улыбка обежала дали.
— Ну, тебя посадят и нарисуют, Марья.
Только ни к чему: ты, Марья,— старая.
Вот бы меня! — и Любка,

грудь выпятив упруго,
Прошлась перед соседками по лужайке кругом.—
Вот бы меня такую — была б у них картина!
И я бы на картине в столицу покатила.
В Москве я не бывала, так хоть с картины,
что ли,
Взглянуть бы на Москву...

— Да ты того не стоишь!—

И Любка ошарашенно
Вдруг погасла:
— Не стою, по-вашему?
Это напрасно!
Я вся измолотилась —
В поле, на дворе ли.
В жены не сгодились,
Так сгодилась в деле!
А что гуляю — нате:
Раз живу на свете.

Я не виновата,
Что судьбы нету!
— Да что же ты?

Скорёшенько

Разгорячилась — ишь!
Плесни водой из ковшика,
Так, право, зашипишь...

III

Забрякала заслонкой
Марья чуть жива
И рыжего цыпленка
Пустила под дрова.
И он в одно мгновенье
Вырос в петуха
И стал клевать поленья,
Шуметь и трепыхать.
И вот уж в печке жаркой
Он не один, а пять,
И ни который в драке
Не хочет уступать.
И Марье вроде легче
Стало в груди —
Расправила плечи,
Пошла гостей будить.
Ах, чистая горница,
Прохладные полы!
Босиком хочется
По таким проплыть.
Кровати из березы,
Как баржи, грузны,
Которые увозят
В любовь и сны.
А одеяла жаркие
Работ ручных
Цветастыми лужайками
Лежат на них...
— Ребята, эй, вставайте,
День-деньской!—
Дрогнули кровати
В горнице глухой.
И выходят бороды

С прытью молодой.
Тишина распорота
Смехом и водой.
Брызжут и хохочут,
Плещут в три ручья,
Лишь несмытой ночью
Бороды торчат.
К самовару сели.
У него уже
Булькает веселье
В медной душе.
— Брось-ка сковородки,
Марья,— и за стол.
Вот у нас селедка,
Хороший засол.
— Сейчас, сейчас, ребятки,
Картошка кипит.
Со своей грядки —
Добра на вид:
Рассыпчата, развариста,
Ешьте с селедкой, пожалуйста...—
И Марья тащит,
Прижав, чугунок.
Пар летящий
Ее обволок.
Присела с краю
За шумный стол
И разливает
Чай густой.
В платочке ситцевом,
В кофте ситцевой,
Сшитой, как и в Москве, например,
Лишь бы подольше стала носиться,
Была б не маркой — вот и весь манер.
Ни кружев, ни вышивок — проще простого...
Тревожно художники щурят взгляд —
Быть может, и ехать сюда не стоило,
Чего же зря в Москве говорят?
Но чай дымится,
А за чаем
Светлеют лица
Даже печальные.
И посидеть
За ним доведется,

Сам по себе
Разговор заведется...
Скажи-ка, Марья, людям приедем,
Где же наряды прежние, где же?
Где же они, которые радовали:
Юбки, опоясанные радугами,
Сарафанов праздничных размах,
Кружевная невидаль кокошников,
Розовая выдумка рубах?
Марья смотрит странно и печально
И в ответ лишь головой качает:
Молодость всем грустно вспоминать.
И, забыв, что чайник полон чая,
Доливает кипятком опять.
Спохватившись, охает и молча
Замирает, опустив глаза.
Видимо, припомнить что-то хочет
Из того, чего забыть нельзя.
Все взметнулось, что давно осело,
Отсияло в глубине души
И поплыло пестрой каруселью,
Скрытую тоску разворошив.
Всполохами память озаряло
То одно, затем иное вдруг.
Почему-то всплыли сеновалы,
Как часовни, у родных излук,
А за ними — дымка зоревая,
И травища, как зеленый брод,
И она, Машутка, в сарафане
Яблонево, розово идет.
Пели косы — и трава пласталась,
И струился яблоневый стан.
Позабыв про завтрак и усталость,
Шел за нею и косил Степан.
Холостой — еще не муж, не слесарь,
Не солдат последней мировой.
И тянулись два прокоса к лесу,
В елки, на полянку, с глаз долой...
Вдруг картины эти покачнулись,
И уже иное перед ней:
Многолюдство деревенских улиц,
Бражный праздник после трудных дней.
И она идет, жена Степана.
Молодушка — слышится молва.

А по кофте белыми цветами
Брошены воздушно кружева.
Нравилась Степану эта кофта.
Он с войны писал, из-под огня:
«Все меняй на хлеб, жалеть чего там,
Лишь не трогай кофту до меня».
Марья, Марья! Это что с тобою?..
Стол поплыл, и самовар поплыл,
И окно поплыло голубое
В сумерки, в полынный чернобыл.
Наклонилась, побледнела Марья:
Подождите, все пройдет сейчас...
Вот и стол на месте замирает,
И окно встает напротив глаз.
— Ох, ребята! Вы о чем спросили?
Про одёжу, что ли? — И она
Улыбнулась грустно, через силу:—
Вам-то, не пойму, к чему она?
Прежней нету, я скажу по правде.
Нáжить всю спустили за войну.
Что осталось: то в музей отправили,
Чтобы помянули старину...—
Загрустили гости: эх, как надо
Для эскизов, то есть для картин,
Ну хотя б один
Из старинных северных нарядов.
Иль уборы — как назвать? — кисейные,
Или — как там! — разные платки...
Марья смотрит: нет, не чужеземные,
Ну, а до чего же далеки!
Поднялась, решила, чай оставила:
Мол, поищем...

И в селе тотчас

Суматоха началась —
Слух прошел: скупают вещи старые!
Все тащите, что на чердаках,
В закутках и прежних сундуках!
И пошло! Сперва бегут мальчишки —
Те привыкли собирать-сдавать —
Тащат к Марье ржавую кровать,
Без обложек, трепаные книжки,
Ведра, шкворни, даже чей-то бюст,
Валят все — лишь звон, и треск, и хруст...
И глядят назад не без причины.

Ковыляют бабки — вновь скандал:
У кого-то Библию стащили,
У кого-то чугунок пропал...
Гости говорят: не то, ребята,
Уносите это все обратно —
И на Марью вдумчиво глядят,
И к ее ногам роняют взгляд.

IV

Прошлись по деревне —
Рисовать хочется.
Вот наконец древне-
Русское зодчество.
Избы просторны,
А под крышами
Разно узоры
По дереву вышиты.
Будто б на нитки
Сушка нанизана,
Сушкой обвита
Стена до карниза.
Там — погляди-ка! —
Затейливо вяжутся
И повиликой
Веселой кажутся.
Всюду черт знает
На чем и лепится
Эта резная
Чудо-нелепица!
Крыльца крылаты.
Дверь распахнется —
Не крыльца — палаты,
Полные солнца.
Смотришь и верится:
Вот-вот сейчас
Красная девица
Выйдет встречать.
Молвит распевно,
Улыбчиво, просто,
Мол, заходите,
Добрые гости.
И, застеснявшись

Своей красоты,
Чуть приподымет
Кончик фаты...
Ждешь беспокойно
И смотришь на двери —
Ведь вот какое
Крыльцо навеют!..
Скорее мольберты
Поодаль ставь,
Чтобы ЭТО
Пело с холста.
Скинув куртки,
Садятся ребята,
Гаснут окурки
В траве примятой.
Но — странное дело —
Досадная малость:
ЭТО не пело —
Лишь красовалось.
Лишь по холстам
Разлетались линии,
Как выростали
Курганы синие,
А на курганах
Старое зодчество
Дивно сверкало
И кособочилось...
Как же случилось —
Скажи на милость —
Умение дедов
Не пригодилось?
Наверно, ответят:
Это — пустое.
Наше столетье
Умеет строить.
И дедам — где там —
Многоэтажье.
Такое дедам
Не снилось даже...
Да, приезжает
К нам за граница,
Чтоб поучиться
И подивиться.
И смотрит, чтоб дома

Об этом рассказывать,
Как дыбятся домны
Стальными Кавказами.
Но кряду глядит,
Обалдев совершенно,
Как солнцем завит
Василий Блаженный.
И купольной гроздью
Врублен до звезд
Не знавший про гвозди
Кижский погост.
Как складывал гений
В Поморье седом
Былины селений
Простым топором...
...Ребята рисуют,
А к ним по травам,
Собой красуясь,
Идет Любава.
Она за пригорком
В мареве синем
Траву на подкормку
Коровам косила.
Еще не остыла
От жаркого дела,
И в прядях густых
Травинка висела.
И парни, конечно,
Кисти — в сторону:
Откуда? Здешняя?
Вот здорово!
Играя глазами,
Дразнит ребят:
Мол, я — за вами,
Траву загребать.
Летит улыбка
К ним на холсты,
Подходит Любка,
Глядит застыв.
Да это же — чудо:
Дома знакомые
Как нарисованы! Чуть
Не диковины.

Словно впервые
Видит она
Крыльца, перила,
Сказку окна.

v

Вдруг удар громоподобной пушки —
Дрогнул синий и зеленый свет.
Ах, опять в березовые стружки
Завихрился реактивный след.
Он плывет над хвойным захолустьем
И над Любкой в стихнувшей траве,
Над холстами, тронутыми грустью,
Близь и даль связуя в синеве.
И следят из-под руки ребята,
Засмотревшись молча в окоём.
Где же Русь — чтоб глянул — и понятно:
Вот она в обличии своем!
Может быть, как лебедь Васнецова
Улетела в дали — не поймать —
И сегодня проплывает снова,
Вон летит — уже стальная стать?!
Так зачем художники, поэты,
Сотни верст в пути исколесив,
В северные дали рвутся летом,
Как Колумбы, в поисках Руси?
И, найдя заброшенную прялку,
Иль икону, или тканый плат,
Иль резьбу — восторженно глядят:
Это все и дорого и жалко.
А в огнях торжественных, московских,
И в парижских, и в иных огнях
Плещут сцены и кипят подмостки
В вихре сарафанов и рубрах...
Ну, так где же Русь?.. Молчат ребята,
Засмотревшись в синий окоём,
Будто перед кем-то виноваты,
Думают о чем-то о своем.
И всплывают, словно издалека,
Тетки Марьи скорбные глаза,
Руки на коленях, как упреки,
А потом тумана полоса.

Из тумана выросли знакомо,
Будто бы крутые берега,
Серебристой чернью дом за домом
Песней, не подхваченной пока.
И березы, как стога большие,
И за речкой косарей костры...
Все звенело, бушевало, жило
И плескалось прямо на холсты.
Это все: и руки на коленях,
Жилистые, в узловатых венах,
И глаза, то весело, то грустно
Глянувшие в даль, и те пути,
По которым нам к добру идти —
Все взывало в этот миг к искусству:
На меня вниманье обрати!

VI

Сказали ребята: мы тебя нарисуем!
И вот три мольберта поставлены в ряд,
И Любка сидит на копне, как на стуле,
Попав под тройной и разборчивый взгляд.
Она смущена, хоть совсем не привыкла
смущаться,
Одеться бы, что ли, в хорошее платье, а то
В каком-то застиранном, стареньком платьице,
И этот на ней, как на грех, невеселый платок.
Ведь будет потом ей неловко в столице,
Подумают сразу: «деревня» — и губы скривят.
А Любка такая — никак уступать не годится!
И брови взлетают, и светится вызовом взгляд.
И вот проступают, сначала игривым намеком,
На белых холстах очертания Любкиных глаз,
Потом раскрываются дерзко в смятенье
глубоком,
В смятенье таком, что прочесть невозможно
зараз.
А парни торопятся, будто и впрямь открыватели
Какого-то мира, пока неизвестного им.
И кисти летают, поглубже сомненье запрятав,
И отдают предпочтение чувствам другим.
Оно остается, слегка приглушенное думой,
Работают кисти — и в думе таится вопрос,

И рядом — грустинка. Как будто бы сиверко
дунул

И эту грустинку в глаза ненароком занес.
Но вот завершенье — распахнуты бойко

ресницы,
Во влажных глазах отражаются будто впервой
И травы, и небо, и взгляд удивленьем лучится
И полнится молодостью и синевой...

— А ну-ка, взгляни,— говорят ей ребята
устало,

И кисти бросают, и мрачно молчат неспроста.
Она подбегает — такого вовек не видала:

Девчонки, знакомые очень, глядят на Любаву
с холста.

Девчонки, как сестры, которых у ней не бывало,
Но вот отыскались нежданно, сошлись на угор,
И каждой дается веселое имя — Любава,
И каждая молча глядит на другую в упор.
Лишь только одной, самой старшей, они

поручают
Сказать за себя, похвалить иль похаять ребят,
...А Любка, сияя, молчит и молчит поначалу,
И, пристально глядя, в себе открывает себя.
Потом, обернувшись, парням говорит, что

похожа,
Вот только платышко и этот платок не по ней.
И просит ребят заменить на холстах,

если можно,—
Ведь есть и в деревне наряды куда поновей.
Не нравится Любке ни в чем уступить

горожанкам,
Ни в малости малой! Бывает обидно до слез,
Когда сарафаны и кофты окинет с улыбкою
жалкой

В толпе привокзальной какой-нибудь молокосос.
Она понимает — на тупость досадовать нечего,
Но все же в душе остается крапивный настой,
И сердце тоскует, и хочется сердцу девичью
Омыться скорее хорошей, большой красотой.

Ему и не надо иного — живет красотой
и правдой...

— Ну что ж,— говорят художники,— это
понятно нам,

И если ты просишь поправить, то мы, конечно,
поправим,—
И добрые кисти снова летят по тугим холстам.
...Пылило проселками лето, как будто
зеленое стадо,
На юг уходило куда-то...
Уже и ребятам пора.
И вот чемоданы собрали и все уложили,
что надо,
И Любка их провожала по улице до двора.
Она говорила «спасибо», она приезжать
просила,
Мол, вас не хватает очень, и слышно было
кругом,
Как девичий голос долго летал над Сухоной
синей,
И эхо в простор уносило тревожное слово:
«Ждем!»

1962

Василию Белову

С Ярославского вокзала,
С Ленинградского вокзала
В ночь уходят поезда...
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы
Чаю крепкого заvara
Мы попросим, а потом,
Прислонясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу завернем...
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно
Огоньком сердца задела —
И пошло от огонька.
Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся...»
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Жарче, жарче не бывает,
Чем на Севере у нас...»
Утро медленно краснеет.
Здравствуй, батюшка наш Север!
Ты гостей, конечно, ждал.
Он шагает нам навстречу,

Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших
И с Полярною звездой!
Звездный свет в лица нам сеет
Милый Север, добрый Север...
Мы выходим в знобкий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

1962

Когда он сказал: «А ну, потесней!»—
 Пошли садиться по очереди
 По правую руку — пять сыновей,
 По левую руку — четыре дочери.
 Такие семьи не часты теперь,
 И я удивленно и радостно
 Сидел, отогревшись в шумном тепле,
 Смотрел, как все здорово ладилось.
 Буханку, как доброе чудо держа,
 Он резал и щедро, и медленно
 И, крупные ломти снимая с ножа,
 Клал горкой на стол обеденный.
 Хозяйка открыла кастрюлю с борщом.
 И жаром дохнуло наваристым.
 Она добавляла еще и еще
 И лишь черпаком говорила: пожалуйста!
 Тарелки сверкали, и в каждой из них
 Качалось по вкусному солнышку,
 И перец, и соль из посуды резных
 В него насыпали по зернышку.
 На пухлых, смешливых и влажных губах
 Дрожало оно, золотистое,
 И, каплей случайной на скатерть упав,
 Дробилось веселыми искрами.
 А хлеб, черный хлеб, аппетитно хрустя,
 Во здравие пекаря местного
 Спокойную радость таил в ломтях
 И незаметно главенствовал...
 И не было здесь, за дружным столом,
 Ни роскоши и ни бедности,
 Но в тесном кругу, но в соседстве таком
 Всем отлично обедалось.
 И я, побродивший свое по земле,
 Опять постигал заново,
 Насколько же вкусен черный хлеб,
 На жарком поду зарумяненный!

Насколько ж горчица свежа и крепка
И перец горяч до горечи,
И борщ из рабочего черпака
Насколько же добр и солнечен!

1963

Мы-то знали, что стоит его седина:
 Над вихрами его прокатилась
 И гроза не одна, и беда не одна,
 И времен трагедийных немилость.
 Он об этом молчал — говорил о другом,
 Чтобы снова душевно встряхнуться,—
 О годах молодых и о времени том,
 Где грохочут ветра революций.
 Ни здоровья, ни сил — не берег ничего,
 Хоть и грустным бывал, и усталым,
 И сердитым нередко, но только его
 Никогда мы не видели старым.
 В легком свитере, в демисезонном пальто,
 Сигаретный дымок завивая,
 Он ходил и любил эту землю за то,
 Что такая она — молодая!
 И однажды, статью не закончив свою,
 Зачеркнул торопливую фразу
 И схватился за грудь, как хватались в бою,
 И упал...

Сталь ломается сразу...

...Красный гроб от парткома несли на плечах,
 Тяжело, каменья, шагали.
 Горьким ветром в оркестре металась печаль,
 И знобило от этой печали.
 Шли друзья по веселой и талой земле,
 Где завещано жить и сражаться,
 Где ветрам грохотать, и траве зеленеть,
 И сердцам от любви разрываться!

1963

Трава белоус, как проволока,
Щетинилась под ногой.
Дедова сила испробована
Вовсю на косьбе такой.
Слетал белоус жесткий
На мокрый вихор волос,
Да так, что смахнуть расческой
До смерти не удалось...
Отец мой, простившись наскоро,
Ушел на войну, как все,
И пепел домов ленинградских
Ему на виски осел.
И даже на летнем снимке,
Где он в гимнастерке одной,
Есть что-то такое зимнее
Над батькиной головой...
Да, время одною метой
Род отличает мой:
Суровым знаком столетья —
Раннею сединой.

1963

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдется что-то веселей...
Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.
В ту пору, не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.
И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.
Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так?
Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте,— не пустяк.
...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:
Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.
Однако тихую досадой
В душе уже который год
Несостоявшаяся свадьба
Все ощутимее живет.
Она как будто где-то рядом
С цветами, музыкой, вином.
И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придем.
Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.
Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья,
И это чувство все сильнее,
И мы с тобой чего-то ждем.
...Ты для меня еще роднее,
Еще дороже с каждым днем.
И для тебя я сделать рад бы
Все, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба —
На недоступном берегу.

1963

МАТЬ

(Поэма)

...И вот решилась. В ту минуту,
Когда сказала: «Ну, пойдём»,
Рябины дрогнули как будто
И зашатались под окном.
Сказала: «Ну, пойдём» — и села.
И не поверила себе.
И показалось, что осела
Со скрипом матица в избе...
Да, верно — матери все могут.
И если нужно сыновьям,
В любую пустятся дорогу,
Чтоб соль и хлеб — все пополам.
...Уже соседки хлопотали —
Дорога все же далека, —
Что взять с собой, а что в подвале
Оставить временно пока.
И говорили с добрым чувством,
Но сыновья, им вопреки,
И нерешительно, и грустно
Смотрели в эти сундуки.
Что в них хранилось аккуратно?
Холстинка, тканная давно,
Половики в цветастых пятнах,
В заплатках старое сукно.
И стиранные рубашонки,
Их рубашонки — вот те на!
Носили их они, мальчонки,
Когда большая шла война.
Они растерянно стояли,
Не зная, брать или не брать.
Как будто в стареньком подвале
Стояли мальчишки опять...
В дорогу мало что собрали:
Зачем же вдаль тащить кули?
В один заход все из подвала
На сохраненье отнесли
К соседке-тетке... А корову,

Веревку кинув на рога,
Вели по снегу. И огромно
Качались бурые бока.
Она, беспомощно-немая,
Стараясь что-нибудь понять,
На мать смотрела не мигая —
И отворачивалась мать.
Как будто бы обман таили
Снега и люди. Каждый шаг
Она ступала боязливо
И задыхалась, вся дыша.
Но тут же окрик раздавался,
Как вица, нависал с боков.
И снег под выменем плескался,
Как пролитое молоко...

Все разнесли и раздали.
Лишь дом остался. Старый дом.
Стоит еще в могучей силе,
Ему еще не страшен гром.
В какой-то сумрачной заботе,
С рябинами наедине,
Как будто говорит: «Придете,
Еще придете вы ко мне.
Куда б ни ехали, повсюду
Средь городских домов-громад
Я в ваши сны являться буду
И буду звать к себе, назад.
Я буду пахнуть сенокосом
И вениками в ваших снах
И петухом звонкоголосым
Пробьюсь в фабричных голосах.
Со мной разделаться не просто,
Хоть низкоросл и темноват,
Я буду виден вам за версты
Из городских домов-громад.
Ведь я — не просто дом, а память,
А ваша жизнь — года, года...
Я знаю: вас еще потянет,
Еще приедете сюда!»
Стоит, как дед стоял когда-то:
Рябина — словно батожок.
И на плече сутуловатом
Не снег, а будто бы мешок.

И это сходство с дедом старым
Впервые поразило мать.
Она сказала: «Нет, не станем,
Ребята, окна забивать.
Грешно, пожалуй. Пусть сверкают,
И веселей соседям так.
А если уж беда какая,
То стекла, право же, пустяк».
И тихо-тихо, незаметно
В поля окрестные ушла.
Там всеохватно и всесветно
Лежит земля белым-бела...
Земля не чья-нибудь, не божья —
Во все концы, во все края
Она до самой дальней пожни
Лежит невысказанно своя.
Близка она, как день вчерашний,
Как день грядущий, дорога...
Молчат заснеженные пашни,
Молчат холодные луга.
Как будто ждут, что в оправданье
Сегодня может им сказать
Перед своей дорогой дальней
Всю жизнь работавшая мать.
«Простите вы, родные пашни,
Моя отрада и судьба —
Выходит, что в просторах ваших
Я сжала все свои хлеба.
Они ко мне из лета в лето
Катили жаркую волну,
И век не думала, что это
Я золотые годы жну...
Простите вы, луга речные,
Уж покосила я травы
И косу звонкую сточила
До ободка, до синевы...
Прости и ты, березник милый,
Куда любила забрести
И по грибы, и по малину;
И ты, дороженька, прости...
Прости, земля, меня — крестьянку,
Я даже в трудные года
Не выходила к полустанку,
Не ожидала поезда.

Твои пласты, земля, пластала,
Надежды сеяла свои.
И вот — гляди — теперь устала,
Уж не могу — как ни зови...»
...Снежинки гаснут, словно искры,
И вновь летят наискосок,
И падают на материнский
Уже поношенный платок.
И в белом шорохе, чуть слышно,
Душой улавливает мать —
Земля свежо и снежно дышит:
Мол, как тебя не понимать.
Мол, нет к тебе упреков вовсе,
И там, где проходила ты,
Я вскину тяжкие колосья,
Как знак ответной доброты.
И, мол, тебя, хозяйка, долго
Мне в этом крае не забыть.
Мол, об одном тревожусь только:
А как же дальше жить и быть?
Я не глухая, не слепая.
Люблю работу — не возню.
Я доброту не забываю
И горечь в памяти храню.
А в памяти моей — послушай! —
Слоями от времен иных
Лежат подзолы равнодушья
И туподумья валуны.
Ко мне с добром идти — не с речью,
На том стою, тому верна.
И потому я славлю вечно
Союз ладони и зерна!»
А снег все ниже, ветер тише
Летит, былинки шевеля.
И мать душою чутко слышит,
Как с ней беседует земля.
...Машина трогается. Иней
По стеклам каплями течет.
Припав скорей к стеклу в кабине,
Мать смотрит, смотрит за плечо.
Бегут цепочкой полосатой
И остаются там, вдали,
Дома, сарай, палисады,
Колодезные журавли

И черточки прощальных взглядов,
Теплом черкнувших о стекло,
И взмах руки, плеснувший рядом,
И крик, который отнесло.
Мать повлажневшими глазами
В тумане ищет старый дом.
Вон где уже! Далеко сзади.
Рябины — ниточки кругом.
И с каждым мигом еле-еле
Дом различается во мгле,
Как будто он врастает в землю,
Устав держаться на земле.
Мать смотрит пристально и немо.
А позади — уже лесок.
И небо в тучах. Только небо
Плывет над головой. И все!..

1963

Судьба не сладкая — вдовья,
На праздники не красна,
А понедельников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая, —
Все маленькие в избе.
...Какие года пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большими,
А маленькой я одна...»

1963

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглядеться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И, в кепчонки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,
За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй,
Только кто понимал — едва ли.
И картошины с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.
Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки.
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как не мудро.
Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,
Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,

И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели,
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы.
Ну, а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,
А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.
И повестки с железным слогом
Полетели из сельсовета.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Васильем.
Он мотался с плугом по пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.
Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —

Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.
Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...
...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не помню...»
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,

Тихомиров Вася!

Ю. Брагину

Проплывала паутинка
И без ветра — так мала.
Вдруг случилась с ней заминка:
На березку наплыла
И задела рыжий листик.
Он от этого толчка
Повернулся золотисто
И сорвался свысока.
Вон летит, других тревожит...
И они наперебой
Каплют, каплют, словно дождик,
Надо мной и над тобой.
Хорошо! Мы оглянулись
На четыре стороны
И березам улыбнулись,
Благодарны и нежны.
Все живем в делах серьезных
Да в заботах день за днем.
Позабудем про березы
И проведать не придем.
Пишем книги, ставим домны,
Чертим звездные мосты
Вдалеке порой от скромной,
Этой милой красоты.
Но и сердце тоже просит
Отдохнуть, и лишь тогда
Поскорей — куда? — к березам,
Будто к добрым докторам.
Вот они — свежи, как утро.
Их прохлада чуть горька.
И листва плывет, как будто
Солнечные облака.
И мы чувствуем, что снова
Будто в молодость идем
Под березовым, здоровым,
Ослепительным дождем.

1964

Дождь в клеточку,
И в полосочку,
И в косую линейку
Льет.

Лезут травы,
Играют веточки,
Пляшет озимь,
Смеется лен.

Сивый дед бредет по деревне,
Всеми признанный старожил.
Под таким дождем суеверно
Свою лысину обнажил.

И бегут девчонки, хохочут:
«Дед, ты тоже готовишь почву?»
Он вздыхает: «Почва не та —
Не растет давно ни черта...»

Убежали, весельем брызнув,
Ноги смуглые оголив,
Озорные от буйства жизни,
В этот шумный, дымный разлив.

Покачал головою дедко:
«Мать честная, какие девки!»
...Дождь укатывается огромной
И светлеющей полосой...
Вырастайте, хлеба, с оглоблю,
А картошка — расти с колесо!

1964

Беру себе в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб он ручьи гремучие
Мне перейти помог.
Иду заросшей, длинной,
Но памятной тропой:
Когда-то по малину
Ходили мы с тобой.
Иду — и сердцу верится
Без всяческих затей,
Что вот за этим деревцем,
А может быть, за тем
Увижу на поляне,
Кустарник разведя,
От ягод полупьяную,
Всю в солнышке тебя.
Как будто ты на празднике,
И белый косячок,
На волосы повязанный,
Смахнула набочок.
Стоишь, такая близкая,
И смотришь на меня,
Глаза в зеленых искорках
Ладонью заслоня.
Все кружится от радости,
И я тебя зову.
Корзинка тихо валится
И сыплется в траву.
...Я взял не зря в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб лишнего при случае
Сболтнуть о нас не мог.

1964

Тревожно, и сладко, и грустно
Звенят надо мною опять
Березы — зеленые гусли,
И сердце ничем не унять.

Дивлюсь сам собою: откуда
Во мне эта древняя грусть?
И солнцу, как рыжему чуду,
Задумчиво поклонюсь.

Мне хочется землю ворочать,
Парную и тяжкую, всласть
И в борозду позднею ночью
От усталости навзничь упасть.

И тянет у заводей диких
Костры распалить веселей,
На палках, как будто на пиках,
Поджаривать сизых язей.

Сидеть по-язычески строго
И, к сердцу приставив ладонь,
Глядеть на косматого бога —
На этот всеильный огонь.

И сам понимаю, что странно,
И я не такой уж чужак,
Но хлынут весной туманы,
И хочется именно так.

1964

Насмешливые челки
Да яблоки щек.
Фабричные девчонки —
Как жаркий ветерок.
Не нам сказали: «Здравствуйте»,
Кивнули не нам —
Прошли, походкой хвастая,
К своим парням.
А мы на стыке улиц —
На стыке разных лет —
Им просто улыбнулись
И посмотрели вслед
Не то чтоб удрученно,
Но (все же — но)...
И вспомнили девчонок,
Встреченных давно.
Их выбрали мы сами,
Не спросясь родни.
С огромными глазами
Были они.
Чтоб мамы не видели —
Сбегали от мам,
Чтоб люди не выдали —
Шли на обман.
К нам падали на руки —
Ох, тонки!
Казались жаркими
Нам пиджаки...
А годы катятся
Под сердце к нам.
Мелькают платьвица
Уж где-то там,
Как будто за горами,
На первом рубеже.
Уже повыгорали,
Повыцвели уже.
Тем боле облегченно,

Бывает, вздохнем,
Когда мы тех девчонок
В женах узнаем.
Они теперь уж матери,
Хозяйки они.
Но иногда внимательно,
Нежданно взгляни —
Вот праздник. Увлеченно
Танцуют и поют.
Те самые девчонки,
Девчонки тут!
Чуть что — и огорченно
Вспыхнут, вскипят,
Глядишь — опять девчонки,
Девчонки опять!
И хорошо, признаться,
С такими быть.
Чтоб молодым остаться,
Надо любить.
...Насмешливые челки,
Походочка горда.
Будьте вы, девчонки,
Девчонками всегда!

1964

Стоит, теплом обласкана,
Лесной, душистой сказкою
У самого солнышка
Роскошная черемушка.
Березкам ли дивиться бы:
Ведь сами белолицые,
Форсистые да чистые —
И то косятся издали.
А ольхи неопрятные
Стыдливо ноги спрятали,
Застыли, словно золушки,
Вокруг черемушки
И тоже удивляются:
«Какая красавица!
Откуда же, откуда же
На ней такое кружево?
И как на этой сырости
Могла такая вырасти?!»

1964

Как мало все-таки ценим
Простого дружества круг
С непринужденностью мнений,
С веселым пожатьем рук
Без всякого величанья,
Не вспоминая услуг,
С беседой за чашкой чая,
А то с неурядицей вдруг.
Как мало все-таки знаем
О тех, кто рядом живет,
Бок о бок проходит с нами
С усталостью от забот,
Кто, может быть, ждет

совета,

Участья, поддержки ждет.
Но мы того не заметим
И мимо пройдем вперед.
Как мало все-таки видим
Певучую красоту
В траве, в ветвях перевитых
И в капельке на лету,
И в лютиках, нам привычных,
Что у дороги растут,
И в серой какой-то птичке,
Срезающей высоту...
...Но вот зазнобил меня ужас:
Упал и не встал мой друг.
И понял я, содрогнувшись,
Как дорого все вокруг.

1964

Чудно, разгульно, праведно
 Живали наши прадеды.
 Работой душу тешили
 Узорной, озорной,
 А тело небезгрешное —
 Медвяной ендовой.
 Любили речь красивую,
 Густую, будто квас,
 Чтоб соками и силою
 Потом бродила в нас:
 Умели и не то еще
 Насмешники, вдали,
 Не только имя-прозвище
 Каждому дарить.
 А прозвища такие —
 Хоть падай, хоть стой:
 Одно словцо подкинут —
 И человек нагой.
 Вот жил (как звать, не знаем)
 Занятный мужичок.
 Молчит, бывало, днями
 Да жарит табачок.
 Но лишь хлебнет из кружки —
 Откуда что бралось:
 Частушки-нескладушки
 Воротит вкривь и вкось.
 Ну а жена — вот баба!
 Такой все нипочем:
 Его за ворот сграбав,
 Завалит на плечо
 И тащит в клеть, в чуланчик,
 А мужичок поет.
 — Смотри-ко! рябчик, рябчик!—
 Хохочут у ворот...
 Пообмывали зубы,
 Повострили слов:
 Катаник. Бубен.

Коч. Перевесло.
Фунтик. Спица.
Зайчик. Долото...
Метет на них пшеница
Пылью золотой.
А бойкое слово
Легко на помине —
Трепещет в основе
Наших фамилий...
На брусничном взгорье
Я снова стою.
Рожден и вскормлен
В этом краю.
И здесь особо грустно мне
От мысли, что сейчас
Густое слово русское
Поотощало в нас.
Послушали бы прадеды
И кой-кому в лицо
По всем по прежним правилам
Махнули бы словцом
Ядреным и отточенным,
Чтоб стало всем смешно,
Родительской пощечиной
Взбодрило бы оно.

1964

На острие речного склона
 Сосна висела высоко,
 Как будто колокол зеленый
 С обронзовевшим языком.
 И Петр велел гребцам причалить.
 Без передыху взлез туда,
 Где вровень с царскими плечами
 Синела хвойная гряда
 И земляничным ветром дуло...
 Он сел, разувшись на траве,
 И государственная дума
 Затяжелела меж бровей.
 Деревни ближние окликав,
 Собрали мужиков зараз
 У той сосны, где Петр Великий
 Сидел и пил холодный квас.
 Столпились мужики тревожно.
 А царь встает и говорит:
 «Скажите, можно ли до Ковжи
 Отсель самим реку прорыть?»
 И отвечали: «Отчего же?
 Как скажешь, царь, тому и быть.
 Все можем для Руси, все можем —
 Что турок бить, что речку рыть...»
 Доволен Петр таким ответом.
 На берег бочка сгружена —
 И мужиков зовут отведать
 За сговор царского вина.
 Ох, и забористо цареву,
 Хмельно бордовое вино.
 Под стать вину цареву слово —
 Оно и крепко, и красно.
 Петр говорил, что краем здешним
 Судам в столицу должно плыть...
 Быть не легко Петром, конечно,
 Но мужиком не легче быть.
 Уехал Петр. А здесь, в топине,

В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,
Как на Неве, у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжек черный бурелом.
И это все — лопатой-маткой!
Да еще — батькой-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О славе не радели предки,
Но лишь о них напоминал
Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

1964

РОМАН
ДЕН
Д
1965-1971

ГАРМОНЬЯ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодиц.
А мой товарищ
Грустит опять:
— Где, не знаешь,
Гармонью взять?—
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливый праздник
На миг затих.
А ну, хозяйка,
Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот — как радость
И как упрек
Плывет гармонья,
Как ночь черна.
Чуть-чуть затронут —
Вздохнет она.
— А ну, товарищ,—
Все ожили,—
Сыграй. Но знаешь —
Хорошее...—
Коснулся ухом —
Прохладен лак.
Запела глухо,
Несмело так
И вдруг как ахнет
Гармония,
Сверкнув мехами,

Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!
Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...
Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
...В глазах рябило,
Как вновь в избе.
Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,—
Как ястреб,—в круг!
Эх, полы, полы,
Нас попомните,
До чего же малы
Нынче комнаты!
И так и сяк,
А потом эдак,
И еще вот так
Напоследок!
Огнем рождена
Наша нация.
А гармонь, она —
Агитация.
Но зови не зови —
Дело зряшное:

Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром,
Так это опять
Худое со старым
Хотим истоптать!
...За окнами — город.
Дома в тени.
Значит, скоро
Взойдут огни,
И в комнате снова
В углу радио
Вспыхнет зеленой
Виноградиной.

1965

Мы —
Как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село.

Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю —
И вершину знобит.

1965

Всем сказал я до свиданья
 И, не связанный ничем,
 Ехал в тихое сиянье
 Белых северных ночей.
 Думал я: испью водицы,
 Той, что пробовал не раз,
 Над которой наклониться —
 Щеки инеем обдаст,
 Глубью черной и студеной
 Опахнет из родника
 И пронзит всего со звоном
 После первого глотка.
 Вот тогда-то мне и станет
 Легче, проще и ясней...
 Добрый вечер, домик старый
 С родником у тополей!
 Вот и вышло воротиться...
 В нем один брожу-брожу,
 Кросна, пыльную божницу
 По углам я нахожу.
 Ржавый серп, трепало, прялку,
 Крюк железного светца...
 Нет, мне этого не жалко,
 Жалко деда и отца.
 Жалко материних весен
 Пролетевших... догони!
 Где же весны, сердце спросит,
 Кто ответит — где они?
 День-другой брожу и чую:
 Нет, не легче, не ясней.
 И вода уж не врачует —
 Прежней силы нету в ней.
 И тоски не пересилить
 В серой дедовской избе...
 Добрый пасечник Василий,
 Я опять иду к тебе.
 Слышу: в кустиках знакомых,

В стороне от глаз чужих,
Каждый луч среди черемух
Жаркой пчелкою жужжит.
Вижу: пчелы, искрометно
Пролетая синевой,
Золотые нитки меда
Тянут с солнца самого.
Ты, ей-богу, возникаешь
Из черемух и берез,
Мой советчик и товарищ,
Душу видящий насквозь.
И, неопытную пчелку
Выпростав из бороды,
Обнимаешься неловко
Ты со мною, как родным.
И уводишь в тень густую
На скамеечку в саду.
Говорю, что я тоскую,
Места дома не найду.
Ты молчишь, молчишь вначале,
Режешь мякоть спелых сот,
А потом уж отвечаешь,
Со своих взглянув высот:
— Ну, тоска. Не раз бывала
От ушибов и обид.
Это возраст перевальный,
Это старое болит.
Парень, ох, оно живуче,
В нем такая глубина.
Вот тебя тоска и мучит:
Дела требует она...
Улыбаешься: не бойся
Никакой вовек тоски! —
И суешь мне на подносе
Солнца желтые куски.

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет
Веселое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.
Мать окликает у крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.
И в поисках судьбы, чем эта, ярче
И мудрости, чем эта, поновей
Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.
И чем смелее мы берем высоты,
Тем беззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте, о тепле.

1965

В рябиновой нашей деревне
Легенды в заулках лежат.
Жил пахарь по прозвищу Еня
Здесь лет полтора ста назад.
У старого Ени избушка
Косилась в четыре угла.
Ее называли вползушка —
Настолько низка и мала.
Ударят ли градины хлестко,
Качнет ли поля недород —
Бывало, ему на полоску
Всех более лиха падет.
Все шишки летели на Еню.
Другой бы на месте его
Свалился давно на колени,
А Еня стоит, ничего.
Лишь с горести ковшик в полпуда
Осушит, достанет кисет
И крикнет: «А жить-то не худо,
Добро, что родились на свет».
...Уж трижды из елок из новых
Рубилась деревня с тех пор.
А Енино это присловье
Нет-нет и влетит в разговор.
Мы знаем: живали сильнее,
Покруче его мужики,
А на тебе — помнится Еня,
И не было вроде других.
А все объясняется просто:
Такие, как Еня, спроста
Веселую искорку бросят —
И светится искорка та.
И мы, не без легкой причуды,
Кидаем веселый ответ:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!»

1965

Меня сердитый дождь загнал,
 Когда я к речке вышел,
 В полузабытый сеновал
 С растрепанною крышей.
 Теперь не кроют крыш у нас
 Соломой желтой, спелой,
 И эта, чудом сохраняясь,
 Как решето висела.
 И лишь по ней наискосок
 Дождинки полоснули
 И забугрились возле ног,
 Как разрывные пули.
 Уже не скрыться было мне,
 И я присел устало.
 И тут увидел на стене
 Ряды инициалов.
 Пестрели буквы так и сяк
 На бревнах поседелых,
 И всюду плюс — крылатый знак
 Тех чьих-то чувств несмелых.
 Врезали буквы неспроста:
 Знать, верили наивно,
 Что их единственная, та,
 Свое узнает имя.
 И был счастливым — кто врезал:
 Звенела ель сухая,
 Всплывали девичьи глаза,
 Шаги, ее дыханье.
 Шумел, наверно, сенокос
 В те полдни голубые.
 Девчушки задирали нос,
 Которых так любили...
 Я эти стены, как дневник,
 Разглядывал сначала.
 А сопоставил, в знаки вник —
 Мои односельчане!

Ну да — врезали каждый знак
Знакомые ребята.
И вижу — в жизни все не так,
Все на других женаты.
А здесь лишь только след игры,
Давнишней и особой,
Когда хотелось им открыть
Смысл потайного зова.
Когда им стало в первый раз
Томительно и грустно —
И принимали, торопясь,
Предчувствие за чувство.
Во всем привыкшие спешить,
Все обозначить словом,
Движенье первое души
Любовью звать готовы.
Боясь, что кто-нибудь не так
Подумает, как надо.
Они врезали каждый знак,
Открытый многим взглядам.
И знакам тем потерян счет
На бревнах поседелых.
Их точит жук, их дождь сечет,
И никому нет дела.
Чего, казалось бы, жалеть,
Да лишь чего-то жалко...
Смотрю, как дождь, отяжелев,
Идет-бредет вразвалку.

Дома у клеверных окраин,
 Глядишь, прорежутся опять
 И обожгут то красной гранью,
 То белой гранью ослепят.
 И поле-полюшко все уже,
 Все ближе плещется ячмень,
 И кран подъемный полукружьем
 Висит на грани деревень.
 Скорей бы он достал их, что ли!
 Смотрю я на места свои
 И липу обнимаю с болью,
 Примятую у колеи.
 Я никакой такой, конечно,
 И верен сызмальства родне,
 Но я и здешний и нездешний
 Теперь в зеленой стороне.
 Я хлебопашеского древа,
 Но лишь с меня который год
 Оно шумит не над деревней,
 Оно над городом растет.
 Не просто ветвью быть последней
 И цвезть уже в черте иной,
 Когда в глуби тысячелетий
 Прямой и трудный корень твой.
 Не просто быть на самой грани
 И вырастать наискосок,
 Когда порой саднят и ранит
 Идущий с корня горький сок.
 Но ветвь растет! И гонит время
 В ее листву свои ветра.
 И пронизательнее зренье
 Во мне сегодня, чем вчера.
 Я дни беру в росе и травах,
 Граню, врубаю их в металл,
 Но вдруг усталость свяжет странно,
 Как будто я стога метал.
 Приду под вечер в дом огромный,

Усталость — с плеч, из сердца — грусть,
Но где-то скажется гармонья,
И не сдержусь, к окну рванусь.
Весь день в движенье равномерном
Я с городом наедине.
Но только ночь — и вновь деревня
Тоскует и поет во мне.
И телемачта ночью синей,
Что мне над крышами видна,
Нередко чудится рябиной,
Которая красным-красна.

1966

Зеленое и голубое
 Теплом провеяно насквозь.
 Исходит светом — глянуть больно —
 На деревенских крышах тес.
 И жизнь обычная, как солнце,
 Как небо и трава кругом,
 То просверкнет и отзовется
 С колодца радостным ведром.
 То озарит на миг из кухонь
 Улыбкой женской широко,
 То опашнет горячим духом
 Величественных пирогов,
 То рассмешит мальчонкой малым,
 Бегущим просто голышом
 В траву, в кусты, куда попало —
 Везде тепло и хорошо!
 И никого, хотя бы смутно,
 Не колет в сердце, что идут
 Уже особые минуты,
 И меньше, меньше тех минут.
 А мужики возле колодца
 Скликают баб на сенокос
 И, ожидая, как ведется,
 Толкуют в шутку и всерьез
 О молодушках и попутно
 О женах собственных, о том...
 Но тут последняя минута
 Обрушивает черный гром!
 Война!.. Мы помним это, помним.
 Вот он сейчас передо мной,
 Такой доверчивый, зеленый,
 Последний день перед войной.
 Когда б заране обозначен
 Он был, то каждый бы из нас,
 Конечно, жил мудрей, иначе,
 Чтоб не казнить в горький час.
 Увы! Такого не бывало.

И этот день уже давно
Сгорел за красным перевалом,
Но все равно, но все равно
Лишь календарь приблизит время,
Смотрю: седые старики
Июньским вечером в деревне
Сидят, и взгляды их горьки.
И женщины, седые тоже,
Сойдутся где-нибудь к окну.
Их никому нельзя тревожить
Вот в этот горестный канун.
Я чувствую, как у России
Душа опять напряжена,
И, будто нерв, задетый сильно,
Пронзает мысль: зачем война?..
Зеленое и голубое
Теплом провеяно насквозь,
И так сияют — глянуть больно —
И крыши, и стволы берез.

1966

ЧТО ЗАВИСТЬ?

Что зависть? Тень на сердце и глазах,
А далеко ли видится впотьмах?
Что зависть? Немота ленивых рук.
А ты раздвинь, раздвинь привычный круг!
Что зависть? Мелкота своей души.
Поглубже, значит, борозду паши!
И верь, что и тебе судьба дала
Большую жизнь и добрые дела.
...Так накажи и сыну своему:
Вовеки не завидуй никому!

1966

Жену обидеть — выхолодить дом
И самому обогреть потом.

Обидеть друга — друга потерять,
Умножив без того число утрат.

Обидеть мать, которая, любя,
Тебя вскормила,— потерять себя.

1966

Стручки акации трещат,
Как будто плят рты
От жажды тысячи цыплят,
Забравшихся в кусты.
И тянет смолкой, самой той
От бревен избяных,
Что сотни лет назад впервой
Весной выиграла в них.
Вот какова у солнца власть —
И смолка ожила:
Отозвалась, отозвалась
Из мертвого ствола!
И этот жаркий вздох кустов
И сосен-вековух
Теснит малиновый, густой,
На всю округу дух...
Я замираю, озарен:
Да это ж разлилась
Былых и нынешних времен
Во мне и в мире связи!
А рядом девушка идет,
Ореховая вся,
Речной воды веселый гнет
На коромысло взяв.
Чтоб ведра зря не расплескать,
Она вложила в них
По два больших — с ладонь —
листка,
Зеленых и резных.

1966

1

Сквозь дрему, сквозь думы плывет теплоход.
Вдруг сеном иль хвоей на миг опахнет,
А сердце и долго, и сладко болит.
Налево ли глянем, направо ли — вид!
А Сухона ширится с плеса на плес
И катится к небу в сиянье берез.
Хорошие парни, мы едем так,
Как в жизни живем, от друзей — ни на шаг...
Уже холодит наши лица росой,
Вот первая пристань — поселок лесной.
Над пристанью — елка. На елке — луна,
Как желтый динамик укреплена.
И сыплется сверху такой перепляс,
Что камушки скачут оттуда до нас.
Мы видим: товарищ у нас молодой
Стоит и тоскует над черной водой.
А с берега девушки лет двадцати
Нам машут руками и просят взойти.
Ах, чертов динамик на берегу,
Ах, четкий рисунок девичьих фигур!
И самый красивый товарищ из нас
В каюте берет чемодан, извинясь
— Во мне,— говорит,— возник интерес,
Я,— говорит,— завербуюсь в лес...—
Конечно, разлука с другом горька,
Но разве удержишь холостяка?
— Ну что ж,— отвечаем,— раз интерес,
Иди,— отвечаем,— осваивай лес...—
А Сухона волны бросает внахлест
И катится дальше в мерцании звезд.

2

Мы едем и едем. Уже рассвело.
Вот новая пристань — на взгорье село.
Доярки спускаются — любо смотреть

У каждой по солнцу в веселом ведре.
Садятся к бокам пудовиц вдоль реки —
Колени, как ядра, смуглы и жарки.
И видно под низом коров, вдалеке,
И небо, и берег другой в сосняке.
На фоне таком все сильнее и звончей
Вскипает одиннадцать белых дождей.
А мы фотокамерой щелк да щелк,
А бабы смеются: знаете толк...
Откуда такие явились-взялись?
Мы тощих таких не видали в жись.
Особо глядит одна, сторонясь,—
Заметно краснеет старшой у нас.
— Ослабли, как видим, в житье городском,
Останьтесь у нас — отпоим молоком...—
Ах, добрая гостьба и ласковый взгляд
Все сделают с сердцем, чего захотят!
Сидит наш старшой и вздыхает всерьез:
— А может, и вправду податься в совхоз?—
А бабы ему:— При уме-то таком
Ты будешь, конечно, учетчиком...—
И вот он зовет нас в сторонку, за дверь.
Мы видим: и здесь не минуем потерь.
А Сухона в борт ударяет стальной
И ухаёт, бухает белой волной.

3

Туман очертания берега стер.
Но едем все дальше и видим: костер,
Как рыжий бычок в травостое густом,
Бодается, прыгает, машет хвостом.
Мы мимо плывем посредине реки,
Но нас окликают. Глядим: рыбаки.
— Хлеб-соль,— говорим. А они:— Хлеба ись.
Давай до утра на прикол становись:
Вода тут бойка, а ночка глуха...—
И мы к мужикам, а у них — уха!
А рыба-то, рыба возле куста,
От пламени кажется впрямь золота.
— Стерлядки,— светлеют лицом рыбаки,—
Здесь лавливал, бают, Петр Первый таких...—
И мы представляем: сияющий Петр

Вперед мужиков достает перемет,
И в лодку к нему, серебристо горя,
Все шлепает стерлядь и брызжет в царя,
А он, утираясь, кричит, хохоча,
И требует всем по ковшу крепача.
...Лежим у костра мы — трава суха.
В янтарных звездах стерляжья уха!
Ах, эта уха до самой зари
Любого возводит на ночь в цари!
И третий наш друг говорит:— Не могу
Расстаться с красой на таком берегу...—
А Сухона вьет берега впопыхах,
Один — в соловьях, другой — в петухах.

4

Вон выплыла церковь, как чайка, бела,
А избы по взгорью — два легких крыла.
Но ей не взлететь: обвиненьем лежит
Тем самым, кто путал, где бог, где мужик.
А ну-ка, пристанем. Ах, каменный ритм
Как много сегодня душе говорит!
Как дивен полет от избы до избы
Раскидистой, звонкой, веселой резьбы!
И друг наш, что более всех бородат,
Старинные вещи зовет собирать.
Да только старушки ох как умны:
Сперва узнают, кто такие мы.
Откуда плывем да родились где?..
Всех больше доверия бороде.
И слово за словом — красно, легко,
И тащат товарищу груду икон.
В затесах доски, черны, тяжелы,
Пронзительно лики глядят из мглы.
Откуда они? Каких мастеров?
Быть может, какой неизвестный Рублев?
— Ну что там девчонки,— твердит борода,—
Старушки на Сухоне — это да!
Дары — что находки, слова — что вязь.
Нет, я не попутчик, друзья для вас...—
А Сухона вьется уже в небеса,
Как будто курганы, темнеют леса.

Еще поворот да еще поворот —
И город из белого камня встает.
В закате кресты изжигая дотла,
Торжественно блещут над ним купола,
А берег камнями веков замощен...
Прими, Устюг-батюшко, низкий поклон!
Выходим на берег. Ах, синь-глубина,
То былью, то небылью веет она!
Слышь: плещутся весла то там, то тут —
Не вновь ли торговые струги плывут?
Глянь: в плесе качается белый туман —
Не парус ли поднял Дежнев-атаман?
А сосны — быть может, не сосны в бору,
А просто чернение по серебру?..
Мы с кручи глядим. А под нами река
Летит, как истории русской строка.

1966—1967

СЕВЕРЯНОВНА

(Поэма)

1

Погода нас натешила:
Ох, были кутежи!
Февраль косматым лешим
За ельники бежит.
И яснится, яснится
У меня взгляд.
И на сердце, на сердце
Капли летят.
Вытаивает снова
Прежняя грусть.
Тревожно, ознобно
К милой рвусь.
Она за дальним волоком,
За Кубеной-рекой.
А волок — синим облаком:
Дороги — никакой.
Подождать погоды
Хотя б чуть-чуть,
Когда пароходы
Рванутся в путь.
Но не могу иначе,
Прости, родимый дом!
Гостинец в сумку прячу —
И в ростепель пешком.
Дорога еле брезжит:
Ельник кругом.
Луна, что глаз медвежий,
С тучкой — бельмом.
Встань на дорогу
И сам медведь —
Смогу, ей-богу,
Сшибить, одолеть.
Лечу-метелю —
Не тяжело!
Кончился ельник,

Смотрю — рассвело!
Смотрю ошарашенно:
Лежит за бережком
В золотом шалашике
Солнце коlobком.
И сразу здешним жителям
Кричу издалека:
— Не это ли, скажите,
Кубена-река?
— Да,— отвечают,— Кубена.—
Ах, наконец она!
Как будто я пригубил
Сельповского вина.
— Еще скажите: как бы
Перебраться мне?
— Да он в уме ли, бабы?
Право, не в уме.
Смотри-ка, водополища
Вон какая прет,
И трещит, и колется
На Кубене лед...—
Я говорю не дрогнув:
— Вернуться не могу.
— Ты что, оставил дролю
На том берегу?
— Оставил и тоскую,
Надо позарез!
— А мы найдем другую,
Оставайся здесь.
На нашей речке-матушке
Сахарно живут.
Привадушки-повадушки
Ой какие тут!
Здоровые да чистые,
Долгой красоты.
Кто был — никто не выстоял,
Так выстоишь ли ты?—
И смотрят завлекательно,
Лукаво брови гнут,
Теплом меня окатывают
Несколько минут.
Я чувствую: стораю
На стылом берегу.
И твердо повторяю:

— Остаться не могу! —
Они как будто сердятся:
— Ну что ж, бреди,
Да только сердце,
Смотри, не застуди...—
Эх, кубенская быстрая,
Надледная вода,
Ты помоги мне выстоять —
Сама молода.
Скольжу неуверенно,
Холодею весь,
Разводья меряю
То там, то здесь.
Куда ни тронусь.
Как на беду, —
Уже по пояс,
А все ж бреду.
Боязно, страшно
И глянуть вниз.
Женщины машут:
— Парень, вернись!—
Не воротиться,
Была не была!
Сумка с гостинцем,
Смотрю, поплыла.
Материн сладкий
Пирог — ко дну.
И сам я слабну.
Тону, тону.
Руки в ссадинах...
Только вдруг
Вижу спасательный
Красный круг.
Бросил кольшечек —
И вперед.
Ах, это солнышко
Там плывет.
Кажет льдины
На глубине,
Вьет золотые
Веревки мне.
Хватаю, верю,
Совсем огруз,
Но рядом берег,

Ольховый куст.
И, чуть не погубленный
В яростном льду,
Счастливый, за Кубеной
Утром иду.
Сияет березник,
Сияет сосняк,
Сияет облезлый
Мелькнувший беляк.
Сияет и щепка,
Которую пнул.
От Кубены крепкий
Доносится гул.
Во рту пересохло,
Бегом, бегом.
И вот невысокий
С перильцами дом!
И стукнули дверцы,
И, смятена,
Наконец-то
Она, она!
И не выговорить —
Тишина...
И озаренье
Ее лица
В тени деревьев,
В тени крыльца.

2

Постлала скатерть новую
(Честь-почесть дорога),
Льняную, отбеленную
На мартовских снегах.
Захолодало заново
От скатерти в дому.
— Зови-ко, Северяновна,
Матушку саму.
Я за тобою! Чуешь?—
И, перепав в лице,
В моих руках качнулась,
Как в золотом кольце.
Мать выплывает, вострая.

Мы — порознь второпях.
Но наша тайна — господи!—
Пылает на губах.
Все видит — что расспрашивать!
О, взгляды матерей!
— Я вот за дочкой вашей...
— Да вижу, что за ней...—
И села — плакать хочется,
Да надо перемочь.
— Согласна ли ты, доченька?
— Согласна,— шепчет дочь.
Платок поспешно вынула
И скомкала в горсти.
— Ну, что ты плачешь, милая!
— Да плачется, прости...—
Давно ли дочка прыгала
С веревочкой в руках?
Давно ль рассталась с играми
На невских берегах?
В то лето предвоенное
Так молодо жилось:
Невой росисто веяло
Средь радуг и берез.
Ну, мама, мама, надо ли?
Но ТАМ у мамы взгляд.
Расстрелянные радуги
Осколками свистят.
И ТАМ вот эта девочка,
Блокадное дитя,
К ней снова жметя немочно
В седых очередях.
И, как травинка, падает
У мамы за спиной,
Когда везут по Ладоге,
По нитке ледяной...
Не выжить ей, наверное,
Когда б за черным льдом
Не опахнуло севером,
Снегами, а потом
Дымками, замелькавшими
В толкучке тупика,
И кашей, ложкой каши,
И кружкой кипятка,

И паром, раскатившимся
Во множество колец,
И днем, и возвратившейся
Жизнью наконец...
— Ну, мама, мама, надо ли?—
Мать поднимает взгляд —
А на ресницах радуги
Размывчато горят.
Певучая скворечня
Сверкает у окна.
И старость тем утешена,
Что молодость красна.
Летает, ходит рядышком,
Свои пути торит...
Глядит пытливо матушка
И тихо говорит:
— Любовь делите поровну —
Пусть будет дорога,
Пусть льется речкой полною
В годах, как в берегах.
По верности — достойная
Тех, кто себя не спас,
Кем пули остановлены,
Направленные в нас.
А красотою равная
Родимой стороне
С березами, и травами,
И солнцем на стерне...
Что прожито — все наново
Идет, листвой сквозя,
И рядом Северяновны,
Любви моей глаза.
В нетерпеливых искорках
И от ресниц в тени,
Огромные и близкие,
Придвинулись они.

3

Не было думы —
Да надумали вдруг,
Не было времени —
Да стало досуг.
Порешили ехать

С молодой женой
В Заволочье синее
Гладью водяной.
Выходила на берег,
Говорила мать:
— Надо ей, молоденькой,
Родину казать.
Чтоб на сердце — ясно,
Чтоб в глазах — не дымно,
Чтоб не слой — три слоя
Жизни было видно. —
...Водополь веселая,
Стукнув о борта,
Позади свивается
В белых два жгута.
Волны-то катаются —
Белые кряжи,
А в лицо черемуха
Будто бы пуржит.
Белое-то озеро
Шире широка,
Словно протянувшееся
Утро сквозь века.
В дымку заозерную
Зорче взгляд упри:
Вычертится Новгород
Из седой зари.
А оттуда в лодках
Дыбом, внахлест
Выгребают молодцы —
Дюжая кость.
А в глазах — полнеба,
В бородах — ветра,
На ремнях с насечкой —
Отблеск топора.
Душу потешили
Эти топоры:
Рублеными молниями
Прянули шатры.
И горели гормя
Выше грив лесных,
Будто капли солнышка,
Луковки на них.
До студена моря —

Во какой размах!—
Обживались гости
В белых теремах.
Веял жар застенчивый
В женах молодых,
Свет летел на плечи
От волос льняных.
Этот жар не слабнул,
Этот свет не мерк
С добротой, с достоинством,
С верностью навек.
И они рожали
В горницах детей —
Золотое крылышко
Красоты своей.
Сквозь леса, сквозь годы,
Тихое на вид,
Все оно летело,
Все оно летит.
...Смотрит Северяновна
В эту даль востро.
И во мне светает:
Чувствует родство,
...Вот на горизонте
В елочный проем
Вплыло Ферапонтово
Каменным костром.
От страстей великих,
Бушевавших в нем,
Сквозь столетья лики
Теплятся огнем.
Взлет певучих линий
В храме одержим
Голубым, малиновым,
Белым, золотым.
А вокруг да около
Сколько люда тут!
Из краев далеких
Едут и идут.
А оттуда, с выси,—
Взгляд и мудр и прям,
Будто Дионисий
Это смотрит сам.
...Долго Северяновна

Бродит в тишине.
Видит, видит главное,
То, что видно мне.
И опять над мачтами
Шелестит кумач.
Это что? Не сказка ли
Ткется между мачт?
Это лебедино
Ткется к ряду ряд
Заволочья дивного
Первостольный град.
На плечах — узорочье,
На поясе — вязь.
Зелено и солнечно
Он встречает нас.
И плывут румяные
В сторону дымы.
...Глянь-ко, Северяновна!
Вот и дома мы.
В платье ловком, простеньком,
Очень молодую,
По дрожливым мостикам
С палубы веду.
По тесовой пристани,
Где пенится квас,
Мимо глаз завистливых,
Мимо добрых глаз,
Прямо на дорогу —
Волосы вразлет!
Гляну сбоку —
Свежесть опухнет.
Улыбнется милая,
И в руке легка
Полная и сильная
Жаркая рука.
Мы летим мимо
Домиков в резьбе
По проспекту длинному
В комнату к себе.
В ней в окошке любом
Плавает солнце...
Была бы любовь —
Счастье найдется.

Бывало, утром весело
 Приятели разбудят —
 И к черту равновесие
 Праздников и буден!
 Все в жизни перевидели
 И ко всему готовы,
 Ценители, любители
 Что поострей — такого.
 Они — мне все приятели.
 И я — для всех приятель.
 Они рубли не прятали,
 И я рубли не прятал.
 Лишь иногда внимательно
 Глядел, тоской задетый:
 А ладно ли, а надо ли,
 А верно ли все это?
 Все выслушано, вызнано,
 Поведано друг другу,
 Но начинали сызнова
 Мы по второму кругу.
 И молча знали загодя:
 Нет денег — будут скоро:
 Они — не рожь, не ягоды —
 Растут в любую пору.
 Ох, мы не деньги тратили,
 Да, тратили не деньги.
 Приятели, приятели —
 Пропавшие недельки!
 В себя с тревогой вслушался,
 И в них всмотрелся остро,
 И обмер: каждый в сущности —
 Как обмелевший остров.
 Вода, большая, пенная,
 Ушла, и остров стынет
 С корнями, камнями
 В густо-зеленой тине.
 Враз опахнули трезвостью

Оконные квадраты.
Себя толкнул я с резкостью,
Чтобы сказать: «Ребята!
Одно я вспомнил правило —
Из века в век так было:
Мужчин безделье старило,
А дело молодило...»
Луна плыла над городом —
Наш вечный провожатый.
Мы расставались коротко
И без рукопожатий.

1967

Было: хромки души жгли,
Ребята пели, топали.
Попрощаться девки шли,
Ревели горько во поле.
То чужая сторона —
Пути не добровольные,
То ученье, то война..
Прощайте, дроли-воины..
И про давнюю тоску
Теперь лишь песню спрашивать:
«По зеленому лужку
С сударушкой не хаживать».

1967

— Вы стесняться бросьте,
 Дорогие гости,
 Кверху проходите,
 Место находите,—
 Теща тараторит,
 Тянет всех подряд.
 — Дом-то, дом — как город!—
 Гости говорят.
 Из окна по лесенке
 Раскатилось солнышко
 Вниз половиком.
 Подниматься весело,
 Радостно,
 Легко.
 Струганые стены
 Гулки, светлы.
 Золотом густеют
 Капли смолы.
 Ну, а дух — кормит!
 Чистый, лесной,
 Холодит в горле,
 Будто весной...
 — Подвигайтесь, гости,
 За столы, братки!—
 И летят на гвозди
 Кепки и платки.
 Молодой хозяин
 Туго дело знает:
 Молодой хозяин
 Только подливает.
 Смотрит, смотрит дедко —
 Ох, остер, как редька.
 — Я скажу хозяину —
 Тут его касаето:
 Как по полу ходить —
 Так по полю ходить.
 Жить хозяйке в дому —

Как оладье на меду.
А кровати вашей
На точеных ноженьках
Быть горою днем,
Ночью — поженькой!..—
И пошло, поехало,
Где ты, красномехая!
Эх, серьезная жизнь —
Хромки все перевелись.
...За внучонком дедовым
Поскорее сбегали.
Сел с гармоньей-радугой
На порожнем ящике.
Нога — на ногу,
Сопля — на щеку.
Ну давай! Для разворота
Дом раздвинуть бы охота!
Научились мы работать,
Разучились отдыхать.
В дни торжеств и новоселий
Ленту красную веселья
Научиться бы вплетаты!

Из ковшика в сенцах
Лицо я умою.
Возьму полотенце
У мамы льняное.
Возьму полотенце
Старинной работы,
А вот утереться
Все медлю чего-то.
Я знаю, я помню
Отчетливо смалу,
Как мама с любовью
Его вышивала.
Грустили и пели
У ней в поединке
На полюшке белом
Крученые нитки.
То крестиком — ловко,
То нежно — овалом
И пряжа молодка
На льне оживала.
В кокошнике ярком,
В цветном сарафане
Тоскует за прялкой
И ниточку тянет.
И русскою вязью,
Узорной, как листья,
Подметано ясно:
«Пряди, не ленися».
...В заботах, в тревогах
Далеко от дома
Мотают дороги
Меня уж седого.
С разгона, с размаха
Дни мчатся за днями,
А строгая пряжа
Все ниточку тянет,
И на небе светлом

Все кружится солнце,
Как будто бы это
Ее веретенце.
Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Пряди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамины руки.

1968

Даль осени остылой
Печальна и чиста.
И благостен пустынный
Из тихого скита.
Со взором проясненным
Бредет едва-едва,
И гаснет с мягким звоном
Озябшая трава.
Не мой ли это прадед
Бежал от суеты
Искать для сердца правды
В озерные скиты?
Не знаю. Вьются ветви
Меж нами широко.
Так почему — ответь мне,
Владимир Корбаков, —
Повеет вдруг — не богом —
Пронзительным до слез,
Лишь гляну на глубокий
На нестеровский холст.
Встревожит знаком вещим
И в сердце упадет
Тот взгляд, в себя ушедший,
И посох мудрый тот.
И тронет ненароком,
Вся в инее насквозь,
Из той поры далекой
Рябиновая гроздь?..
Ответишь мне по-свойски
На то, что я спросил,
Что это отголоски
Исчезнувшей Руси.
С какой надеждой краткой —
Ты скажешь — приглядишь,
В мучительной догадке
Дышала эта кисть
Травой, цветком, росинкой,

Чтоб выявить одно:
Куда ж идет Россия,
Что сделать ей дано?

...Не легок путь до истин,
И бились неспроста
Пророческие кисти
На золотых холстах.
А Русь простолюдинкой,
Тоскуя и грозя,
Все шла, и плыли в дымке
Прекрасные глаза.

...Летят все круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты.
И в ней опять загадка
И глубина опять.
Гордиться нам и плакать,
Терять и вновь искать.

1968

Вновь на заре хозяйка
Меня к столу зовет:
— Ну, гостенек, вставай-ка —
Позавтракать черед. —
А в чашке до закрайка
Опять желтеет мед.
Ах, мед! Янтарной глыбой
Морозно он огруз.
Зернист — к ножу не липнет,
Не выворишь — густ.
То клеверком, то липой,
То яблоней на вкус.
Беру я понемножку,
Чтоб оценить сполна.
Сует хозяйка ложку
Серебряную — на.
Смотрю: узор хороший —
Из Устюга она.
— Да пробуй, пробуй, — снова
Хозяйка мне поет, —
Поди, не ел такого —
У нас на травах мед... —
Уже само и слово
Так к языку и льнет.
Его я повторяю —
И в зимнее окно
Взаправду веют травы,
А с ними заодно
Славянские дубравы —
И жарко, и хмельно.
Меды в ковшах бродили,
И в дальних далях, там,
Садился князь Владимир
К дружине и гостям.
Меды во имя мира
Катились по устам.
Пылала песнь Бояна

Под чаши в горький год.
И эта песнь не вянет
Про Игорев поход,
Как дух густой, медвяный,
Из века в век плывет.
...Всего бывало вдоволь,
И многое ушло.
Но в каждом нашем доме
Всегда лежит светло
В посуде круг медовый —
Земли родной тепло.

1968

1. СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

— А ну садись-ко, Павла, к чаю!
 — Да что вы, посижу и тут.
 Вот знаю, как вас величают,
 А не припомню, как зовут...—
 И смотрит на меня с прищуркой.
 А тетка шепчет ей опять:
 — Да Олександром. Раньше Шуркой,
 Он все в ученье — негде знать.—
 Гляжу, она к столу садится.
 — Ой, Шура, память — что дыра.
 Уж не тебя ли это вицей
 По кой-то год в гумне драла?..—
 И мне забавно вспомнить это.
 Я Павле говорю:

— Меня...

Мы там покуривали летом,
 Боялись тяткина ремня...—
 И вот уже смеемся вместе
 Над тем, что было так давно.
 Ее пора и наше детство
 В одно застолье сведено.
 — Гляди-ко, стал какой разумный!—
 Качает Павла головой.—
 А я тогда была резвуньей,
 Какой была я молодой!—
 И, что-то вспомнив, замолчала.
 — Была и вправду — соловей!
 А ныне девки — что чучавки
 С худым снопом на голове.
 Навьют кудрей как мотовилом,
 Как косоватым батожком.
 А платья — господи помилуй!
 И ходят все шажком, шажком!—
 Встревает тетка:

— Ну так, Павла,

Другая ныне и еда.
Мы из муки ржаной, бывало,
Заварим кашу иногда.
Горшок — не охватить руками —
Сперва ошпарим кипятком
Да из загнетки красный камень
В него закатим кувырком.
Да со сметаною брусницы
Надавим в плошке через край —
И ешь, да, чтоб не подавиться,
Ты вразумительно глотай.
Вот это каша-повалиха!
Поешь ее, ржаную, всласть —
Глядишь, и в дрему повалила,
С нее и силушка бралась.
Да, все бывало, все бывало... —
И так мы долго речь ведем.
И вот уж спать уходит Павла
В руке с пугливым фонарем.
И тетка мне готовит ложе
В углу, в котором лик святой.
— Хоть ты и служащий, но все же
Ложись-ко к богу головой... —
Я улыбаюсь безотказно,
Ложусь, и не могу я спать.
И вспоминается мне фраза:
«Он все в ученье — негде знать».
Да ведь и правда: жил годами
В больших и разных городах,
А приезжал в деревню, к маме,
То все как будто второпях.
Да я ль такой! Валили валом
Мы все дорогою одной,
А эти Дарьи, Марьи, Павлы
У нас ломили за спиной.
А кое-кто с высокомерьем
Нас попрекал, застав врасплох,
Крестьянским корнем и деревней,
Как будто этот корень плох.
И мы, не то чтобы поверив,
Но по наивности своей,
Стесняться начали деревни,
Ну, то есть наших матерей.
И, в отпуск приезжая краткий,

Напялив модные штаны,
На деревенские порядки
Глядели мы со стороны.
Гордясь, не думали покуда
Того в ребячестве своем,
Что хлеб насущный, он — отсюда,
Отсюда песни, что поем.
Смешная, право, вышла штука.
А что касается меня,
Еще отсюда и наука —
Глагол и вицы, и ремня.
Теперь мы многое узнали...
Не дай нам бог, чтобы опять
Еще о ком-нибудь сказали:
«Он все в ученье — негде знать».

2. СОН

И говорит серьезно Павла,
Бочком придвинувшись ко мне:
— Ведь на гулянку я попала
Вчера.— Да это где?— Во сне.
Ну, смейся, смейся, да поверь мне.
Вот, значит, я вчерашним днем —
Не видел ты — бегу деревней
На праздник в платьеце одном.
Бегу лужком в полусапожках
Я восемнадцати годов.
Деревня в песнях да гармошках —
Вся зачерпнулась до краев.
И выюсь я в пляске в тесном круге —
Пусть смотрят выходку мою.
И мне завидуют подруги,
И парни жмутся на краю.
А хромка полымем огнистым
Кипит другим наперебой.
Решаю я о гармонисте:
Не знаю — чей, а будет мой.
И точно — будто бы устала,
Беру я под руку его.
И бродим тихими местами,
Уже не видя никого.
Он за плечом несет гармошку,

А я смеюсь, травинки рву.
Нарочно я роняю брошку
В сторонку, в теплую траву.
Ее мы ищем, где упала,
А травы ходу не дают...—
И замолчала грустно Павла.
— Чего молчишь?
— Проснулась тут.
Чего бы сон, а вот тоскую.
Голубчик, больно я стара.
Хоть на себя не на такую
Полюбовалась я вчера...—
Встает, с досадою вздыхая,
И на меня глядит опять:
— Ведь где-нибудь да молодая
Должна же я существовать.
Ужель была да и пропала?
Вот ты ответь,
Я обожду...
Эх ты, ученый,— дразнит Павла,—
А сон-то, думаю, к дождю...—
И вправду — вскоре из-за леса,
Как будто сами елки вплавь,
Ползет гроза тяжеловесно
В томленье душного тепла.
Слепит, гремит и барабанит,
Звенят дома, вскипает пруд,
В зеленых гривах табунами
Березы во поле бегут.
Смотрю я радостно в окошко —
Деревня в грохоте ручьев,
Как будто в песнях да гармошках,
Вся зачерпнулась до краев.
И вижу там, где тучи тают,
Где солнце брызжет над травой,
Гуляет Павла молодая
В наряде с брошкой огневой.
И с гармонистом под навесом
Стоит, травинки теребя,
За этим полем, этим лесом,
За шумным праздником дождя.

3. ВОПРОС

— А пошто,— спросила Павла,—
У годов не ровен свет?
Все запомнила до мала
Из своих начальных лет.
Из девичьих — тоже много,
А замужних — так до дня.
А из вдовьих... ради бога,
И не спрашивай меня.—
Так сказала, что я замер.
Руки сдвинула, скрепя,
И морозными глазами
Посмотрела в глубь себя.
И вздохнула как-то скорбно,
Будто и не наяву:
— А пошто теперь-то годы
Я не помню, а живу?
Ну, пошто? — переспросила,
Посмотрела мне в глаза...
Я сдержал себя насилу
И смолчал.
А что сказать?

4. ДУМЫ

— О чем ты думаешь ночами?
— А я ночами, Павла, сплю.
— А я так нет. Спала сначала,
Теперь лишь каплю подремлю.
Сна нету бабам-одиночкам,—
Вздыхает и мрачнеет вдруг.—
Жизнь пролетела, как по
кочкам,
Подумать было недосуг...
А в девках бегала к гадалке
В потемках в страшную избу,
За полушалок без утайки
Сказать просила про судьбу.
Гадалка повела рукой
И начала, все помню я:
«А море, Павла, глубоко,
Вода на море темная.

Вода помутится, потом
Раскутается солнышко,
И станет видно в море том
В песочке желтом донышко...»
Вот так... А жизнь-то за плечами
Туманами обволокло,
И все мне слышится ночами:
«А море, Павла, глубоко...»
И впрямь: лежу вот на

песочке —

На печке, донышке своем,—
Как бы не дома, не у дочки —
На самом том на дне морском.
И надо мною волны, волны...
Но пригляжусь — и на виду,—
Ведь это я в лугах зеленых
Прокосы шумные веду.
И мужа вижу. Мой — на
зависть
Всем здешним славницам. Пригож.
«Эк,— он смеется,—

размахалась

И мне проходу не даешь».

Но тут все мутится. Лишь

горько,

Как будто с карточки, мелькнет
Он в полинялой гимнастерке
И канет с глаз в водоворот...
И станет больно мне и страшно,
Хоть дочь буди... Черно кругом.
Да это ж борозды на пашне,
И я с конем, и я с конем.
Но тут опять, что гору взгорбит,
Накатит новою волной...
Нет, слышь, не волны это —

скорби

Плывут ночами надо мной...

5. БОЛОТО

— Не ходи, Олѣксан, на болото,
Не ходи, дорогуша, один.
Неужели погинуть охота

Посреди проклятущих лядин?
Там, голубчик, обманно и глухо:
Поглядишь — вроде кочка, а нет —
Голова волосатой старухи
Затрясется и спутает след.
Ты — к другой, ну, а кочка другая
Волосатей еще, пострашней.
Под ногами она заморгает
И задохнется от пузырей.
И назад ни за что не отпустит.
Стон пойдет по болоту такой,
Что тебя не поддержит ни кустик,
Ни валежина под рукой.
И окажешься ты у хозяйки
Места гиблого, а она
На коряге сидит раскорякой,
В тине вся, зеленым-зелена.
И волосья когтищами чешет,
«У» да «у» — головою трясет.
А увидит тебя — так и в клещи,
А когтищи-то синие — лед!..
Ну, не хвастай, что ты не пугливый,
Нынче все вы, безверные, так:
Вам и диво как будто не диво,
Вам и слово как будто пустяк,
Нет, кормилец, а я не ругаю.
А пошто? Раз надумал — ступай.
Только, слышь, направляйся-то гарью,
Там поягодней высылет край... —
Мне всегда говорить с ней забавно:
Явь и сказки едино храня,
Вот опять приповадилась Павла
И пытливо глядит на меня.
Чтобы нравилось ей, по старинке
Пред уходом сажусь на порог.
В золотистой и легкой корзинке
Пахнет родиной теплый пирог.
Выхожу я из дома, как будто
Захожу в молодые года.
И шепчу про себя: «Здравствуй, утро!
Здравствуй, лес! Я вернулся сюда!»
А в крови растекается радость
Холодком и бодрит меня так,
Что от прежнего только остались

Разве кепка на мне да пиджак.
Вот и сосны по краю болота.
Кепка валится — так высоки,
Прошибают заоблачье с лета,
Будто огненные языки.
И тропа истлевет. А дале
Только мхи да разводья вокруг.
Я ступаю несмело вначале
И качаюсь тревожно: а вдруг...
И робею, как древний язычник,
Среди этих просторов глухих.
Но — смотри — наплывает черничник,
Словно синяя туча, на мхи.
Всюду ягоды в листьях-ресницах,
Как зрочки, и черны и влажны.
В них как будто бы полночь таится,
И хмелит от такой ворожбы.
Манят, манят, чаруют, чаруют —
И в тумане, как чару вина,
Я корзинку несу золотую,
А она синевою полна.
Где же выход из этого плена?
Я пугаюсь, и клонится день,
Уходя за леса постепенно
С шапкой солнца уже набекрень.
А куда ни шагну — всюду плавно
След уйдет из-под ног в забытье.
Тут как раз и припомнится Павла
И ужасная сказка ее.
Все, что дома напела старуха,
Оживает навязчиво тут.
Где безветренно, затхло и глухо,
Там и страхи извечно живут.
Начинаю кричать. Только голос
В этой зыбкой, коричневой мгле
Лишь взлетит и растает, как волос,—
И один я на целой земле.
Сроду чувства такого не ведал,
Не готова к такому душа.
И страшит, что иду я бесследно,
Словно тень, на земле мельтеша.
А над ней небеса голубые,
Будто вечность, текут облака.

И душа замирает впервые
Оттого, что слаба и мелка.
Оттого, что я в жизни короткой
Так подолгу бездумно живу...
Ах, скорей бы хоть чей-нибудь отклик,
Хоть бы встретить кого наяву!
И — вот жизни! — в тишине полудикой,
Заставляя рвануться вперед,
Чей-то голос летит паутинкой,
Вьется в соснах, кого-то зовет.
Я — туда, огибая разводья,
Я спешу и уже изнемог.
Вижу, вижу — вон женщина бродит,
Издаലെка белеет платок.
Набруснит покрупнее черничин
И как будто из пригоршней пьет.
Неизвестно, кого она кличет,
Может, пробует голос, поет?
Я ее окликаю устало.
И она средь зеленых ветвей
Улыбается: так, мол, и знала —
Кто-нибудь да откликнется ей.
— Что,— она говорит,— заблудились?
— Заблудился,— я ей говорю,—
Проводи,— говорю,— сделай милость,
Чем могу, отблагодарю.
— Эх,— смеется она хитровато,—
Бабы спросы, смотри, нележки.
Не прожить вам без нашего брата:
Все плутаете вы, мужики...—
А глаза,— только вскинет ресницы —
И уже не уйти от судьбы,
И опять и гореть, и томиться
От веселой такой ворожбы.
Проводница глядит, торжествуя,
Я иду, будто пьян без вина,
И корзинку несу золотую,
А она синевою полна.

6. ВНУК

Под громовой грачиный вылет
Выходит Павла, рядом внук.

И он бежит, шажками сыплет
И отбивается от рук.
Шатает Павлу, будто елку,
Упала, если б не батог,
Но наклоняется вдогонку
И к нам — с внучонком на порог.
А внук — раздеть его сумей-ка —
Как вихорь крутится у ног.
Но вот на гвоздь летит шубейка,
Шапчонка, шарфик, свитерок.
И выпростала из одежды.
Ах, внук! Им все озарено!
— Пстой-ко, Павла, у Сережки
Вон что-то под носом черно.
— Черно,— она с улыбкой дразнит,
Смахнув две темных полосы,—
Лиха беда. Не видишь разве,
Что у него растут усы...—
Смеемся мы, топочет внучек.
Садится Павла у стола:
— Сережка мне как теплый лучик,
В него вся радость перешла.—
Цветем — забыли и работу:
По полу вдоль и поперек
Снует шалун — щипнуть охота,—
Ну колобок, ну снегирек.
Вновь Павла нам:— Ой, беспокоюсь —
Любуюсь им, покуда мал.
А человек — ведь это совесть.
Добро бы совесть перенял.
Хорошим будешь?— Павла внуку.
Тот отвечает ей кивком,
Как будто чувствует науку.
— Ну, подрастешь, взгляну потом.
— Потом?— мы все в немом вопросе.—
Ведь ты...

— Да знаю, что умру,

Да не совсем умру, не вовсе,
Душой-то буду на миру.
Душа, она всегда живая.—
И ловит внука.— Стой, стой!
Ишь, глазки дремою сшивает,
Пойдем-ко, солнышко, домой...—
Встает, откланявшись, как прежде,

И в ней, отзывчивой всегда,
Непреходящие надежды
И неизбывная страда...

7. ПОЛОВИКИ

«Крósна в избу волоки,
Стану ткать половики!»
С чердака достали кросна
(Как их зять не нарушил?),
Затуманились с мороза
Корневым загибом жил.
А меж ними лег навой
Барабанно-круговой.
Притужальником приперта
Крепко пришвица, как встарь,
И висят золотые берда —
Ну, возьми, взмахни, удары!..
Павла, царственно-серьезна,
Подвигается за кросна,
Зять, молчавший до поры,
К ней — не без оглядки:
«Людям надобны ковры —
Не такие тряпки». —
«Всем ковры! Ой, богачи, —
Павла усмехается, —
Глянь на них и отскочи:
Цены-то кусаются...»
Эх, суровая основа,
Ослепительный уток,
Обнимайтесь, пойте снова
Возле рук и возле ног!..
По деревне к ней трух-трух,
В доме тесно от старух.
«Городские-то обноски, —
Павла им дает урок, —
Рвите, девки, на полоски
И мотайте их в челнок».
И давай вперегонки
«Девки» ткать половики.
А у Павлы, а у Павлы —
Лучше всех, настолько славны.
Говорит, что внучкам ткет.

В отпуск явятся, и вот
Им из рук — да на руки
Вытканые радуги.
Пусть везут по городам,
Стелют радуги и там!

8. СЕКРЕТ

— Живешь ты, Павла, не старея!
— А я забыла о годах,
И нет досужего-то время.
Все канителюсь на грядках.—
И опирается устало
На заступ, шурясь от тепла.
— За век-то сколько зорь вставало,
А ни одной не проспала.
Встречаю их и провожаю,
Купаюсь в зорях с малых лет.
— Ты зоревая...— А пожалуй,—
Смеется,— слушай-ко секрет.
Ленивы дочь-то с зятем нынче,
Так я к часам исподтишка,
Чтобы постукивали шибче,
Два привязала камешка.
Часы с кукушкой. Ходят рьяно.
Как закукуют вдруг зарю —
И вскочит дочь: «Ой, вроде рано»,—
«Вставай, не рано»,— говорю.
И зять за ней на кухню выйдет.
А дел-то, дел — невпроворот.
Но скоро мой секрет увидят.
Ведь попадет мне?— Попадет.
— Да пошутила я. Хотела
Так попугать. Кукушку жаль.
А сам-то как? — Да не без дела.
— Бездельем мать не печаль...—
И налегает вновь на заступ,
Как бы смыкается с землей.
Метет в глаза кипреем красным,
Как будто жизнью зоревой.

9. СТУДЕНЫЙ

Опять зову я Павлу к чаю.
С весны не виделась. Она
Какой-то скрытою печалью
Впервые так удручена.
— Мороз-то, Павла, ох и студит!
— Схватил, так еле добрела.
Да что мороз — студены люди,
В них поубавилось тепла.
— Как так? — А ты людей послушай,
Ну, хоть приди ко мне домой.
От слов метелью тянет, стужей:
То крик, то брань, то... боже мой!
— Мир не берет, поди-ка, с зятем!
— И с ним. Но он не хуже всех.
А вместе уж за стол не сядем:
Взгляд ледяной. Нейду на грех.
— Так, может, он не в духе? — Что ты!
Студеный он. Душа в вине.
Вчера в снегу прибрел с работы
И с разговорами — ко мне:
«Кого винишь, что жизнь такая,
Что ругань десять раз на дню?»
А я ему: «Себя ругаю»,
А я ему: «Себя виню.
Виню, что я под старость, ну-ко,
Не припасла себе угла,
Виню, что вынянчила внуков,
А все еще не умерла...» —
И стихла. Холодом подуло
И от нее, от этих слов.
И я молчу, сию сутуло
И слышу мерзлый треск углов.

10. РАЗГОВОР О ПИСАТЕЛЯХ

— Все пишешь, голову ломаешь,—
Меня жалеет Павла вновь.—
Тяжеловату выбрал залежь,
Поморщишь лоб, похмуришь бровь.
— Что ж, поострю покрепче перья.

— И жми на правду, как и мы.
Ох, я люблю стихотворенья,
Хоть поучилась три зимы.
Вот эти помню. Ну, послушай...—
И замер я. В тиши сидим.
И голос, лишь душе послушный,
Возник из дальних лет и зим.
Он сбивчив, радостен и ласков,
Как вздохи жниц, как взмах косцов.
В обнимку Пушкин и Некрасов,
Бок о бок Майков и Кольцов.
И я смотрю, дивлюсь на Павлу:
В ней все несчастья превозмог
И не погас горевший смалу
Высокий пламень чистых строк!
Остановилась от волненья,
Платком смахнула жар со щек.
— А кто сложил стихотворенья?
— Конечно, Пушкин. Кто еще?—
Добро бы жить с такою верой,
Но говорю:— Не только он.
— Ну, пусть, а Пушкин самый первый,
Он богом нам определен.
— Вот молодец! А знаешь, Павла,
Кого из нынешних живых?
— Ну, я по радио слыхала,
Где знать, а кто живой из них.
Иной раз клонишь, клонишь ухо —
Писатель, слышу, говорит.
Лишь в ухе звон, а в сердце глухо,
Не вздрогнет и не загорит.
Вот, правда, я Белова знаю.
К нам приезжал в какой-то год.
Тот не по верху, не по краю,
А посередке жизни прет.
И голос Фокиной я помню,
Начнет рассказывать она —
Душа опять к родному корню,
В поля, в луга унесена...
Эх, мало складываете, мало,
Мы и не слышим вас почти.
— Ну, о тебе сложу я, Павла.—
Она смеется:— Не шути.

В стихотворенье я не влезу,
Куда такую городьбу?
Мне ходу из леса да к лесу
Да на печь в старую избу.

1968—1978 гг.

1. УЛИЦА

Морозом изукрашенный,
 Автобус бег сдержал.
 — Остановка Яшина,—
 Кондуктор сказал.
 Я вздрогнул: память горькая
 Не умирает век.
 А за дверными створками —
 Народ, дома и снег.
 Все закружилось сызнова,
 И встал передо мной
 Он, очень трудно признанный,
 Приехавший домой.
 Держал красиво голову,
 Годами умудрен.
 Посмотришь — выше в городе
 Всех на голову он.
 Допытывал на родине
 За стопкою вина:
 —Что пишите, не врете ли?
 Смотрите — жизнь одна.—
 И взгляд — души окалина —
 Горел, неотразим.
 Мрачнел, когда лукавили
 С трибуны перед ним.
 Когда же в чьем-то голосе —
 Забота, прямота,
 Задорно светом полнился,
 Орлино взгляд метал.
 Твердил он без усталости,
 Что честная строка
 Запомнится, останется,
 Быть может, на века.
 И шел он с редким мужеством
 Сквозь маету утрат.
 ...Плывут снежинки, кружатся
 И сердце холодят.

2. ВСТРЕЧА

С ним на улице имени Яшина
Я столкнулся. Он сумрачно брел.
Он когда-то поэта подкашивал,
На трибуны взлетал, как орел.
И рядил, и судил по-чиновничьи,
Мол, поэт ищет только сучки...
Он не видел ни правды, ни горечи
Сквозь свои золотые очки...
— Вы живете на улице Яшина?—
Я спросил. Он ответил: да, здесь.
И улыбка, смотрю, вмиг погашена,
Да и сам передернулся весь.
И взглянул виновато, болезненно,
Мол, прошли уже те времена.
Да, прошли. Но осталась поэзия!
К правде путь пробивает она!
Я напомнить хотел эту истину,
Но ему не сказал ничего.
Лишь взглянул на знакомого пристально:
Очень старый он. Жалко его.

3. НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

На Бобришном, к белой березе,
На карельский черный гранит
Он встает, молчаливый, в бронзе,
И стихами бронза гудит.
Мы волнуемся, кепки снявши,
С ним не виделись столько пор...
Говорим снова: «Здравствуй, Яшин!»
«Здравствуй!»— эхом вторит угор.
И уносится эхо в пашни,
И во ржи колоску колосок
Шепчет на ухо: «Яшин... Яшин...»
Хлеб, как правду, поэт берег.
И по всем перелескам нашим
Уплывает зеленый вал.
Слышно в шорохе: «Яшин... Яшин...»
Здесь бывал он, тоску сбивал.
И летит эта весть все дальше
В пенье птичьем, в хлопанье крыл

К морю Белому: «Яшин... Яшин...»
Птиц любил он, зверей любил...
Вьется лист, с березы опавший,
Грустно падает на металл.
Над строкою думает Яшин.
Он бы раньше тот лист поднял.

4. «УГОЩАЮ РЯБИНОЙ»

В отдаленье, а будто рядом
Он стоит под красной рябиной.
Без любви, а с влюбленным взглядом,
Без вины, а с душой повинной.
Одаряет людей кистями,
Будто северной поздней зорькой.
Но объелись люди сладостями,
Разве им до рябины горькой?
В мире нет беды окаянной,
Чем к родной земле безразличье.
Раскаляется в покаянье
Слово медленное, мужичье.
Он выкатывает из сердца
Это слово, почуяв силу,
Чтоб согреться, и опереться,
И всмотреться людям в Россию.
В этом слове для жизни все есть:
Умудренно светит отрада,
Обнаженно тоскует совесть,
Неподкупно пылает правда.
И в стихи его корневые
Рифмы катятся без запинки,
Словно ягоды наливные —
Наши клюквинки и рябинки.

«Ах, Родина»,— я тихо произнес
И распахнул рубашки белой ворот.
Всего два слова — а щемит до слез,
Всего два слова — а опять я молод.
И раньше в белострунный березняк
Входили люди, вглядывались в дали
И тоже волновались точно так,
И точно так молитвенно шептали.
Несчетно раз слова повторены
В одном и том же радостном порыве,
Но столько в них для сердца новизны —
Как будто я их произнес впервые.

1969

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.
А под ногами глина да песок
Да попережку скудные подзолы.
Но первый для меня ржаной кусок
Взращен на этих пашнях невеселых.
А под окошком серый журавель —
Из всех домашних птицы нет домашней —
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,
Воды, бегущей из-под этих пашен.
А надо мной в морщинках потолок,
Как будто материнские ладони,
Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил все родное...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?
Вот почему березы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких,
Белеют всюду, словно письма
Далеких предков, свернутые в трубки.

1969

Добро сидеть за самоваром
И пить из блюда не спеша.
Поет, горит, исходит жаром
Его славянская душа.
И сердцу вроде бы полегче.
Оно болит уже давно,
И разрядить его лишь речью,
Лишь откровенностью дано.
И не удержится хозяйка:
Как на духу, в один присест
Пришедшей гостье без утайки
Откроет все, что в сердце есть.
И та припомнит горький опыт,
И хоть сидят они вдвоем,
Вдруг перейдет на полусшепот
И тоже, тоже о своем.
Вздохнут, друг друга утешая,
И слезы вытрут не тая.
Свою заслонит боль чужая,
Чужую боль смягчит своя.

1969

До обалденья молоды,
 До хрипоты лихи,
 Отчаянные головы
 Гуляют — петухи.
 Идут, как предводители,
 Бубонят что-то вслух
 И смотрят очень бдительно
 За стаей молодух.
 Один из них на улице
 Лишь зернышко найдет,
 В кругу подруг красуется
 Да и чужих зовет.
 А те — вот окаянные!—
 Бегут: была б еда.
 Не чтут уже хозяина
 И своего гнезда.
 Но тут, крылами прядая,
 Вскипая от обид,
 Соперник рыжим пламенем
 Лужайку опалит.
 Как будто взрывом брошены,
 Взметнутся в синеву.
 И красные горошины
 Посыплются в траву.
 Замрут потом и с норовом
 Расходятся не враз,
 Скосив в чужую сторону
 Грозой налитый глаз.
 И вновь с осанкой гордою
 Порхают там и тут
 И, сев на огородину,
 Поют, да как поют!
 ...Дымлю я папиросою,
 И мне их очень жаль:
 Сверкнет над ними осенью
 Отточенная сталь.

А им того не чается,
Что жить до октября.
На гребнях их качается
Веселая заря.

1969

Стояла ель. В лесном пределе
 Стройнее не было ее.
 И солнце колоколом пело,
 Задев порой за острие.
 Она ветвилась в два обхвата,
 Совсем не чуя мужиков.
 В два топора такую надо,
 В два топора — наказ таков.
 Рубили дерево, рубили
 Два здоровенных мужика.
 И брызги, будто бы дробины,
 Свистели около виска.
 Добра, крепка попалась елка,
 Хотели сразу наповал,
 Но из подруба, как из щелки,
 Огонь, казалось, вылетал.
 На хвойных лапах — гнезда, гнезда
 И верещание птенцов.
 Но сталь дробила в два нахлеста
 Кольцо, кольцо, еще кольцо.
 И что кольцо — уже усталость,
 И что колечко — белый свет.
 И мужикам уже казалось,
 Что этим кольцам счета нет.
 Но наконец-то сердцевина.
 И ель завьюжила, да как,
 Что посинел от страха, хлынул,
 Давя друг друга, березняк...
 Пошли за лошадью. Низина.
 Кочкарник хлябкий на пути...
 И только тут сообразили,
 Что дерево не увезти.

1969

Завидую хозяину:
Грибов поел — и сыт,
Прилег — уже храпит,
А встал — и свежий заново.
Возьмет топор отточенный
И вновь пойдет пешком
Рубить кому-то дом
И все такое прочее.
В одном себе уверенный,
Уже давно старик
От слов пустых отвык
И от пустых намерений.
А я лежу, ворочаюсь
И слышу ровный храп.
Ну, молви он хотя б —
И ночь была короче бы.
Но утомленный бременем
Работы, а не слов,
Не слышит он часов —
Он не страшится времени.

1969

В большой и солнечной избе
Часы висели, как игрушка.
И в них жила одна себе
Неперелетная кукушка.
Бывало, время настает,
Она распахивает ставень
И в тишине свой точный счет
Опять ведет с печалью давней.
А в доме все на добрый лад.
И на кукушку,
внемля счету,
Лишь краем глаза поглядят
И вновь уходят на работу...
Однажды в свой урочный час
Цепочка стала вдруг срываться —
Когда бы надо крикнуть раз,
Кричит кукушка раз двенадцать.
И в доме сдвинулся уклад.
И все жильцы, и даже вещи
На птицу, вскинувшись, глядят:
Из вещей стала вдруг зловещей.
И вправду оторопь берет,
И тайно крестится старушка:
И час не тот, и мир не тот.
Кричит безумная кукушка.

1969

Не чудится ли? Тройка
Площадью рысит!
И в первый раз в сторонке
Держатся такси.

Откуда эти лошади
Оказались тут?
Неловко, огорошенно,
Конфузливо бегут.

За ними сани старые,
А в них — полно ребят.
Веселые и самые
Счастливые сидят.

Ах, масленица! — вспомнил.
Всего захолюня,
Не лошади, а кони
Уже возле меня.

И в синеве заснеженной
Хохочет бубенец,
Полозья площадь режут
Из конца в конец.

А сани точены,
А дуги золочены,
А конь мой — здесь
В жарких лентах весь.
На скрещенье дорог
Красных девок табунок.
Я поводья тяну:
Вижу, вижу одну.

Все смотрю сбочка́,
Как на яблочко.

Набираю и сжимаю
Снега белого комок.
Он летит на полушалок,
Рассыпаясь возле ног.

Ох, догадлива, смела,
Серым глазом повела:
— Не заигрывай так,
Прокати лучше...—
И уже конь-ветряк
Задевает тучи.

Я кричу:— С чего начнем,
Чем прогулку кончим?! —
У нее горят огнем
Не глаза, а очи:
— А блинами мы начнем,
Поцелуем кончим!

1969

Над речкой тихой и лесной
Запела утренняя птица,
Как будто брызнуло росой
И освежило наши лица.
Туман прорезали ясней
Осоки выгнутые сабли...
Ты говоришь мне: соловей!
Нет — говорю я — это зяблик.
Хлопочешь около огня —
Береста от росы намокла
И с недоверьем на меня
Глядишь сквозь синие волокна.
Куда ж девались соловьи?—
Меня ты спрашиваешь взглядом.
Ну что сказать?.. Глаза твои,
Твои глаза, они-то рядом...
Толкаем лодку и — вперед!
Держать мы весла не ослабли.
И чуть печально вслед поет
На одинокой ветке зяблик.

1969

Старею сердцем от собраний
С пустой и долгой болтовней,
С решеньем, сделанным заранее,
Известным вплоть до запятой.
Сижу на них, необходимый,
И чувствую, как надо мной
От сигареты кольца дыма
И вправду вьются сединой...
А где-то есть на травах росы,
И к тихой речке ровный скат,
И над водою там березы,
Как думы, облачно висят.
Пойду туда, все к черту бросив,
Лишь у деревьев на виду,
И там пойму, что не к березам,
А к самому себе иду.

1969

С годами я стал и впрямь
 Встревоженно суеверным.
 Теперь боюсь телеграмм:
 А вдруг — из нашей деревни.
 Там стынет родимый дом
 Большой, неуклюжей лодкой,
 Повернутой кверху дном
 Возле рябины горькой...
 А очень нравилось нам
 Встречать почтарей когда-то.
 Теперь боюсь телеграмм:
 А вдруг от сына-солдата.
 Ведь с той и с другой стороны,
 Где он на рубеж поставлен,
 Смертельно расчехлены
 Запасы всемирной стали...
 О дружбе твердил я сам,
 Что нету прочнее круга,
 Теперь боюсь телеграмм:
 А вдруг — от старого друга.
 Он что-то стал нездоров,
 А жил — и в беде не хмурясь.
 Всегда у него меж слов
 Лукаво таилась мудрость...
 Пройдя сквозь горечь утрат,
 Мы поняли запоздало,
 Что мир так людьми богат,
 А близких, в сущности, мало.
 И как же хочется нам,
 С годами многое вызнав,
 Теперь читать по утрам
 Лишь письма. Добрые письма!

1970

Домой, в деревню, издалека
Катил я чуть не с бубенцом.
И мать отпрянула от окон
И мне навстречу — на крыльцо.
Вдруг от досады сердце сжалось,
Как вспомнил, что с собой привез:
Лишь кое-что, лишь только малость,
А ей и это все — до слез.
А ей и это вроде лишка:
Мол, у тебя своя семья,
Порадовал бы ребятишек,
А мне зачем, а я — сама.
Ее слова тоской особой
Отозвались в моей душе.
Вдругорядь, может, сделал все бы,
Да будет незачем уже.
...Сидела в старом сарафане
Вся из печали и любви.
«Чего ж повымерзли так рано,
Сыночек, волосы твои?»
И тихо гладила рукою
По голове моей седой,
И стало чуточку спокойней
Под материнскую рукой.
И отвечать уже не надо,
А все, что надо, в этот миг
И с полуслова, с полувзгляда
Она постигла, я постиг.

1970

- Сколько детей-то, Анюшка?
- А семь!
- Вроде бы, Анна, и многовато.
- А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята...
- Стой же, постой!
- Недосуг сейчас...—

Но покраснелась от разговора.
 Анна была, как сказали б у нас,
 Будто бы свежая помидора.
 Полем пошла, где желтеет стерня,
 Лугом, где в грязь стожары увязли,
 Долго метался в глазах у меня
 И повлажнел платок ее красный.
 Вспомнилось детство перед войной:
 В каждой избе у нас многолюдство.
 Сядем за стол перед чашкой одной —
 Ложки, что птицы, дружно несутся.
 Мать поутру испечет каравай,
 Кликнет, и сыплемся мы спросонья.
 Только ломти успевай подавай
 С луком зеленым да крупною солью.
 Выросли мы на хлебах простых.
 Как это было давно и шумно!..
 Тихо теперь. Лужайки пусты —
 Всю обошел деревню большую.
 Странное дело: богаче живем,
 А малодетнее стала Россия.
 ...Птичьими кликами, ветром, дождем
 Теплая ширь голосила, просила.
 Травы вскипали из-под земли,
 И шевелилась она, как живая.
 В яростной пене реки текли,
 Лыдинами даль до морей прошибая.
 А березняк поднебесье расшил
 Тонким, что кружево, белым узором.

Вся эта хмелем повитая ширь
Полнилась зовом, полнилась зовом.
И вспоминалась Анна опять.
Вот она — будто перед глазами,
Русская женщина, добрая мать.
Как хорошо она мне сказала.
— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята.

1970

От века своего отстал —
 И в позабытости покойся...
 Давно дряхлеет сеновал,
 Отжатый ельником с покоса.
 Он в землю врос, как бы усох,
 И стали темными тесины.
 По ним плывет, сверкает мох,
 Как будто пена с губ лосиных.
 А перед входом, краснобров,
 Куст иван-чая жарко кружит,
 Как будто кто сюда забрел,
 Развел костер и ладит ужин.
 И в самом деле кто-нибудь—
 Или грибник или охотник —
 Заночевать иль отдохнуть
 Сюда, случается, заходит.
 Шумит вершинник в вышине,
 И шебуршат кусты под крышей,
 И бревна тяжкие в стене
 Печальный шум и шорох слышат.
 Заметы тайные на них
 Живут в зарубках и затесах
 О краснозорных, огневых
 И сарафанных сенокосах.
 Лишь только ты прочесть сумеи —
 Немало помнят эти стены:
 Разгул страды, и храп коней,
 И хмель бушующего сена.
 И в тканом пологе, в ночи,
 Когда звезда у изголовья,
 Любви стеснительный зачин
 И праздник смуглого здоровья.
 А утром чуть стыдливый взгляд.
 И два следа, плывущих вместе,
 И две косы наперехват,
 И в каждой вковано по песне...

Уже все это позади.
Но ты, коль выпадет дорога,
Сюда зайди и посиди,
Но ничего зазря не трогай.

1970

Комбайн ушел, но звук еще дрожит,
Еще дымком его усталым веет,
И поле обмолоченное ржи
В недоуменье и вздохнуть не смеет.
Соломы копны теплые на нем
Разбросанно и тихо замирают,
Как на огромном на поду печном
Забывшие хозяйкой караван.
И две березы белые слепят.
Не видные порой в ржаном раздолье,
Сейчас открылись вдруг до самых пят—
Как выросли они на чистом поле!
Я к ним иду. Ступать неловко мне:
Воистину святое это место.
И что ни шаг по золотой стерне —
То в молодость бесхлебную, то в детство.
И я готов заплакать, но держусь,
И трудно понимаю, что со мною,
Беру зерно и пробую на вкус:
Как сладкий солод, мне зерно ржаное.
Беру щепоть земли из-под корней —
Холодный тлен и дух непостижимый,
А хлеб и жизнь, и синева над ней,
И двух берез зеленые вершины.

1970

Лишь я подумаю: а сколько
 Людей ходило до меня
 По этим тропкам и проселкам
 Вот точно так на склоне дня,
 Остановлюсь в тоске внезапной.
 Немало было лучше нас.
 Их волновал и хвойный запах,
 И шум ручья в вечерний час.
 И в эти синие пределы,
 Где горизонт неуловим,
 Подобно мне они глядели,
 Нет, это я — подобно им.
 Вступив под лиственные своды,
 Томились в трепетной тиши
 Перед величием природы,
 Непостижимостью души.
 ...Ушли они, оставшись в тропках,
 В дорогах, кои пролегли
 Для нас не близко — не коротко,
 А до границ родной земли.
 Не взяв ни камушка — не надо,
 Ушли они, оставив нам
 Сиянье дней в сто тысяч радуг,
 Как мы оставим сыновьям.
 И если б думали мы чаще
 Об этом в быстрой смене дней,
 То были б в жизни настоящей
 И помудрей, и поскромней.

1970

Умываюсь туманами севера,
 Поднимаюсь легко на бугры,
 И мне под ноги катятся клевера
 Фиолетовые шары.
 А заря, словно красная мельница,
 Мне опаживает лицо.
 Горизонт уплывает и светится,
 Как березовое кольцо.
 В спелой ржи, будто вытканы, вышиты, —
 То возникнут, то пропадут —
 Голубеют старинными крышами
 Деревеньки и там и тут.
 Здесь моя деревянная отчина.
 Пусть я житель и городской,
 А душе, кроме всякого прочего,
 Позарез нужен край такой.
 Не из тех я прохожих нечаянных,
 Что заглянут на ночь одну
 И у вдов, умудренных печалью
 Ищут старую старину.
 И хозяйки в домах удивляются:
 Было время — просили кусок,
 А теперь — то икону, то пряслицу,
 То ручного тканья поясок.
 И в цене не стоят — лишь скажите им,
 Но теряются бабы тут:
 Нет цены оценить пережитое,
 И задаром все отдают.
 Мне ж чего покупать, если родиной,
 Стариной ее, новизной
 Существо мое переполнено,
 Будто небо голубизной.
 Все волнует: и травы шумные,
 Свет реки и тень камыша.
 Здесь опять невольно подумаю:
 Что ж такое это — душа?
 Не приемник с чувствительной силою,

Чтоб включить и настроить мог,
Не березовый лист, не осиновый,
Не старинный какой кузовок.
А поет, и грустит, и дрожит она,
И я думаю неспроста,
Что душа — глубина пережитого,
Непрожитого высота.

1970

Всю-то ночь то сильнее, то тише
 Под неровным и теплым дождем
 Снова пела тесовая крыша,
 Как певала и в детстве моем.
 Я дремал или спал — сам не знаю,
 Только капли в пространстве ночном
 Разлетались по зыбкому краю
 Забытья между явью и сном.
 Сладко пахло шуршавшее сено,
 Притворившись зеленой травой.
 И дышал мой сынишка блаженно,
 Прислонившись ко мне головой.
 И я чувствовал: сны ему снятся,
 И он видел себя наконец
 Не мальчишкой с проклятым румянцем,
 А мужчиной большим, как отец.
 Ну, а мне на родимой повети
 Все казалось, что сам я еще
 Не усталый, сорокалетний,
 А мальчишка с румянцами щек.
 До чего же легко обмануться,
 Если сказки захочет душа!
 Вместо струй уже ткутся и выются
 Золотые волокна, шурша.
 И тогда в глубине, в отдаленье
 Непонятный прорезался звук,
 Размыкая во мне все сильнее
 Сна и яви замкнувшийся круг.
 Я очнулся. Прислушался: что же?
 Гром — не гром, но все ближе растет,
 И колеблется крыша от дрожи.
 Догадался: ночной самолет.
 Промахнул над разбуженным домом,
 Над старинным покоем лесным,
 И бурлил, словно омут огромный,
 Звук державный, летевший за ним.

Быль и сказка сменились местами,
И заснуть я уж больше не мог.
Ну, а сказку сынишке оставил:
Мне она и не в срок и не впрок.

1970

За окошком рябины,
 А в просветах рябин
 Рожь крылом голубиным
 Машет с ближних равнин.
 На листьях, что в ладонях,
 Тяжелеет роса,
 Словно ягод зеленых
 Молодая краса.
 Только ягодам — рано,
 Подожди, подожди:
 Скоро прошвой багряной
 Небо вышьют дожди.
 С облаков серебристых
 Легкой палкой опять
 Будет женщина кисти
 Огневые срывать.
 Будто сгрудит в охапку
 Догоревший закат,
 Кисти пламенем зябким
 Возле щек заблестят.
 Самых крупных и самых
 Спелых ягод возьмет
 И за зимние рамы
 Их насыплет вразлет...
 Засвиристывают вьюги,
 Но рябина опять,
 Словно жаркие угли,
 Будет в окнах мерцать.
 Снега белые горы
 Наметет там и тут,
 Окна в красных узорах
 Над снегами всплывут.
 И среди этих окон
 Будет вновь без конца
 Возникать одиноко
 Очертанье лица.

1970

Мне опять покой неведом —
Журавли кричат вдали,
Захлебнулись реки небом,
Небом блещут колеи.
Сапоги мои мерцают
Тоже в небе до колен.
Голубыми бубенцами
Я пленен — и сладок плен,

...Сердце хочет перемен.

Березняк еще безлистый,
С изумлением притих
В воркованье, пенье, свисте,
Будто в кольцах золотых.
Он слепит и сам же слепнет,
Отрываясь от бугра,
И висит он в ухе неба,
Как серьга из серебра.

...Сердцу хочется добра.

Ветка к ветке, птица к птице,
И зерно летит к зерну.
Тосковать мне и томиться
И тебя искать одну.
Дни бродить, не спать ночами,
Позабыть года свои —
Только было б как вначале,
Ну, откликнись, позови!

...Сердце стонет от любви.

1970

Как будто бы лесник рыжебородый,
 Из-за Двиницы солнышко взойдет
 И в ельниках потопчетя, побродит
 И двинется по деревням в обход.
 В Петряеве озолотит задворки,
 В Нелидове осеребрит дымки
 И выхватит из тьмы усадьбу Горки,
 Где дом красив и липы высоки.
 Здесь в свежести речного закоулка
 Засодимский у тетушек опять
 Скрывается от взгляда Петербурга,
 Чтоб горький взгляд России увидеть.
 Как пишется ему в глухой усадьбе,
 Когда вокруг горит осенний лес!
 И, кроме теток, то, что он — писатель,
 Никто, конечно, и не знает здесь.
 Он любит утро. На крыльцо выходит.
 На нем толстовка серая вразлет.
 «Однако же какой сегодня холод!»—
 Он ежится и руки зябко трет.
 Хоть знает, что в натопленной гостиной
 Уж стол накрыт, и деревенский чай
 Из-за его медлительности стынет,
 И тетушки, наверное, ворчат.
 Но, запахнувши полы потеплее
 (Он стар уже и часто нездоров),
 Идет к реке рябиновой аллеей,
 Где кисти будто гребни петухов.
 Он думает в мучительном бессилье
 (Опять о том!), как на путях разрух
 Не растерять в развитии России
 Народный облик и народный дух...
 С реки пахнуло мокрою осокой —
 И вот Двиница в синеве излук.
 И он стоит на берегу высоком,
 И деревеньки топятя вокруг.
 И хочется ему, чтоб на страницах,

Как по Двинице в этот чистый день,
Сумели бы надолго отразиться
Тоскующие окна деревень.
...Я знаю этот край, и он мне дорог,
И неизбежно на душе тепла.
Опять всхожу с пригорка на пригорок,
Как будто в жизнь, что есть и что была.
И кажется: я подойду поближе,
Раздвину годы, что кусты ракиит,
И в листопаде золотом увижу —
На берегу Засодимский стоит.

1971

Ввинчиваясь в высоту упорно,
Самолеты виснут над селом —
Будто бы серебряные сверла
Стружку выют в просторе голубом.
То гудят до звона, до надсады,
То затихнут вроде бы, и вдруг,
Словно выстрел, покачнет посадки
С высоты упавший звук.
...Дед с крылечка смотрит полуслепо —
Он всю жизнь рубил, пилил, строгал
И сейчас дивится вслух: «А небо —
Видно, тоже крепкий матерьял».

1971

Электричка, словно спичка,
Засверкала на лету
И уткнулась по привычке
В ельник, в снег и в темноту.

А в лесу как сказка-небыль:
Закружив, заворожив,
Сквозь деревья льются в небо
Тихим светом этажи.

Опахнуло жаром щеки:
Наконец у земляка!
Высоко летал, высоко,
Да не смотрит свысока.

Он сейчас доволен, весел.
Нас в гостиную ведет.
Тонем мы в объятьях кресел,
Будто выпал нам полет.

И свою Татьяну кличет,
И выходит к нам она
Добрым, теплым, земляничным
Светом вся полным-полна.

И расспросы первым делом,
Как там, в Вологде, народ
Володеет, холодеет,
Молодеет и живет.

Как там ныне с сеном, с хлебом,
Как охота, как грибы...
Он вздыхает: снова не был,
А хотел, хотел побыть.

Ну, а нам-то, ну, а нам-то
Подавай скорей сполна,

Как летали космонавты,
Как там небо и Луна.

Он зовет к столу, смеется,
Мол, нельзя про все подряд.
Лишь потом, как бы от солнца,
Тихо вспыхивает взгляд.

Этот взгляд, в себя вобравший
Свет распахнутых берез,
Свет развихренных ромашек,
Свет дымящихся борозд.

Свет лица своей любимой,
Свет судьбы своей земной
И России свет лавинный,
Будто свет души самой.

Этот взгляд столкнулся дерзко,
Прошибая мрак вразброс,
С ледящей черной бездной
И кинжальным блеском звезд.

И не дрогнул!..

Но обычен

Ровный голос земляка.
Удивительно: величье
Видно лишь издалека.

Скромен облик человека.
А в ушах ракетный гул,
Что взметнул страницу века
И ее перелистнул.

...Мы размашисто гостюем,
Рад бы так — нельзя ему,
В тренировочном костюме
Даже здесь, в своем дому.

И пора прощаться с нами:
Вон и звезды уж зажглись,
Потайными письменами
Снова вычертили высь.

И мерцают в ветках зяблых,
В темной плоскости окна
И в нетронутой — ни капли —
Рюмке красного вина.

1971

Свои раздумья темный лес
Высоким слогом выражает.
Могучий ямб родился здесь,
И внял ему старик Державин.

Была таинственная связь
Лесов с душою человеческой.
Она давно оборвалась,
И стали разными наречья.

Но всякий раз чащобный вид
И шум раскатистый тревожит.
Душа внимает и дрожит,
Но этот шум понять не может.

1971

Со мной ли это было? Да, со мной.
 Пылало лето широко и жарко
 И колесом ромашки золотой
 Катилось мимо окон по лужайкам.
 Мы шли в леса. А в них, как желтый зной,
 Тянулась к нам сомлевшая морошка.
 А над морошкой тенью грозовой
 Плыла черника на зеленых ножках.
 Ватажные, не знали мы забот,
 Драчливые, не ведали мы тягот.
 И это лето в памяти встает
 Большой корзиной самых спелых ягод...

Со мной ли это было? Да, со мной.
 Стихает город, будничен и жарок,
 И я иду в рубашке голубой,
 По-деревенски сшитой для гулянок.
 А я лечу в студенческий приют —
 В барачный дом, оцепленный мостками,
 В котором однокурсницы живут,
 И к ним лишь комендантша пропускает.
 В дежурке за любовь я постою,
 И злую комендантшу одолею,
 И солнечную девушку свою
 Вновь уведу в кленовую аллею.
 Веселые, мы выйдем из ворот,
 Счастливые, куда, не знаем сами.
 И это лето в памяти встает
 Ее большими серыми глазами...
 Со мной ли это было? Да, со мной.
 Гремело лето и сверкало грозно,
 И на могучей на волне ржаной,
 Как лилии, качало ночью звезды.
 Нам наконец-то было все дано:
 И радуга в свеченье мокрых красок,
 И сети, уплывавшие на дно,
 И сладкий дым, тянувшийся от пасек.

Солидные, мы грелись про запас,
Серьезные, пеклись в траве нагретой,
И этим летом с грустью в первый раз
Мы вспоминали прежние два лета.

1971

Шиповник пялится вразброс
На желтизне лесных прогалин.
Его плоды среди берез,
Как пули красные, застряли.
Свежо и тихо на душе.
Иду по скошенному краю
И здесь с улыбкою уже
Своих знакомых вспоминаю.
Бывает, встретишь — и не рад:
В глазах у них мелькает жалость.
«Как постарел», — мне говорят,
И я как будто извиняюсь.
Так заявляют прямо мне,
Что словно бы и в самом деле
Лишь только я и постарел,
А вот они помолодели...
А здесь никто не попрекнет:
И ни береза, ни осина.
Иду — и трость моя вразлет,
И на ремне скрипит корзина.
Вот вижу — белый гриб один
Стоит себе под хвойной крышей,
И, как пузатый господин,
Он распахнул тулупчик рыжий,
Я — на колени перед ним:
А ну, иди сюда, голубчик,
И чтоб остался невредим,
Я подбираюсь под тулупчик.
А рядом — что там за сосед!
Обабок, голенький и чистый,
Дивясь, глядит на белый свет,
Забыв стряхнуть со шляпки листик...
И в паутинках день плывет,
От синевы и чист, и ярок.
Летит высоко самолет,
Но выше — маленький комарик.

1971

Его давно мотает —
Где лучше, угадай —
Из Мурманска к Алтаю,
С Алтая в Магадан.
Оседлой жизни нету,
Как будто ошалел.
И вот сегодня в этой
Он дьявольской жаре.
Вновь пиво льет казашка,
А пена — что за черт?—
Как белая ромашка,
С его руки течет.
Опахивает давним,
Далеким и родным,
Как будто с маху ставни
Смывает перед ним.
На севере России
Его крестьянский дом
Всплывает в снежной сини,
И мать-старуха в нем.
И снова знак вопроса
Прорежется серпом:
Зачем же близких бросил
И свой обжитый дом?
Зачем же он уехал?
Земель далеких зов?
Но он не мог без смеха
И слышать этих слов.
Нет, он другое вызнал
И высмотрел давно —
Лишь зависть к легкой жизни,
А где — не все ль равно.
И, в думах разбираясь,
Он чует, что уже
Родительская завязь
Разорвана в душе.

И тягостно от мысли
Бывает среди ночей:
От близких независим —
И вот уже ничей.

1971

Брату Павлу

Расчерчена на графики
Голубизна высот.
Взлетает Ил из Африки
Пчелой из жарких сот.
И уплывает к северу,
Туда, где свысока
Предстанут белым клевером
Российские снега.
Скорее, ох, скорее же!
Ну, а пока внизу —
То горы, то побережья,
То нежная лазурь.
А то дорога гулкая
Туманом залита.
Но вот открылось Внуково —
Российские врата!
Ах, свежий воздух Родины!
Сияет человек —
С ресниц слеза уронена
На этот милый снег.
И хоть в Москве старательно
Застольем окружен,
В деревню к старой матери
Рванулся все же он.
В глазах умылась родина,
А снег, и бел и яр,
Высвечивал смородинный
Тропический загар.
И мать навстречу — ахоньки!
Припала головой.
Приехал сын из Африки —
О господи! — живой.
О чем не передумала.
Когда печаль да грусть?
Земли названье трудное

Учила наизусть.
У ней самой-то смолоду
Вот здесь сошлись пути.
Из городов лишь Вологду
И видела, поди.
А дети!.. Будто стала им
Мала земля своя.
Теперь дороги дальние
Взлюбили сыновья.
...Не плачь! Налей по махонькой
За встречу, за успех!
Смотри — какой из Африки
Кокосовый орех.
И сын раскрыл диковину
Привычно и легко,
В которую заковано
Густое молоко.
И мать взяла: ах, пахнет как!
Держала, как яйцо,
Дышала сладко Африка
Ей в русское лицо.
И, чуточку отпробовав,
Глядела с-под бровей
И отстранила, гордая:
«Нет, наше повкусней».
А сын сиял, рассказывал —
Ну точно, как она —
Ему же сказки разные
Когда-то допоздна.
...В окошке дни истаяли —
Уехал сын опять.
Себя, как прежде, старую
Почувствовала мать.
Нальет лекарств из шкафика
И сразу — будто в тьму.
И снова снится Африка
В заснеженном доме.
За елками, за соснами
Все видится ясней
Большим — с Луну — кокосовым
Орехом средь морей.

ПОЗЕМКА

Виктору Короткаеву

И ночь, и снега —
Я один средь полей.
Дорога долга
До деревни моей.
И в черных лесинах
Мерцает едва
Луна, что лосиная
Голова.
Струится поземка,
Как будто во мрак
Летят вперегонки
Стаи собак.
И чистые звоны
Морозной струны
Зовут меня снова
В снега старины.
Я вижу, как звездно
Там снег искрит.
Я слышу полозьев
Далекий скрип,
Лихой на холоде
Крик возниц
И топот с хлопаньем
Рукавиц.
И вдруг из облака —
Взгляд коня.
С дороги — побоку,
В снег — меня.
И пролетели,
Меня обдав
Сухой метелью
Душистых трав.
Встаю и вижу:
К ним из ворот
Пчелою рыжей

Фонарь плывет.
Потом и в доме
Зажегся свет —
Снопом соломы
Упал на снег.
Смотрю и думаю:
Дай найду,
Речь про судьбу мою
Заведу.

Годов завесу
Мы отстраним.
Как интересно
Должно быть им
Услышать громкий
За дверью стук,
Меня, потомка,
Увидеть вдруг!
А двери в избу,
Ох, тяжелы!

Столетия виснут
На петлях мглы.
Стучу, толкаю —
Душа зашлась:
Я с мужиками —
С глазу на глаз!
Струит навесная
Лучина свет.

Я их знаю,
Они меня — нет.
Первый Роман —
Он прадед мне.
Второй Иван —
И тот по родне.
Здороваюсь, застя
Свет рукой.
Бают:

— Здравствуй...

Кто такой?

— Да свой,— отвечаю,—

Я правнук ваш!—

Пожали плечами:

Мол, что за блажь?

И замерли. Люто

Лучина трещит.

В глиняном блюде
Стынут щи.
И долго и резко
Смотрят они.
— Ну что ж, не побрезгуй,
Поешь, отдохни...—
Сажусь, не умея креститься,
К столу.
Мужицкие лица
Бледнеют в углу.
Мужицкие руки
Три раза подряд
В холодном испуге
Крест сами творят.
И я извиняюсь,
Теряюсь тут:
В руках-то тяжесть —
Не шевельнуть.
Напротив — прадед.
Скулы тверды
В черной оправе
Густой бороды.
А взгляд простодушен,
Даже свят.
Лето пастушье
Таит взгляд.
Весь он очерчен
Синью окна,
И на оплечье
Заплата видна.
Любуется прадед,
Не верит мне:
— Ужель ты и вправду
Нам по родне?—
Но хмурит лицо
Отчужденно Иван:
— Да он из купцов
Аль каких дворян.
А может, чиновный —
К теплу привык.
Но нам не ровня,
Нет, не мужик!..—
Я голосом твердым
Твержу, торопясь:

— Я ваш, но в четвертом
Колене от вас!..
— Чудно как! Послушай,
Скажи-ко нам:
А сколько на душу
Земли — то там?
— А нынче у нас,—
Отвечаю я,—
Сколь хватит глаз —
Вся твоя земля...—
Глядят, не мигая,
Хлопнув в бока,
По-истуканьи
Два мужика.
И я поскорей
Поясняю ответ,
Что много полей,
Но собственных нет...
— Ну вот что: уймися,—
Встают предо мной.—
Ты врешь, будто писарь
Наш волостной.
Нам некогда лясы
С тобою точить.
Коль хошь, забирайся
Да спи на печи.
А утром, коль правнук,—
Смеются они,—
За сеном отправим,
Вот тут и тяни...—
Снимают рубахи
В порыве крутом,
Которые пахнут
Тяжелым трудом.
Крепки и красивы
В своей простоте.
Померяться б силой,
Да силы не те.
Не выдюжить — чувствую,—
Сразу сдам...
Чадно и тускло
Здесь по углам.
И длится молчанье,
И сам я затих.

И тут замечаю,
Что выдумал их.
Что с этой избою
Я сказку творю
И сам я с собою
За них говорю.
То дальше, то ближе
Двигаю свет.
Я их вижу,
Они меня — нет.
Как тайна, как чудо,
Текут года:
Видно — откуда,
Не видно — куда.
И жесткой солью
Струится снег
От поля к полю,
Из века в век...
И вдруг на откосе
Из дальних веков
Словно кто бросил
Горсть угольков.
Здравствуй, деревня!
Прими, отогрей...
Веничек дремлет
Возле дверей.
Ноги вычистил,
Встал за порог...
И электричество
Пальцем зажег.
Как будто в август
Сразу попал.
Курю, наслаждаясь,
Болгарский «Опал».
И слышу, как звонко
У наших ворот
Вихрится поземка
И в полночь метет.

За окном всю ночь кипело,
 Стих наутро снегопад.
 Всюду стаи белых белок
 На еловых ветках спят.
 А вздохнут во сне деревья,
 Белки ухнут с высоты,
 Распушив широковейно
 Серебристые хвосты.
 И в падении истают,
 А осыплются вразлет
 Лишь морозные кристаллы
 Ослепительных высот.
 И меня окатит свежесть,
 Будто молодости вихрь.
 Улыбнусь я и утешусь
 В долгих горестях своих.
 На себя взгляну иначе,
 Подведу в душе черту:
 Все, что важно, обозначу,
 Что не важно — отмету.
 И в игре теней и света,
 Как бы ни были близки,
 Вспомню тех, кого уж нету,
 Здесь впервые без тоски.
 Вспомню в первый раз без боли
 И почувствую, что сам
 Переполнен весь любовью
 К людям, к миру, к небесам.
 Меж ушедших и живущих
 Я — единое звено.
 Счастлив я, что в мире сущем
 Мне еще любить дано...
 Снег горит на косогоре,
 И прозрачно стынет тишь.
 Издалека слышен говор
 И поскрипыванье лыж.

Жду. Смотрю. Проходят двое
И уводят за собой
Что-то чистое такое,
Будто полдень голубой.
Я шепчу им вслед: счастливо!
И скрываются они.
Плещут солнечные ливни
В потайные две лыжни.

1971

ЧЁРНЫЙ
МЕСЬ
1972-1975

Пятистенок, снегами зажатый,
Тишины накопил для меня.
Приходите, друзья, приезжайте
Ради светлости дня.
Самовар я поставлю веселый,
Бок бараний с печного огня,
Огурцы золотого засола
Ради светлости дня.
И в сиянии низкого солнца
Мы усядемся, будто родня,
И нальем, что у нас приведется,
Ради светлости дня.
Обнажим затаенные речи,
Суету от стола отстраня,
Чтоб дышалось и чище, и легче
Ради светлости дня.
И в какой-то хорошей печали,
Чтобы высвежить душу до дна,
Может быть, и споем, что певали,
Ради светлости дня.
Стали годы для нас все короче,
Торопливее день ото дня,
Но об этом подумаем молча
Ради светлости дня.

1972

В кои-то веки собрался за сеном.
 Дядька выносит по шубе: а ну!
 Бухнулись в дровни, и дровни осели,
 Сердце мое в белизну окунув.
 Ах, как забилося оно полнокровно!
 Рядом сиянье — коснись и взвихри.
 А вдалеке, будто россыпь моркови,
 Сладко краснеет полоска зари.
 Окрик ременный взлетает все жарче —
 Грива взвивается черным огнем...
 Чей и откуда и кто этот мальчик
 В лете певучем на месте моем?
 Перемешались дорога и память.
 Снег из-под быстрых и мощных копыт
 Прямо в лицо ударяет клубами,
 Будто бы время само холодит.
 Я и не вижу, как с доброй усмешкой
 Дядька косится. Но полоз умолк.
 — Что,— говорю,— ты, Василий, замешкал?
 — Как же,— смеется,— приехали. Стог.—
 Вскинул глаза: посредине полянки
 Медным стоит самоваром стожок.
 Видно, таким его ставили жарким,
 Что не держался и таял снежок.
 Ну-ка, испробуем прежние силы,
 Дядька, давай стариною трянем.
 Вглубь на полгода мы вилы вонзили,
 В самое лето, в хмельной оком.
 Пласт отвалили, а там будто погреб
 Солнца зеленого — душу погрей:
 Клевер лиловый, листок сереброрубый,
 Темный горошек, туманный пырей.
 Стужа шарахнулась, дрогнули дровни,
 Стало на сердце тепло и легко,
 Вспомнился труд деревенский, здоровый,
 Снова себя ощутил мужиком.
 Значит, в крови задушевное дело,

Руки умеют по-прежнему все:
Вскидывать вилы легко и умело,
В ровной походке пружинить косье.
В полный размах топором без осечки —
Брызгами щепки — в пометку врубать,
Звонкою властью старинной уздечки
Брать меринка, и ездай — благодать...
Сеном разметаны, тучки редеют.
Сыплется, сыплется шорох сухой.
Дядька стоит на возу Берендеем,
Густо осыпан зеленой трухой.
Там, наверху, надо быть осторожным:
Ловко клади да надежно цепляй.
Стукнули вилы мои об остожье —
Господи боже, да вот и земля.
В травке зеленой. А что там? Ромашка!
С лета забравшись в прутковую вязь,
С тычкою рядом свежо и бесстрашно
Солнечной меленкой приподнялась.
Чудо какое! Восторгом охвачен,
К ней наклонился, траву разровнял,
Снова я тот, здесь прописанный мальчик,
Тот, что летел на веселых дровнях.
Снова душа и поет и тоскует
В близости самой родимой земли...
Дядька тяжелую шубу мужскую
Мне подает: надевай и пошли.
Крякнули дровни и тронулись тяжело,
Вслед за дровнями отправились мы.
Я оглянулся: желтеет ромашка —
Добрый цветок посредине зимы.

Хороша в морозы тяга —
Печка в сумерках урчит.
Ощуцаю за два шага
Огневые кирпичи.
И, застуженный и грустный,
Я сажусь к стене спиной.
А напротив в черном устье
Золотисто-красный зной.
Пышет молнией белесой,
Млеет синью в глубине.
Пляшет отблеск жарким бесом
На полу и на стене.
И сижу я, как у детства
Своего на берегу.
Руки грею, но согреться
Долго что-то не могу.
В дни свои смотрю нахмурясь:
Кто такой там жил и был?
Кто на суетную дурость
Тратил столько свежих сил?
Кто молчал, когда бы надо
Было прямо говорить?
Оставлял в сердцах досаду,
Не умел благодарить?
А ведь мог бы жить широко,
Мудро жить, себя ценя.
Кто такой — смотрю с упреком —
Неужели это я?
Да, как многие... И что же?
Стало стыдно быть таким:
Приблизительно хорошим,
Неотчетливо плохим.
Надо тратиться умнее.
Все отдать, что нам дано.
В смысл березовых поленьев
Вникнуть, право, не смешно.
Вот наклал поленьев в печку,

И, обрадовав меня,
Вскинул искристо уздечку
Молодой конек огня.
И, смотрю, окно умылось,
Лед подтаял и потек.
И в окне сквозь ночь и стылость
Виден чей-то огонек.

1972

Зарастают к деревне дороги
 На иных перегонах лесных.
 Отзвенели напевные дроги,
 Ондреды отстучали на них.
 И где раньше хрипела гнедая
 И державно насвистывал кнут,
 Словно белые блюдца, рядами
 В колее лишь волнушки растут.
 Были дни — я от них не отрекся,—
 Когда здесь средь лесов и болот
 Под бедой и нуждою колеса
 Зарывались до синих пород.
 А проселки тянулись все дале,
 Все упрямей, все боле числом
 И в ту горькую пору вязали
 Фронт и тыл неразрывным узлом...
 Я не этим сегодня растроган,
 Что иным молодым невдомек,
 Как пришли мы к веселым дорогам
 От таких невеселых дорог.
 Упрекать за неведение странно.
 Я от малой грущу ерунды:
 Не одни колеи зарастают —
 Зарастают и наши следы.
 ...Я стою, а с корзинками рядом
 Ребяшня пробегает вперед
 И дивится: стоит что-то дядя
 И волнушек, чудак, не берет.

1972

ДВОРЯНСКИЙ САД

Н. М. Паугову

Вот он, старый сад дворянский.
В нем пылают деревья,
Словно огневой раскраски
Купола и терема.
Ветры в нем, влетая с поля,
Затевают перегуд.
Чей он был, в округе помнят
И не очень берегут.
Неужели так глубоко
Неприязнь была влита,
Что до нынешнего срока
В отчужденье красота?
Или стали равнодушны
В ежедневной суете
К этой, сквозь века идущей
Беззащитной красоте?..
Глохнут были, вянут сказки,
Меркнут песни от порух.
Не дворянский — бесхозяйский
Здесь давно витает дух.
Захожу под сень столетий —
Тленом веет от земли.
Златом кованные ветви
Небо криво оплели.
Под ногами листьев шорох,
Пни темнеют там и тут,
Как ладони, на которых
Липки тонкие растут.
Держит сам себя, как может,
Одинокий этот сад.
Ни скамеек, ни дорожек,
Ни беседок, ни оград.
Сад гудит и ветви грудит,
На раззор годам открыт
И над всей глухой округой
С горьким вызовом горит.

1972

Бежит река веселыми покосами,
 И по ее ольховым берегам
 Избушки, сетки, пóжоги разбросаны,
 Манящие к ухе и пирогам.
 В воде томленной, теплой и кувшинковой
 Ворочаются щуки и язи.
 Как острогами, тонкими вершинками
 В затоны ельник сам себя вонзил.
 Придя с работы, женщины купаются,
 Раздевшись за кустами догола,
 Издалека все будто бы красавицы,
 Сверкают в зыбких радугах тела.
 И воровски, с большого отдаления,
 К ним подплывают ныром мужики.
 И вся река притворным визгом вспенена,
 И ухают здоровые шлепки...
 А рядом, за малинником, скрывается,
 Одним полдненным жаром налита,
 Глубокая, но высохшая старица,
 Как будто глухота и немота.
 На дне ее стоит осока длинная,
 Которую никто не мог скосить.
 И берега стоят двумя былинами
 В сухом и тихом шорохе осин.
 Я прохожу порой ее изгибами,
 И чудится мне прозелень волны
 С большими и сверкающими рыбами,
 С живой водой и тайной глубины.
 И мужики мне видятся далекие.
 Вот только лица трудно разобрать,
 Быть может, земляки: похоже, окают.
 Но вдруг очнись — и тишина опять...
 По вечерам костры горят, как песенки,
 И что гармошки, тянутся дымки.
 Вновь многолюдно, хлопотно и весело
 На станах у темнеющей реки.
 Я, отвалившись от ухи наваристой,

Прикуриваю вновь от уголька
И слушаю, как шевелится в зарослях
И темным валом движется река.
А рядом, за кустом, в глубокой старице
Забрезжил белый и глухой туман.
Он кольцами витыми поднимается,
Сливается, плывет, что караван.
И вот уж вровень берега затоплены,
И в белом половодье там и тут
Недоуменно, изумленно толпами
Осины молчаливые бредут.
И пристальному взгляду открывается,
Как рядом две реки издалика
Текут, текут, и в белую вливается
Неторопливо темная река.

1972

Он отраженьем с берега возник.
Река текла, на облаке качая,
Как будто рыбий розовый плавник,
Куст иван-чая.
Нам приглянулось место. Мы легко
Втащили лодку на мысок песчаный,
И встретил нас веселым костерком
Куст иван-чая.
Палатка зеленела. Дым синел.
За лугом птица странная кричала.
И нам тянул пучок лиловых стрел
Куст иван-чая.
Я лесом, рыбой и травой пропах.
С тобою был как прежде, как вначале,
И трепетал жар-птицею в кустах
Куст иван-чая.
Мы уходили к вянувшим стогам,
И весело за нашими плечами
Узоры вышивал по облакам
Куст иван-чая.
Когда же день за ельниками тух,
Взлетал, туманы белые встречая,
Как будто красный молодой петух,
Куст иван-чая.

1972

Солнце, будто жаркий жернов,
Размололо облака,
И развеялась просторно
Золотистая мука.
На леса, низины, взгорья,
На кувшинки вдоль реки.
Вот и скошены под корень
Наши летние деньки.
Ты узлы надежно вяжешь,
Будто будущую жизнь,
И тревоги не покажешь,
Лишь глаза опустишь вниз.
Загорела, посвежела,
Похудела, подросла.
Белоцветье чистотела
Посрывала у весла.
Ну, пора... Вон, видишь, едут
С дальних стойбищ косари,
По желтеющему следу
Зелень сена рассорив.
Грузовик слегка заносит
В непроезжие места,
Но жужжат под ним колеса,
Как четыре паута.
И частушки-завитушки,
Скоморошины летят
На еловые верхушки
Стаей крепких соловьят.
«Девки, пойте, девки, пойте,
Я старуха да пою-у!..»
Окончанье стихло в пойме,
Там, у леса на краю.
В молодой поре и силе,
И в порыве озорном
Прокатили, окатили
Сердце радостным теплом.

И колеблется в затоне,
И светлит в камнях струю
Это дерзкое, родное
И бессмертное — «пою-у!».

1972

В колодцах наших испокон
 Была вода такая,
 Что в ней звенел морозный звон,
 Когда с ведра стекала.
 Ведро, прозрачное до дна,
 До крапинок железных,
 Мерцало чистым светом дня
 И таинствами бездны.
 Возьми ковшом и раздоби
 В него влитое солнце —
 И сила свежая глубин
 В тебя легко вольется...
 Теперь же стоит зачерпнуть —
 Да что это такое?
 В ведре то ржавчина, то муть
 И дух зауспокойный.
 Все деревенцы собрались,
 У срубов снег всклубили.
 Поочередно смотрят вниз,
 В затихшие глубины.
 «Ну вот что, — выступил мужик,
 Нашелся доброволец! —
 Чего там тык да перетык,
 Спускайте-ко в колодец».
 Зажглась в ладонях горячо
 Веревка с ношей трудной
 И запружинила лучом
 В ребристой глотке срубной.
 Уже и руки отекли,
 Веревка в них кололась.
 Но наконец из-под земли
 Донесся тихий голос.
 И каждый чутким слухом вник
 В просвет, в четыре ската.
 «А здесь тепло, — кричал мужик, —
 Вот только тесновато».
 Все оживились. И пошло:

Скрипел в натуге ворот,
Ведро тянулось тяжело
И выглянуло скоро.
Так что же?— кинулись смотреть.
А в нем с краями вровень
Была колодезная смерть —
Песок-плавун багровый.
И стали черпать тот плавун,
Плескать остервенело.
Уже бессчетно мертвых лун
У сруба багровело.
И тут сверкнуло, что слюда,
Внизу, в раструбе черном,
И крик взлетел:— Пошла вода!
Вода!— взвилось повторно.
Взметнули дружно мужика
Из шумного колодца.
Он зашатался, замигал,
Ослепнувший от солнца.
И тут сказал, приняв тепла,
Одну из мудрых истин:
«Чтобы земля не умерла,
И землю надо чистить».

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

(Поэма)

В нашу речь встает всех проще,
Чтоб родством сердца вязать,
В ряд со строгим словом «теща»
Удалое слово «зять».
А ведь есть других-то сколько!
Веют древностью глухой
И теплом «свекровь» и «свекор»
Вместе с тихой «снохой».
Соотносится с доверьем
И участием неспроста
Слово «шурин» к слову «деверь»,
Ибо равные места.
И, придуманные ловко,
Могут впрямь свести с ума
Слово дерзкое «золовка»
С обольстительным «кума».
И божественно и жарко
Отзывается в душе
Слово доброе «божатка»,
Ныне редкое уже.
Даже тот, кто вовсе дальний,
Уж чужой, был все же чтим.
Привечали, называли:
«Нам он будет по своим».
Слово каждое светилось
И в достатке, и в нужде:
Колесо родства катилось
По глубокой борозде...
Это хаять не годится
Для чужого торжества.
Я и сам, конечно, спица
В колесе того родства.
Поумнев, я точно вызнал,
Отчего я так окреп.
То родство служило в жизни
Для меня, что черный хлеб...
Черный хлеб с печного пода,

Он — не просто лишь ломоть,
А радушие народа
И земли родимой плоть.
Хлебный корень густо вьется
В пашне, влагой налитой.
А над ней восходит солнце —
Это колос золотой.
Зерна книзу колос клонят,
И летят, летят они
На крестьянские ладони —
Это наши с вами дни.
Ничего отрадней нету,
Чем, сойдясь в родном краю,
Благодарно в руки эти
Положить ладонь свою.
Потому я и волнуюсь,
Очутившись в тишине
Деревянных старых улиц,
Так давно знакомых мне.
Снова звезды в небе стьлом
Голубеют, как во льду.
Тропки снегом завалило,
Тропку свежую веду.
Предо мною чутко дремлет
Под пушистой белизной
Пенсионная деревня
Стороны моей лесной.
Светят лампочки в окошках
Сквозь куржавину и лед,
Словно спелая морошка,
Принесенная с болот.
И легко иду я к дому —
На тепло и на ночлег,
Где живет один знакомый
Старый русский человек.
Здесь, поди, во всей округе
Старше нету никого.
Одногодки друг за другом
Все покинули его.
Корнем крепок он, однако,
Жизнь его — что перевал.
Словно конь на пашне, всяко —
Так и эдак — он живал...
Рад увидеть гостя в доме,

Мне светло навстречу встал.
Жарко сходятся ладони
В знак приветия и родства.
Взгляд сердечный, неизменный,
Только брови — что в снегу.
С грустью вижу перемены,
Но утешить не могу.
Хорошо его послушать,
В теплом доме погостить,
Освежить раздумьем душу,
Посмеяться, погрузить.
Старый ум покуда ясен,
Память долгая жива.
Не совет, не приукрасит —
Только высветит слова.

О ЖЕНИТЬБЕ

Ну, как сказать тебе поглаже...
У нас текет занятно жизнь.
Кто овдовеет — живо скажут:
Пока не помер — так женись.
При прежней бытности-то, парень,—
Да ты и сам из этих мест,
Так слышал — сами выбирали
Мы, мужики, себе невест.
А ноне... ладно б молодухи,
Так и старухи — ой, лихи!
Все мужики у них на мушке,
Все на прицеле женихи.
Вот про себя скажу, к примеру:
Вдовец. Решил один дожить.
Жениться — что в другую веру
Мне, христианину, вступить.
Так нет, земляк, не наша сила:
Не звал, а сваха — на порог.
И столь всего наговорила,
Что ни словечка поперек.
Вторично — что коня в упряжку,
А сам-то — тьфу! — запнусь в траве.
Бывает, день ищу фуражку,
А хватъ — она на голове.
Да бабам что — не станешь вровень,

Одно твердят — теплей вдвоем.
А что касательно здоровья,
Так за здоровье, мол, попьем.
И оженили... В новой жизни
Проснулся будто сам не свой.
Смотрю: ну прямо голубь сизой,
Стоит хозяйка надо мной.
«Давай,— бодрит,— вставай, хозяин,
И будем к делу приступать».
Смекаю: эти штучки знаем,
Не так уж, право, простоват.
Но подниматься, вижу, надо:
Женился — нечего дремать.
Такая, веришь ли, досада,
Что, извиняюсь, вспомнил мать.
Но к самовару сел с улыбкой:
Держись, коль вышел поворот!
В избе уже свободной рыбкой
Моя заботница снует.
«Вот,— говорит,— под этой крышей
Не целовали мы икон.
А ветром жизнь свою не пишут —
Пойдем и встанем под закон».
Что возразишь? Я жизнь изведаль...
Надел пиджак хороших лет,
И на крыльцо за нею следом,
И покурлыкал в сельсовет.
Дымлю за нею папиросой.
«Батог-то брось»,— мне говорит.
Ну, повертел батог и бросил,
А без него — что инвалид.
Да делать нечего, и вправду
Неловко: все-таки жених.
До сельсовета так и правим —
Она молчит, и я притих.
А в сельсовете быстро пишут,
Не то что прежде,— благодать.
И никаких вопросов лишних,
И долго нечего стоять.
Ее спросили: «Вы согласны?»
Она, меня поотстраня,
«Согласны,— говорит,— согласны»,—
И за себя, и за меня.

Ну, тем и кончилось. В минуту
Связали век ее и мой.
Идем обратно мы, как будто
Сходили вместе за водой.
Она, смотрю, сияет жаром,
Бок о бок — новая родня.
И утешает: «Ты не старый.
Нет, ты не старый у меня.
Теперь забегаешь, как милой,
Уж позабочусь я, жена...»
Ох, бабы, брат, большая сила,
Им власть огромная дана.

О ВИНЕ

Вот у тебя уже ухмылка...
Но я скажу, а ты вникай:
Теперь чуть что — на стол бутылка,
А раньше было — каравай.
Признай же это, сделай милость,
И согласишься без обид,
Что раньше сердце веселилось,
А ныне сердце-то болит.
Читал однажды я газету —
Газеты, брат, у нас в чести,—
Так вот, туда статейку эту
Один писатель поместил.
Он, слава богу, не нахвастал,
Не лез куда-то в высоту,
А всех людей позвал о пьянстве
Поговорить начистоту.
И написал он справедливо,
А я б добавил, что вино
Столь многих в жизни заблудило,
Что уж командует оно.
Вчера скриплю снежком под вечер,
А тихо было — дым прямой.
Гляжу, мне рубщики навстречу
Из лесу правятся домой.
То встанут этак боковато,
То вдруг начнут в снегу петлять.

Я — им: «Что, ветрено, ребята?» —
«Ой, дедко, ветрено опять».
Скажи: в лесу какая лавка?
А где-то смырят, ну, найдут.
Ведь молодые. Ох, как жалко.
Ну а винить кого же тут?..
Толкуют: стали жить богаче,
А потому и веселей.
Веселье — что же это значит?
Бутылка, что ли, на столе?
Нет, брат, худая это песня —
Жизнь интересна не вином,
А трезвым делом интересна.
Когда же пьем — мы не живем.
Нас нету в жизни — хоть и живы:
В тени стакана мы стоим.
И потому-то все фальшиво,
Что перед ним и что за ним.
Страшна, приятель, тень стакана —
В тени не виден человек.
Стоит он вроде истукана,
И белый свет в глазах померк.
Веселье, нет, не угощенье,
Мы так напрасно говорим.
Веселье — сердцу утешенье
Здоровым промыслом своим.

О ПЕНСИИ

Добро живем — вот только солнце
Не греет, стонем от простуд.
А так, дыши — само живется,
И деньги на дом принесут.
Лишь распишись у почтальонши,
И в кучу денежки сгребай,
Да кренделей бери побольше,
Да запасай индийский чай.
Да покупай батон с изюмом,
Конфеты с мякотью внутри...
Грех обижаться — сам подумай,
Вон на старуху посмотри.

Я замуж брал такую разве?
Пошла на пенсию и вот
В одежду прежнюю не влазит,
Обновы, что ни праздник, шьет.
Добро живем. Оборотились,
Хоть и с большим для нас трудом,
Труды былые в справедливость,
И посветлел крестьянский дом.
И есть за что! Поклали силу,
Погоревали от разлук.
Но мы тяжелый серп России
Не выпускали век из рук!
Таких железных и работных,
Как мы, и нету — хоть куда...
Чудные: что такое отдых,
Не понимали никогда.
Так вот, когда настало время
И наших пенсий — боже мой!—
Тогда лишь русская деревня
Определила возраст свой.
И то с трудом: то метрик нету,
А то о выслуге бумаг.
В архиве ищут, в сельсовете,
Туда-сюда — и нет никак.
Вон посмотри в окно на домик.
Машутка в нем, вдова, живет.
Она своих годов не помнит,
Ну, не ведет обычный счет.
Так вот, у этой у Машутки
Нигде не писаны дела.
И что? Сама же сводит к шутке:
«А я, робята, не жила».
Но тьма людей-то наторелых —
Они в годах прикинут счет
И говорят ей: «Остарела».—
«Нет, я могучая еще».—
«Но как же с пенсией?»—
«А стану
Просить совхоз, коль пошатнусь».—
«Так срок твой вышел по уставу».—
«А я за сроком не гонюсь...»
Всю жизнь бедовая такая,
В любом-то деле — что горит.

«Ведь я работаю руками,
А не годами», — говорит...
Вот это, брат, натура наша!
А кто-то жмет свои года:
Скорей постарше бы, постарше —
Когда же пенсия, когда?!
Иной, бывает, и не старый,
Уйдет от службы — и затих:
Он пишет — как их? — мемуары
О важных подвигах своих.
И что он там не нагородит!
Стишками часто... Был такой,
Ни сват ни брат, знакомый вроде.
Послушал я — махнул рукой.
Не надо всем писать под старость,
Когда сгорела жизнь дотла:
Добро вершил — добро осталось,
А нет — развеется зола.

О ВЕЧЕРАХ

Спасибо, что приехал в гости,
Люблю, кто больно тороват.
Нам время — что! Нам ныне просто
В тепле таком вечеровать...
Вот печку снова накалили,
Углей нажгли... (И красный жар,
Что гроздь пламенной калины,
В совке он тащит в самовар.
И в кухне сразу забасило —
Вода взвилась на белый ход.
И самовар уже насилу
Старик, как увальня, несет.)
Сейчас утихнешь ты, капризный,
Уж погоди — попьем, а там
Тебя долой — и телевизор
Чего-нибудь покажет нам...
(Старик заварку ладит важно.)
А телевизоры у нас
Зовут «бездельниками». В каждом
Дому «бездельники» сейчас.

Но это в шутку, хоть и правда.
Я помню, как по вечерам
Сходились женщины, и пряли,
И сами пели песни нам.
Ах, были песни! Ты не слышал...
Как заведут да поведут —
Так что там стены, что там крыша,—
А степь, и лес, и поле тут.
И ничего душе не жалко,
И никаких не надо слов —
Глядишь, за песней да за прялкой
Навек и выпрядут любовь...
Иной устав и облик ныне,
И прялки брошены давно,
И нитки тянутся льняные
На ткацкое веретено.
И телевизоры мигают,
Как будто длинные глаза.
Глаза такие обегают
И землю всю, и небеса.
Ох и дивились мы вначале!
Все отвалились от работ
И до полуночи торчали,
Поди, неделю напролет.
Прибродит к нам и тетка Ольга,
Уж до отого она стара,
Что куриц выпустит на волю
И заплутает средь двора.
А тут пришла, сообразила.
Видать, и ей покоя нет.
На эту пору телевизор
Решил показывать балет.
«Мужик-то голый! Да и вертит,
Смотрите, голых... Нет стыда!
Ой, право, в ящике-то черти,
Теперь деваться-то куда?»
И закрестилась, замахалась
Да и попятилась в подклеть.
Ну, смех, конечно. А на старость
Без смеха надо бы глядеть.
Балеты нынче, слышал, в моде.
Ну, что кому. А нам сейчас —
Про нашу жизнь, про наши годы,
Но без кривуль и без прикрас.

Да постановок бы хороших,
Чтоб защемило, парень, тут.
Чтоб вспомнил все, что в жизни прожил,
Узнал, как за морем живут.
Да песен больше бы прекрасных,
Чтоб голос сердце возносил!
А то поют, так все с притрясом,
Бывает, слушать нету сил...
Ну, посумерничали славно,
Отодвигай в сторонку чай.
Идут соседки, слышь, гулявы,—
Давай «бездельника» включай...

О ВОЙНЕ

Железом дважды я обласкан,
А это стоит что-нибудь,
В плечо попало на гражданской,
А на Отечественной — в грудь.
Когда умрем, в могилах долго
Без тленья будем мы лежать.
Лишь по невынутым осколкам
Пойдет — само собою — ржавь.
Нас крепко жизни обучала
Война — добром не помянуть!
Война — так в грудь свинец сначала,
Потом лишь — золото на грудь.
Да что о том, лишь сердце маять.
А расскажу я о другом,
Как мы со всей округи в мае
Сошлись, солдаты, за столом.
День выпал чистый, но холодный,
И потому сошлись в избе,
Хоть не родня совсем, а вроде
Все — братья кровные тебе.
Смеемся, шутим друг над дружкой:
Ведь живы, хоть и мало нас.
И, как бывало раньше,— кружки,
Стаканы сдвинули зараз.
И потянуло к разговору
Про фронтовую нашу жизнь.
И знаешь, выяснилось вскоре,

Что все фронта в избе сошлись.
Я был на том, сосед — на этом,
А третий бился на другом,
Четвертый — дальше за соседом,
А пятый — на море самом.
Как широка Россия наша
И в горе, знаешь, как любя!
Лишь за нее нам было страшно,
Совсем не страшно за себя.
Вот потому-то нас и мало...
Налили снова до полно:
За тех, кого недоставало,
Мы опрокинули до дна,
Как будто встали с ними вровень,
И горько было — мочи нет.
Но тут хозяйскою гармонью
Рванул во все меха сосед.
И отошло, и полегчало,
И снова в окнах рассвело.
И все задвигали плечами,
Как бы почуяли тепло.
И в круг широкий поманило.
Эх, знаешь ли, как надо жить:
На радость горя половину
Сумей всегда переложить!
И зашатались половицы,
И заскрипели сапоги,
Как будто годиков по тридцать
Смахнули с плеч фронтовики.
Как будто годиков по тридцать
И все еще у главных дел.
Вдруг слышим: «Колька,
Колька, где ты?»
Взглянули: Буков захмелел.
Он до того сидел без звука.
Большой, что угол в том дому,
И видно, брата вспомнил Буков,
И стало брата жаль ему.
Он стол с посудой отодвинул,
В толпе рукой расчистил путь
И разогнул сухую спину —
Все мужики ему по грудь.
Он инвалид, нога не гнется
В колене, ходит — что метет.

А тут, глядим, на пляску рвется
И ногу вытянул вперед.
Все расступились.
Слышим только,
Как он, рубаху теребя,
Кричит одно: «Эх, Колька, Колька!
А я хоть топну за тебя...»
И начал топать да кружиться,
Да на одной-то все ноге.
Стонало горе в половицах,
Стонало горе в потолке.
А та, которая не гнется,
Нога торчала, словно жердь.
Смахнул бы все,
Что подвернется,
И было больно нам смотреть.
Ну а гармонья так играла,
Так пела, чуть ли не рвалась.
И хоть народ сидел бывалый,
Но слезы вышибло из глаз.
Добро, что бабы не видали...
Вот что такое, брат, война.
А ты мне — что-то про медали,
А ты мне тут — про ордена.

О ЗЕМЛЕ

Для вас, которые моложе,
Земля — лишь песни да слова.
А для меня — одно и то же,
Что сердце, руки, голова.
Вот так занятно получилось —
За нами вы, ребята, шли
И на своей земле родились,
Но без своей уже земли.
А я к земле приставлен сроду,
К земле, ну, к пахоте самой,
И всю познал ее невзгону:
Что было с ней, то и со мной.
Я — двух веков крестьянский житель.
И в старом веке я имел
Угодье трав, участок жита,

Ну то есть собственный надел.
И землю эту отдал людям,
В колхоз вступил я с первых дней,
Но было трудно, ох как трудно
Ее признать опять своей,
Она как будто бы остыла,
Когда пошла под общий плуг.
И стала — что скрывать — постылой,
Ничьей как будто стала вдруг.
Хотя умом-то ведал: наша,
Да вот поди... Лишь не спеша
Я понял, что земля — не пашня,
А что земля — моя душа.
Душа, в нее попробуй вникни,
Коль там межа по-за меже.
Какие есть на свете книги,
Все, до единой, о душе.
Писали люди их веками
И ныне пишут хоть куда,
И все вникают, все вникают —
Не знаю, вникнут ли когда.
А я хоть темен был, но понял,
Что хоть грехи, хоть не грехи,
А начинай устройство поля
С устройства собственной души...
А ведь земля, взгляни-ко, — диво!
К ней прислонись навек душой,
Так и в несчастье ты счастливый,
Так и в беде — ты сам большой.
Вдохни-ко — так и кормит духом!
Вчера иду — парит везде,
И слышу — пробует Колюха
Свой трактор в свежей борозде.
Колюху я по звуку знаю.
Пусти хоть десять тракторов,
Так я с закрытыми глазами
Скажу, который тут Быстров.
Он звук ведет, как будто пляшет.
Да и плясать, стервец, мастак!
Он генерал лесов и пашен,
И без него теперь — никак.
Он сеет хлеб, картошку сажит,
Прет без пути и без дорог...
И на центральную усадьбу

Уж полдеревни уволок.
И мне говаривал зимою:
«Чего живешь к земле впритык?
Давай-ко я тебе устрою
Переселение, старик».
А я: «Зачем?» Он скалит зубы:
«Да как зачем — чтоб не отстать
И с молодой женою в клубе
Кино глядеть и танцевать».—
«Но мне и здесь,— твержу,— не скучно.
А у тебя такой напор,
Что свез бы всю Россию в кучу,
А ей ведь надобен простор».—
«Простору хватит,— он смеется,—
И силы нам не занимать.
Я сам вытягиваю солнце,
Чтоб вам утрами не проспять».
(И он, хвастун, ответил верно:
В его руках сто лошадей,
И раньше всех встает в деревне,
Да и ложится всех поздней.)
«А ехать ежели не хочешь,—
Он говорит,— живи себе,
И стереги тут пни да кочки,
Да мух дави в своей избе.
А мы наведываться станем...»
Вот вышла в жизни колея.
Последний, может быть, крестьянин
В своей деревне — это я.
Колюха, парень он полезный,
Но вроде как мастеровой:
Не столько в землю, сколь в железо
Пока вникает головой.
А вот ему бы на подмогу,
Чтобы азарт к земле не стих,
Парней толковых бы немного
Да девок, девок молодых,
Чтоб нарожали тут народу
И жили, сердце веселя.
И вот тогда-то новым ходом
Пошла бы матушка-земля.
И мы, взглянув на ваш зажиток,
Смогли спокойно бы сказать,

Что наработались досыта.
И, значит, время умирать.

О СМЕРТИ

А век живу — не надоело,
Хоть было горя и обид...
Смотри — рубаха близко к телу,
А смерть и ближе, может быть.
Страшит ли смерть — тот миг последний,
Который вырвет свет из глаз?
Нет! А страшит всегда предсмертье,
Что на земле не будет нас.
И лишь покаяться возможно —
Поправить ничего нельзя
В своих словах, слетавших ложно,
В своих годах, прожитых зря.
Я мыслю так — меня не путай,—
Что человек без всякой лжи
Лишь в те, предсмертные минуты,
И узнает, как надо жить.
Но рассказать уже не может,
Других не может научить.
И тайну с ним на смертном ложе
Погасят черные лучи.
Одно дается нам — как следно
Уйти и свет не заслонить...
Ну вот послушай напоследок
Про Катерину — так и быть.
Она как будто бы с березы
Скатилась в мир и век жила.
И полила ночами слезы —
Вот и лицом была бела.
И то сказать: ее хозяин
Погиб в бою за город Брест.
И Катерину замуж звали —
Всем отказала наотрез.
Свою беду одна бедуя,
Осталась верная себе:
Откуда ветер ни подует,
А все равно — в ее избе.
Но никаких от бабы жалоб

И никакого людям зла.
Иным и нынче не мешало б
Попомнить, как она жила.
И вот когда пошел мутиться
Пред Катериной белый свет,
Примчалась на дом фельдшерица,
А Катерины дома нет.
Ну, где она? Куда пропала?
Искать! (А бабы рвали лен!)
Так отыскиали за снопами:
В руках со льном сидит в наклон.
В себе была. Лишь под глазами
Холодное наволоклось.
«Вот и пора,— она сказала,—
Теперь уж я — ни в сноп, ни в горсть...»
Ну тихо под руки подняли
И повели. И шла она
В последний раз по травам вялым
С волоткой сорванного льна.
На остановках через силу
Касалась трав и борозды
И баб испуганных просила
Сорвать какие-то цветы.
Но бабы в этих травах жухлых
Цветов увидеть не могли
И поднимали вновь старуху,
Как отрывали от земли.
Она с беспомощным укором
Сквозь них глядела — дрожь брала.
Потом с улыбкою покорной
Неторопливо вновь брела.
Когда дошла до той березы,
Что у ее стоит окна,
Остановилась и бесслезно
Кору погладила она.
И вдруг упала... В дом старуху
Уж заносили на руках.
Шептала, зная, молитву глухо,
Понять пытались, но никак.
А фельдшерица — ясно дело
(Как и в дороге) — вокруг нее.
Вдруг Катерина поглядела —
Из забытья и в забытье —

Так ясно, чисто поглядела,
Да так спокойно, что в избе
Затихли все оторопело,
И стало всем не по себе.
А Катерина фельдшерицу
Чуть отстранила, а потом
Сказала: «Дали бы напиться
С реки...» И сразу ожил дом!
Ведро схватили — и на речку:
Лишь ветром вымело следы,
Лишь дважды звякнуло крылечко —
И вот несут стакан воды.
А речка, знаешь сам, какая:
На дне ее кипят ключи.
Роса дымится на стакане,
А в нем расходятся лучи.
Но руки старые ослабли —
Стакан дрожал, и ей на грудь
Текли, текли большие капли,
Но не давала их стряхнуть.
Пускай текут — полегче телу.
Вздыхнув, откинулась назад
И на простенок посмотрела,
А там на снимке — муж-солдат.
Я знал его. На снимке вышел
Он, будто парень, молодым.
И Катерина еле слышно
Шептала что-то перед ним.
И заревели наши бабы.
Она рукой подозвала:
«Вон там, в шкафу!» — сказала зябло;
В глазах уже скопилась мгла.
Открыли шкаф. А там, как следно, —
Одежды горестный запас.
Сама себе наряд последний
Заране сшила — знала час.
И бабы встали тихо, с краю...
Она, березово-бела,
Вздыхнула тихо: «Умираю...» —
И умерла.

Благословенен час меж тьмой и светом!
Проснешься — а в избе еще темно.
Как древняя икона, чуть заметно
Вытаивает синее окно.
За кухонной заборкою сквозь щели
Желтеют блики наподобье свеч.
И слышишь, как спокойно и священно
Хозяйка вновь растапливает печь.
О жизни круг! Воистину чудесно
Гудит в печи березовый огонь,
Вода вскипает, и ложится тесто,
Что в колыбель, с ладони на ладонь.
И ты не спишь, хотя глаза сомкнуты,
Лежишь, как будто в облаке, в тепле
И понимаешь в эти вот минуты,
Как хорошо родиться на земле.
И жить на ней. И верным быть родному
Обычаю, порядку и огню!
Лежишь и улыбаешься сквозь дрему
Хозяйке, утру, будущему дню.
И чувствуешь — опаживает с кухни,
С печной лопаты, с пода самого
Ржаным, горячим, в ноздри бьющим духом:
Явился хлеб — как жизни торжество!
Пора вставать! Уже — гляди-ко — в окнах
Скопилась тихо голубая высь.
И облака, что длинные волокна,
На розовых лучинах подожглись.
Скорей умыться! И горстями шумно
Ты плещешь на себя такой водой,
Что если молод — сразу станешь юный,
А если стар — то сразу молодой.
Потом берешь льняное полотенце,
Беленное на мартовских снегах.
Раз утереться — на день разогреться,
Как будто свежесть подержать в руках.
А на столе в сиянье чистых окон
Лежат, что золотистые круги,
И каравай, с достоинством, высокий,
И перед ним — с начинкой пироги.
Вот чем от горя мы всегда хранимы.
Я, может быть, в глазах того нелеп,

Кто говорит, не хлебом, мол, единым...
Но что без хлеба? Здравствуй, черный хлеб!
Сажусь за стол с хозяевами рядом.
Старик неспешно режет каравай
И на меня глядит хорошим взглядом —
Ешь на здоровье, гостью вспомянай.
От них опять я уезжаю в город:
Там ждут дела, товарищи, семья.
Старик грустит: «Приедешь к нам вдругорядь
И не застанешь, может быть, меня». —
«Ну что ты! — говорю ему. — Ну, полно...»
А он перебивает: «Хошь не хошь,
А срок я чую. Ты меня попомни,
Приди ко мне — услышу, как приедешь».
От этих слов под сердцем зазнобило.
Я говорю, но чувствую опять —
Слова пусты. Они теряют силу,
Когда неправду силишься сказать.
Ну а старик — вот умница — с улыбкой
Перебивает: «Больно не тужи!
Когда приедешь, не печалься шибко,
Иди к Быстрову, славный он мужик.
И встретит, и, куда ты хошь, прокатит.
Ему бы на кабину бубенец!
Что жеребца, пришпоривает трактор,
Смотри, чтоб не пришиб кого, стервец...»
И вновь от сердца отлегло, и надо
Сбираться в путь. Дневник закончен мой —
Открыл его с последним снегопадом,
А закрываю с первою травой.
Перед уходом посидев на лавке,
Застегиваю лямки рюкзака.
«Спасибо», — низко кланяюсь хозяйке.
«Спасибо», — обнимаю старика.
Растроганы прощальною минутой,
Они стоят беспомощно в избе
И руку жмут: «Ну, ветерок попутный,
Ну, путь-дорога скатертью тебе...»
Я выбираюсь на проселок древний,
А он пластом чернеет и ползет.
Куда ни гляну — врублены деревни
Сплеча, с размаху в русский горизонт.
Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.

Деревни — родовые наши гнезда —
Омыты грозовою синевою.
Но сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
И, сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное кликом журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей.
Летит, летит и набирает силу
Других, душе созвучных голосов:
Спасибо, деревянная Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

1972

Дивлюсь народной речи!..
 В родимой стороне
 Друзей, бывает, встречу —
 И будет праздник мне.
 Усядусь с ними просто —
 Как свой среди своих,
 Где сроду не был гостем,
 Ел тот же хлеб и жмых.
 И разговор вседневный,
 Нередко и смешной.
 Опять плетет деревня
 Легко передо мной.
 И вдруг такое слово
 Обронит невзначай,
 Что в лучший стих готово —
 Лишь зорко примечай.
 Привскочишь: да откуда,
 Да из каких глубин
 Достали это чудо
 За вздох, за миг один?
 Ведь в этом слове редком
 И жарком — только тронь —
 Мерцает дальних предков
 Языческий огонь.
 Удивишься немало:
 Что слово, как запал,
 В тебе самом дремало,
 А ты его не знал...
 А речи все плетутся,
 Как наши кружева:
 И так и сяк берутся
 И ставятся слова.
 Обычные бы вроде,
 Да в необычный ряд.
 И вдруг, что самородки,
 Стыкуясь, загорят...
 Родной язык — держава.

И даже мудрый Даль
Не всю в словах обшарил
И глубину, и даль.
И мне бывает больно,
Когда берут в тиски
Слова программой школьной
Богатству вопреки.
И горько мне бывает,
Когда в домах у нас
Старушек поправляют
Внучата всякий раз.
Мол, их слова плохие.
И с детства говорят
Хоть грамотно, да хило.
А рядом этот клад!
А он, не видный глазу,
Лежит в толкучке дней.
Дороже всех алмазов
И золота ценней.
Что золото и камни!
В нем то, чем жизнь жива,—
Граненные веками,
Алмазные слова!

1973

Не для того, чтоб после хвастать
(«И мы пахали!»), я беру
По-щучьи выкованный заступ
И легкий только поутру.
И не потешить ближних блажью
(«И мы умеем!») я встаю
На край гряды зелено-влажной
И легкой только на краю.
Лежат серьезно эти гряды
За домом старым и большим.
Им легкой прихоти не надо,
Лишь уваженье нужно им.
Они продольны и просторны,
Под облик дома самого,
Лежат брусками, как подпоры,
Как продолжение его.
Я знаю — в гряды днем весенним,
Шагая из конца в конец,
Свои закапывали тени
Сперва мой дед, потом отец.
А после с верностью упорной
Не раз, не два по-вдовьи мать
Свое закапывала горе.
Да не сумела закопать...
Теперь и я свой заступ ставлю.
И заступ жадно входит вглубь.
И дни минувшие пластами
Встают у пересохших губ.
Земля воспоминаньем дышит,
И что ни шаг, живее вид.
Забвенья корень темно-рыжий —
Осот на заступе лежит.
И прочь летит, мертво распластан!
А я — и вширь и вглубь опять.
Тяжел, тяжел бывает заступ,
Коль станешь прошлое копать.
Ведь и земля — не только почва,

А время, зримое давно:
И каменеющее прочно,
И в рост гонящее зерно...
По телу — сладкая усталость,
Как будто медленно горю.
Стираю пот и, разгибаясь,
Я в небо свежее смотрю.
И неизвестно мне откуда,
Но знаю, что издалека,
Как будто белые верблюды,
Бредут по небу облака.
И хорошо, что поле рядом,
И черных туч на небе нет,
И что на вскопанные гряды
Летит черемуховый цвет.

1973

Где ивняк и свеж, и звонок
 Вдоль озерной синевы,
 Там родился жеребенок
 В рыжем расплеске травы.
 Необсохший, встал и замер.
 Встал, дрожа, всего на миг
 И огромными глазами
 Удивился: как возник?
 Головой повел, но тяжесть
 Озаренной головы
 Покачнула, и, пугаясь,
 Он упал в озноб травы.
 Мать — натруженная лошадь —
 К жеребенку подошла.
 Гривку ласковой ероша,
 Стала облаком тепла.
 Он затих. Лежал послушно
 И вдыхал дурман земли.
 В дреме остренькие ушки
 Трепетали и росли.
 А потом, как и вначале,
 Вздогнул с гривки до хвоста,
 И с передних ног, качаясь,
 Он на все четыре встал.
 Тонконогий, светло-рыжий,
 С белым пятнышком во лбу,
 Он стоял в траве недвижно:
 Не пытал еще судьбу.
 Лишь смотрел, смотрел на землю
 С изумленной немотой,
 И вскипали синь и зелень
 В теле радостью тугой.
 Слушал птиц и трактор в поле,
 Потрясенно замирал,
 И поскольку он не помнил —
 Ничего совсем не знал.

Ни узды, кнута, ненастья,
Никаких иных времен...
Время всех других прекрасней
То, в котором ты рожден!

1973

Вечер только затуманит
 Очертания реки.
 Словно маки, за домами
 Закраснеют костерки.
 И дымком от них потянет
 Грустно-горьким в полутьму,
 И меня туда потянет.
 Сам не знаю почему.
 Костерки горят знакомо:
 Пышет солнечно сперва
 Прошлогодня солома,
 А за ней — красно — ботва.
 Опершись легко о грабли,
 Мужики стоят вразброд.
 И не то чтобы озябли,
 А остыли от работ.
 И не то чтоб это странно,
 А неясно до конца:
 Почему перед кострами
 Грустью тронуты сердца.
 Почему, на пламя глядя
 И уйдя от всех забот,
 Пожилой счастливый дядя
 Вдруг загадочно вздохнет...
 Полю пахотному легче:
 Вот с него старье сгребли,
 И огонь, что вихрь, заверчен,
 Все сжигает до земли.
 И, кругами оседая
 В тихой зыбкости теней,
 Льнет к земле зола седая,
 Чтоб земля была свежей...
 Только мне былую хворость
 И ошибок, и обид
 Не собрать, как в поле хворост,
 Можно лишь расшевелить.

Только мне бывые боли
Не стряхнуть с души и с плеч
И в весеннем теплом поле,
Как солому, не поджечь.

1973

Вот и пахота посеяна.
 Трактор смолк и будто спит.
 Только сталь, от пыли серая,
 С жару ноет и звенит.
 Вот и гряды перекопаны.
 Мой сосед, закончив труд,
 Ради смеха, перед окнами
 И лопату бросил в пруд.
 Вот и вырвались доверчиво
 Зерен первые ростки,
 Как зеленые кузнечики,
 Тонконоги и легки,
 Благодатным жаром полнятся
 Бани около домов.
 Веет в них, как в белых горницах,
 Чистым запахом полов.
 И в затишье слышно с улицы,
 Как в парилке огневой
 Мужики визжат, балуются,
 Обливают жен водой...
 Среди простых житейских радостей
 Хорошо, что эта есть:
 Из жары, не утираясь,
 На порожек бани сесть.
 Нагишом: стесняться нечего,
 Да и зелень высока,
 И приятно свежим вечером
 Остывать и обсыхать.
 И смотреть, как в небе ведренном,
 Словно тень твоей души,
 Подгорает след серебряный
 Выше облачных вершин.
 И добро в горячих мускулах
 Чуют зелень, свет, закат
 И понять, о том не мудрствуя,
 Что здоров, так всем богат!..
 А потом, как ныне водится,

Да и исстари велось,
Мужики окружно сходятся
В кружевную тень берез.
Кругляки, что стулья, вкручены
В луговину вокруг берез,
И по кругу в этом случае
Круглый движется поднос.
Эх, проблемы кругосветные!
Эх, всемирный кругозор!
Все, что думалось до этого,
Все — на круг, все — на разбор!
Непристойно здесь тарашиться:
Свой кружок и свойский круг.
Если ты мужик трудящийся,
Подходи — и будешь друг.

1973

И вот наконец окупались
Тревоги покоем души.
Шары золотые купальниц
Плывут
В деревенской тиши.

И я не могу надивиться,
Что даже в такой солнцепек
От свежих купальниц струится
Атласный сырой холодок.

И пахнет в безоблачный полдень
Дождем грозовым и еще...
Ну чем же, ну чем?
Ах, припомнил —
Прохладою девичьих щек!

А сердце мгновению радо:
Лишь запах,
Лишь звук или вид —
И сразу подскажет что надо,
Что было —
Опять оживит...

В зеленые годы иду я
И вижу чуть-чуть в стороне
Тебя,
До того молодую,
Что даже не верится мне.
Ты трогаешь косы смущенно,
И я от смущенья затих.
Пылают от близости щеки,
И свежестью веет от них.

И сердцу не надо иного,
Чем это касанье щеки,
Чем запах дождя грозового,
И луга,
И близкой реки...

1973

Я с сыном брожу по чишеньям,
Где старых покосов уют,
Где елки — седые кощени —
Златые грибы стерегут.
Сын лезет в зеленую заваль,
В восторге кричит, а потом,
Румяный, ко мне выползает
С огромным пузатым грибом.
Ах, сын! Это вовсе не значит,
Что если велик, то хорош.
Пускай же проверит удачу
До блеска наточенный нож.
И вот разрезается корень.
Червивый — а вид-то каков!
Ну, брось же! Бывает такое
Не только средь белых грибов.
Заглядывай чаще под ветви,
От тропок подальше вползай.
Выискивай, кто незаметен,
Кто вовсе не лезет в глаза...
Легко нам в тиши заповедной.
Мы сближены связью такой,
Как сближено синее небо
С осеннею желтой землей.
Мне руки не ломит корзина.
Не рвусь наперед — ни к чему.
Довольный, смотрю я на сына:
Пусть лучшие клады — ему!

1973

Еще на небе было чисто
И зеленел еще лужок,
Но уж чутьем корней и листьев
Березы поняли свой срок.
Оцепенели поначалу,
Дивя прохожих красотой,
Потом со сдержанной печалью
Опали вьюгой золотой.
И тут погасли, как лучины,
Потом их снегом замело.
Вблизи, а вот неразличимы:
Кругом бело, кругом бело...

1973

Заболел я. Мать в тоске томится
 И крошит в заварку зверобой,
 Я лежу, а огненные птицы
 Кружатся подолгу надо мной.
 Что за птицы?! Я глаза открою —
 Никого. Лишь вижу потолок.
 Задремлю, и снова надо мною
 Взмах крыла, спокоен и широк.
 Так спокоен, что меня возносит,
 Так широк, что оторопь берет...
 Снится мне на Васюгане осень
 В недоступной зелени болот.
 В зыбунах, оранжевых и бурых,
 Протянувших в сотни верст узор,
 В сосняках, что в мамонтовых шкурах,
 В кружевном кручении озер.
 На озерах, потайных и древних,
 Лебеди и стаи лебедят
 Скатывают воду с белых перьев
 И великодушно серебрят.
 А когда над ними небо срежет
 Наш нетерпеливый вертолет,
 Так взметнутся царственно и снежно,
 Что от света сердце обомрет.
 Засверкают блики на болоте,
 Птицы пролетят — крыло в крыло.
 И в просторном нашем вертолете
 Будет удивительно светло...
 Родина, какая ты большая!
 Кто еще на свете так богат?
 Небо над тобою украшая,
 Горделиво лебеди летят.
 В кипени и яблонь, и черемух,
 И в кипенье речек и морей
 Отраженье с нами обрученных,
 В сказку вознесенных лебедей.
 В белых платьях школьниц тонконогих,

В строчке, сочиненной для добра,
В радости, заботе и тревоге
Отблеск лебединого пера...
Мать мне говорит: «Давай укрою.
Мало спал. Да разве эдак спят...»
Улыбаюсь ей: «А надо мною,
Посмотри-ко, лебеди летят».—
«Что ты,— говорит,— откуда взяться?
Вот какой ты странный человек,
По углам куржавины, что зайцы,
А в окне, взгляни-ко, валит снег».
Пожимает старая плечами,
У нее, смотрю, тревожный взгляд.
«Снег так снег»,— согласно отвечаю.
Засыпаю... Лебеди летят!

1973

Развернулись —

да вниз по Енисею!

Хватит плавать по кувшинковой воде!
 Красноярск завьюжил красной каруселью
 И пропал в дымах, как в лебеде.
 Свежаком в лицо заохлодило
 От разбега волн и облаков.
 И несется теплоход, как льдина,
 Меж палимых зноем берегов.
 Годы и сомненья — будто в воду,
 Хорошо, ой хорошо!
 На таком просторе не был сроду,
 Не дышал сибирской черемшой.
 А она — вдохни! — в нагорьях зреет,
 Буйствует, пластается вповал.
 Никогда таким внезапным зреньем
 Я еще Россию не вбирал.
 Стало мало родины мне малой:
 Хоть мила, да все-таки мала.
 Ширь земли, делимая Уралом, —
 Словно два державные крыла!
 И в руках зарадужили жарко
 Сроду незнакомые цветы:
 Марьин корень, а потом саранка,
 Зноем и прохладой налиты.
 И томяще из безбрежной дали
 Сосны, сосны — сколь хватает взгляд —
 По распадкам сизым выбегали
 Золотистой теменью лосят.
 С ветровыми далями встречаясь,
 Я искал и в них родных начал.
 И росла, и ширилась причастность
 Ко всему, что видел и встречал.
 Говорил я Енисею: «Здравствуй!»
 Родина — как этих скал литье!
 И высоким делало пространство
 Личное достоинство мое.

1974

Виктору Астафьеву

В Овсянке в доме тетки Нюры
 Такие шаньги на столе,
 Что не сдержать натуры-дуры —
 Опять сидим навеселе.
 Опять с утра кипит застолье,
 Добро вино, вкусна еда.
 Ей-богу, в гости ехать стоит
 За десять тысяч верст сюда.
 Родни-то горсть. А ведь бывало —
 Шумела яблоней она.
 Но ствол родства давно повален,
 А корни выбила война.
 Уже не встретиться со всеми,
 Но с тем, кто жив, — пришла пора.
 В окне над синим Енисеем
 Сверкает Черная гора.
 И тетка Нюра, сладив с печкой,
 Пригубит рюмочку и вот
 «Ой, потеряла я колечко»
 Светло и тихо запоеет.
 И по лицу у тетки Густы
 Вновь полыхнет минутный зной.
 Вздохнет она и в голос грустный
 Вплетет свой голос удалой.
 И встрепенется тетка Проня:
 Концом платка слезу смахнет,
 В ладони голову уронит,
 А песню выведет в полет.
 И никуда уже не деться:
 Что было — снова наяву.
 В печальной песне сладко сердцу,
 Как в приобщении к родству.
 И в этот день, в слезах, в веселье,
 Плывет минувшая пора...
 В окне над синим Енисеем
 Сверкает Черная гора.

1974

Из поднебесья красных гор тувинских,
 Еще пока ничем не знаменит,
 Как будто из ладоней материнских,
 Он чистым колокольчиком звенит.
 И может сгнуться средь пустых расселин
 Иль превратиться в жалкий водопой.
 Но чтобы стать могучим Енисеем,
 Но чтобы стать ему самим собой —
 Из-подо льда, из-под гранита надо
 Срываться вновь на лед и на гранит,
 Вбирать в себя дожди и звездопады,
 И родники, что мать-земля таит.
 В пути вскипать до белого каленья,
 В затворы бить, от них не отступая,
 Ворочать скалы и швырять камень...
 И на порогах разрывать себя.
 И надо было из поры безвестной
 Сверкать ружьем и лезвием ножа,
 Тянуться стоном, разлетаться песней
 Бродяг, переселенцев, каторжан.
 И кровь смывать в лихую ночь и слезы,
 Людские тайны хоронить навек,
 Отогревать на дьявольском морозе
 Протянутые руки малых рек.
 И надо было научиться слушать
 И понимать, что сказано в намек,
 И на волнах в глухом селенье Шуша
 Качать ночами долгий огонек.
 Нести его, как золотую горстку,
 И вширь и вдаль до наших звонких лет.
 И удивить однажды Дивногорском,
 И сжечь себя, чтоб выплеснуться в свет.
 И надо было в радужные краски
 Раскрасить дебри, села, города
 И ослепить пришельца этой сказкой,
 И заманить его навек сюда.

А самому лететь, гудеть прибоем
И океан по-дружески толкнуть.
Немало надо, чтобы стать собою —
Сквозь всю Россию пропахать свой путь!

1974

Саяны в легкой дымке брезжат,
То зелены, то голубы,
И выпирают на побережье
Как азиатских ханов лбы.
Простор знобит и поражает.
Я представляю, как сюда
Гребли на веслах устюжане
В первоначальные года.
В глазах сверкало изумленье,
Кипели ветры в бородах,
И стрелы в диком оперенье
Свистели около рубах.
Но что стрела перед высоким
Мужицким словом и умом!
Уже шатрами плыли сопки
На перепутье кочевом.
С руками руки даль сближала.
Недаром с тех годов у нас
Пылают щеки темным жаром
И пляшет бес в прищуре глаз.
...Плывем, плывем... Смолою пахнет
И теплой хвоей кедрача.
Как предков красные рубахи,
В горах мелькает иван-чай.
А на откосах в травах рослых
То тут то там за рядом ряд,
Как предков вскинутые весла,
Березы белые горят.

1974

Уже без чаек даль потускла,
Речная стихла быстрина.
Но все трясется трясогузка,
Кричит над палубой она.
На длинной палубе теснится
Груз для арктических широт.
О чем же так горюет птица,
Зачем от нас не отстает?
И мы разгадку эту ищем
И вот находим наконец
Гнездо в контейнере, на днище,
И в нем — ну надо же! — птенец.
Да как не выпал при погрузке,
Как уцелел он — не понять.
Ах, трясогузка, трясогузка,
Неосмотрительная мать.
Кричи теперь над Енисеем,
Кружи без устали над ним,
Из теплых мест на белый север
Плыви с гнездовием своим.
Уж Ангара, уже Тунгуска
День ото дня все холодней.
Летит, как прежде, трясогузка
В тоске беспомощной своей.
И мы молчим, хотя охочи
Болтать всю вахту напролет.
И капитан угрюмый молча
У островов сбавляет ход.
Потом срываем шлюпку молча,
Несем гнездо — пусть видит мать.
И ледяные волны — в клочья,
И остров — лучше не сыскать.
Птенца в тепло, на место, садим
И хлебных мякишей суем,
И мать летит к нему надсадно,
Как ветка, сбита дождем.

1974

Твердил товарищ всюду
 Уже который день,
 Что это чудо-юдо —
 Божественный таймень.
 Жалел нас, что ловили
 На вотчине своей
 Лишь раков да налимов,
 Сорог да окуней.
 И нам своя рыбалка,
 Родная с малых лет,
 И впрямь казалась жалкой:
 Увы, тайменей нет.
 А здесь в тиши вечерней
 Таймени в глубине,
 Мол, серебрятся чернью,
 Как молнии на дне.
 ...Свистел с размаху спиннинг,
 Трещал в руках все злей.
 Сверкая красной спинкой,
 Взлетал надводный змей¹.
 Но не было тайменя.
 Товарищ заверял:
 «Вот завтра уж сумеем
 У Караульных скал».
 И шли мы к Караульным.
 И спиннинг у камней
 Опять взлетал разгульно,
 Опять крутился змей.
 Но не было тайменя.
 У друга — прежний вид:
 «Вот завтра — непременно
 У сопки Хуркакит».
 И шли мы к Хуркакиту.
 И спиннинг вновь с камней
 Свистел уже сердито,

---

¹ Надводный змей — рыболовная снасть.

И змей плясал — как змей.
Но не было тайменя.
А друг руками тряс,
Что был, да у каменьев
Сорвался, черт, зараз.
Лишь высверкнул — огромный!—
Над бешеной волной
Своею благородной
И сизою спиной.
Вот завтра, мол, закинем —
Так будут чудеса...
Ну что ж — зато какие
Здесь горы и леса!
Зато на воле здравствуй
И жги костер светлей.
И помни — нет прекрасней
Ухи из окуней.

1974

У живущих лица — не лики.
Как узнать, кто из них великий?
В чьих словах — на века заряды?
Речи часто так заурядны.
В чьих руках — миров перемены?
Руки у всех обыкновенны.
Даже самый высокий подвиг
Коллективный имеет облик.
Даже с божией искрой личность
Часто рядится под обычность...
Но твердят нам книги и были:
Гениальные люди были.
Но твердит нам тоска по чуду:
Гениальные люди будут.

1974

Схватив корзины, ведра, рюкзаки,
С практическим и жадным интересом
В лес поутру бегут отпускники
И бродят, бродят, словно бредят лесом.
Не разгибаясь, шарят там и тут,
Лишь слышно, как трещат сучки под ними.
Берут грибы и ягоды гребут,
Но вот, устав, они глаза поднимут —
Извечный шум плывет среди ветвей,
И беспредельно синева струится.
И сразу взгляд становится светлей,
Задумчивее суетные лица.
И в лицах на мгновение одно
Тогда черты возникнут за чертами,
Какие были в них, но так давно,
Что люди навсегда забыли сами.

1974

Что красноводье, поздняя брусника.
Я в ней корзину грузную топлю.
Грущу от улетающего клика
И сам брожу подобно журавлю.
И мне пора, хоть здесь озера ягод,
Бордовых, прокаленных на росе.
Но все равно их не набрать мне на год.
Пускай же остаются на рассев.
Мне хочется к тебе — в твои печали
И радости — как птицам в синеву.
Любовью это называл вначале,
Теперь любовью трижды назову.
Быть может, поздно прояснилось сердце,
Но в нем одно желание добра.
Вот и бруснике, чтоб красно зардеться,
Необходима поздняя пора.
Зато теперь и сладость в ней, и сила,
И княжеский на мху зеленом вид.
И та роса, что руки мне студила,
Твое лицо бруснично озарит.
Мы не пойдем при встрече за гостями,
А целый вечер просидим одни.
Ты будешь черпать ягоды горстями,
И потекут меж пальцами они.
И каждая-то ягода прошепчет,
И промелькнет в глазах твоих игра,
И подтвердят раскутанные плечи,
Что лучше прежних поздняя пора.

1974

До чего же я зависим
От житейской толкотни,
От твоих суровых писем,
От бесчисленной родни.
От застолий, от собраний,
От пустых ненужных встреч.
Я не в молодости ранней —
Время надобно беречь.
...Вот живу я, как хотелось.
Будто в поле жаркой ржи
Золотую жизни спелость
Наконец в снопы вяжи.
Никакой тебе помехи —
Делай так, как думал жить.
Никуда не надо ехать,
Суетиться и спешить.
От себя лишь я зависим...
Но гнетет тоска опять:
Почему не пишут писем —
Разве долго написать?
Почему никто знакомый
Не заглянет на ночлег
Почему так тихо в доме?..
Станный, право, человек.

1974

I

Лишь разматается дорога
В дверях под низким косяком,
Скорей разуюсь у порога,
Пройдусь по полу босиком.
Он в речку детства обратится
На эти несколько минут.
Как будто струи, половицы
Прохладой ноги обдадут.
Пройдусь без всякого притворства:
Лишь мать да я — одни в избе.
И прямоу и память остро
Любая вещь таит в себе.
На лавку сяду, отдыхая.
Так здравствуй, тихая изба!
Ты, говорят, патриархальна,
И примитивна, и груба,
Не видишь будущего дали,
А только жмешься в глубь земли.
А мы и знать того не знали,
Когда в тебе, такой, росли.
Когда в метельный гул, бывало,
Как в теплой туче, на печи
Иль под цветастым одеялом
Шептала сказки нам в ночи,
Когда ты смалу нам внушала,
Чтоб сердцем вняли наизусть,
Какая древняя, большая
Земля отцов и дедов — Русь.
Когда с пригорка ты махала,
Чтоб нам счастливо жить и плыть...
И это, слышь, патриархально,
И это лучше бы забыть?
Изба молчит. Лишь вьются кольца
Над самоваром все теплей.
Мол, ты с дороги успокойся
Да чаю крепкого попей.
Мол, знай одно: кто держит память,

Тот в жизни значит что-нибудь.
А дней минувших не поправить,
Но и пером не зачеркнуть.
Мол, ты теперь и сам не слабый,
И если помнишь детства дни,
В знак благодарности хотя бы
Возьми да крышу почини.

II

Не понимаю тех, ей-богу,
Кто, из родной избы уйдя,
Навек забыли к ней дорогу
В сверканье снега и дождя.
И ненавижу тех, хвастливых,
Кто приезжает с похвальбой
И в дни наездов торопливых
В избе смеется над избой.
Пусть многим стала не по росту,
Но вот зачем с хулой спешить?
Изба хоть выглядит и просто,
Да в ней не так-то просто жить.
Она веков минувших память,
Она судеб отцовских суть.
И если с прошлым полукавить,
Легко в грядущем обмануть.

1974—1978

В середине веселого мая,
Молодея от легкой ходьбы,
В перелесках родимого края
Собираю я в кепку грибы.
Прут опенки по горкам укромным
Из-под жухлой листвы и хвои.
Разбудили их первые громы,
Закудрявили их соловьи.
Вот земля! Еще травы и листья
Лишь в намеках зеленой резьбы,
Еще в ельниках сыро и мглисто,
А пожалуйста — нате грибы.
Любо брать их, таких светло-рыжих,
Будто пенку снимать с молока.
...Сковородка трясется и брызжет
Над лиловым цветком огонька.
Дом для гостя распахнут по-русски,
За столом можно многих вместить.
Только не с кем отведать закуски,
Только некого мне угостить.
И стоит неподвижно и хрупко,
Майский свет отражая в стекле,
Одиночества горькая рюмка
На родном деревенском столе.

1974

Да, конечно, огромна Россия!
 В синь росисто вместилась она
 И в себя столько света вместила,
 Что сиять ей во все времена!
 Пласт на пласт поднимала двужильно,
 Хоть враги и топтали жнивье.
 А она лишь народы дружила
 Через вещее слово свое.
 Не за-ради чего, а навечно,
 Чтобы прямо глядеть, а не вкось.
 И в бесчисленных ныне наречьях
 Это слово светло пролилось.
 В нем и мудрость, и отблеск алмазный,
 Что смогли глубь веков превозмочь,
 В нем таятся державные связи
 И грядущего нашего мощь.

1975

Взметнутся стаей журавли с болота,
 Покружатся и снизятся опять.
 Им улетать как будто неохота,
 Но все равно им надо улетать.
 Мне ль не понять их в тишине вечерней,
 Когда брожу печален и угрюм:
 Во мне самом великие кочевья
 Неотвратимо постоянных дум.
 То в глубь такую,
 Под такое небо,
 В пласты времен таких,
 Где прах и пыль
 И где, конечно, никогда я не был
 И быть не мог, но все же будто был.
 То в даль такую, что подобна чуду,
 К заглавьям дней таких,
 Что не прочесть,
 И где, конечно, никогда не буду,
 Но где уже незримой тенью есть.
 И все-таки,
 И все-таки кочевья
 Вот этих дум, а может быть, души
 Приткнутся вновь в рябиновом свеченье
 Теперешней обманчивой тиши.
 Вот здесь, у поля, луга и болота,
 И у дорог, что Русью пролегли,
 Где жить, любить, бороться и работать
 И вновь куда вернуться журавли.

1975

Оттого скудеем быстро сердцем,
Что пустой тщетой утомлены,
Не желаем все-таки взглядеться
В близь и даль своей же стороны.
О самих себе в большом и малом
Мним высоко и не усомнясь,
Словно нет и вовсе не бывало
Земляков значительнее нас.
И своей ленивой праздной мыслью
Не летим мы дальше ближних дней,
Словно ни к чему и знать и числить
Летописи родины своей.
Здравствуем под звездами и солнцем,
А не вскинем взгляда выше крыш.
Если тихо нам самим живется,
Значит, в мире благодать и тишь.
И за грудь не схватимся тревожно,
Что кому-то стало вдруг больней,
Словно нету горьких бездорожий
И бессонных, маетных огней...

1975

ГОДЫ

Я жил, порой в размахе крут,
Порой в речах не гибок,
И верил: годы подойдут
Без срывов и ошибок.
Я буду мудр, как старый лось,
Который без запинки
Находит, где б ни привелось,
Все выходы-тропинки.
Но годы шли, я замечал,
Что ждать и верить мало,
Что всех желаемых начал
В тебе самом начало.
Что нет такой поры, мил друг,
За перевалом дальним,
В которой ты предстал бы вдруг
Почти что идеальным.
Нам время краткое дано —
Ломай себя и чисти
И в буднях, будто сквозь рядно,
Добудь крупичицы истин...

1975

Ко мне пришло известье:
Нашелся наконец
Тот человек, с кем вместе
Был в смертный час отец.
Больным, тревожным жаром
Зашлась душа опять,
Отчаявшись недаром
Хоть что-нибудь узнать.
Ведь так горьки да горьки,
Ледяно-ледяны
Слова из похоронки,
Что в них — лишь мрак войны...
Скорее в путь!
И адрес
Твержу я наизусть.
Лесами пробираюсь,
Проселками трясусь.
Ну, годы, раскачитесь,
Раздвиньтесь же теперь!
Былого очевидец
Мне открывает дверь.
Заныла в сердце жалость.
Я жму в тиши крыльца
Те руки, что касались
В последний раз отца.
Смотрю в глаза солдата,
Теперь уж старика.
В них каменно зажата
Ожившая тоска.
И говорит он слабо
(Мешает хрипотца):
— Не зная, вас узнал бы —
Похожи на отца.
Он, правда, моложавей...—
Прищурился старик,
И брови задрожали,
И я душою сник.

Да, это не отнимет
И время у солдат —
Посмертно молодыми
Вставать с живыми в ряд.
Но это право горько...
Ведет хозяин в дом,
И за глухой заборкой
Садимся мы вдвоем.
Жду правды с нетерпеньем.
И загодя креплюсь.
Весь становлюсь я зреньем,
Весь слухом становлюсь.
Но вижу, как непросто
Хозяину начать —
Вернуться к страшным верстам
В тех днях и в тех ночах.
Как знак, что полной мерой
Хлебнул он тех невзгод,
К виску, колышась нервно,
С надбровья шрам ползет.
И двигается резко
Над воротом кадык,
Как будто там железка
К дыханию впритык.
Сидит солдат обмякши,
Склонясь на край стола.
— С отцом-то в Кандалакше
Меня судьба свела.
Там тьма была народа
Для фронтовых команд.
К нам командиром взвода
Он прибыл, лейтенант.
Он заглянул всем в лица,
Точь-в-точь, как вы сейчас,
И приказал грузиться,
И брать боезапас.
И покотился поезд,
И лейтенант в пути
Расспрашивал, знакомясь,
И стал как брат почти.
Да ведь и был годами,
Повадкою своей,
Пожалуй, ровня с нами,
Лишь хмурился строжей.

И все в дверном притворе
Не покидал поста.
Вот замелькали вскоре
Они — его места.
Молчал. От ветра будто
Он вытирал глаза.
Ему бы на минутку
Туда — да вот нельзя.
Нельзя просрочить было,
Поверишь ли, минут.
Навстречу небо плыло
В пожарах там и тут.
Мы в бой рванулись с ходу...
Постой, вздохну чуток,—
И пьет хозяин воду,
Один, другой глоток.
Видать, горел он гормя
От горя и обид,
Что вспомнить лишь — и в горле
Вновь сушит и палит.
Чрез столько лет!.. Все знойно,
Лишь двинься к рубежу.
Глядит на мертвых воин,
Я на него гляжу.
Его слова сверяю
Я с памятью своей —
По самому там краю
Лишь блики давних дней.
Их шевелю — и светом
Меня пронзает вмиг.
Да, да, все правда это,
Что говорит старик.
Я помню, то есть вижу,
Как мать письмо отца
С цензурной меткой снизу
Читает у крыльца.
А слезы, слезы — градом
Меж карандашных строк.
— На фронт проехал... рядом
И заглянуть не смог...—
Вновь сердце накололось
На стон издалека,
А рядом чую голос
Солдата-старика:

—...Была такая ярость —
Сраженные и те
В захватчиков вцеплялись
В траншейной тесноте.
Отец твой, он без крика,
Но в самый нужный миг
Взлетел — и грудь открыта,
И был грозней, чем крик.
Проверили — отважный,
Да, он не робкий был...
Под Тихвином однажды
Прорвались к немцам в тыл.
Наш взвод — уж так случилось —
Всю роту прикрывал.
Над нами лес в лучину
Гад-немец исщепал,
Но выдохся. В затишье,
Когда приполз связной,
Мы к взводному поближе
Стянулись, кто живой.
Нам гибель — знали сами.
И он отдал приказ,
Чтоб мы домой писали,
Пока связной у нас.
И сам прилег за камень,
А вот писать не мог.
И жегся под руками
Листок, что огонек.
В таком аду — да что там —
До писем ли бойцам.
Вдруг слышим — самолеты!
Глядим: заходят к нам!
Всего страшнее небо
Солдату на войне.
Ползешь — укрыться где бы?
Но небо — на спине.
Я только и запомнил,
Как жажнуло с боков
Да закачались корни
Чернее пауков.
Очнулся — нет, не мертвый,
Смотрю — а взвод полег...
Тут подоспела рота,
И батальон, и полк.

Погибших хоронили,
Искали... Ох, земляк!
Они в песке да в глине
Схоронены и так...
И взводный там, в завале.
Его осколком в бок...
Планшетку только взяли,
В ней смятый тот листок.
Я помню и поныне —
На том листке его
Лишь «Здравствуйте, родные...»,
И больше ничего.
Лишь «Здравствуйте» — и только... —
И голос хриплый смолк,
И ледяной иголкой
Встал сердцу поперек.
И как-то зыбко, странно
И медленно возник,
Похоже — из тумана
Передо мной старик.
Нет в правде облегченья,
Так правда тяжела,
Проста до помраченья,
Когда она гола...
— Так где ж искать могилу,
Скажи мне, старина?
— За Тихвином то было,
За Тихвином должна... —
И вновь я память вихрю,
Но в письмах горьких лет,
Что я храню, про Тихвин
Нигде помину нет.
И в похоронке нету.
И в справках — ни следа.
— Ну а когда же это
Случилось-то, когда? —
Он говорит нетвердо;
— Кажись, в сорок втором...
— А нам в сорок четвертом
Сообщено о том... —
Глядим мы друг на друга,
Но всяк в себя глядит.
И нам обоим трудно
С открытием таким.

— Ужель во мне затмилось?—
Старик и сам не рад.—
Ужель однофамилец
Был этот лейтенант?—
И вновь сверяем, сводим
И видим наконец,
Что этим славным взводным
Был все ж не мой отец.
А мой — опять в безвестье,
И тяжелей вдвойне:
Теперь два лика вместе
Уже живут во мне.
Во всем судьбою схожи
И в подвиге равны,
Сливаются тревожно
В единый лик они.
И мне, как бы слепому,
В иное не прозреть,
А жить и вечно помнить,
Как надо встретить смерть.
И боль и страх приемля,
И все, чему уж быть,
Но пуще жизни землю
Родимую любить
И в гибельном прорыве
Живым послать всего
Лишь «Здравствуйте, родные!»—
И больше ничего.

Мне эту думу век носить:
Отца теперь бы увидеть —
Уж я бы знал, о чем спросить,
Уж я бы знал, чего сказать.
Два мужика наедине,
Вели бы речь в родной избе
Мы о колхозах, о войне,
О государстве, о себе.
Не утаили б ничего,
Чужих не слыша подпевал.
Уж понимал бы я его,
Уж он меня бы понимал!..
Но слишком часто на Руси
Отцы по разным сторонам.
И нет возможности спросить
Отцов подросшим сыновьям.
И все ответы, все слова,
Отцом не сказанные мне,
Лишь шепчет скорбная трава,
И то — в далекой стороне...

1975

ОТЧИЙ ДОМ

В молодые годы
Тесен отчий дом
И куда угодно
Из него пойдем.
Но из мест далеких
В средние года
В отчий дом дороги —
Праздником всегда.
В годы пожилые,
Свой имея дом,
Мы с тоской впервые
Вспомним о другом.
А в седые сроки,
В час последний тот,
В памяти глубоко
Отчий дом сверкнет.

1975

Визинга светла и древнекнижна,
 Сыктывкар зеленосвеж и горд,
 Золотиста песенная Ижма,
 И высок рябиновый Разгорт.
 Звонкость мест летела и не меркла,
 Смысл чужой ручьистой речи креп:
 Му — земля, а дом, строенье — керка,
 Ну, а нянь — как точно! — это хлеб.
 Войрун значит иван-чай, весельем
 Закипал и буйствовал обочь
 (Рунь — трава, а вой — и ночь, и север) —
 Северная розовая ночь.
 И в домах над тесным многорыбьем
 Говорили: «Здравствуйте: чолём!
 Юам!» — мне кричали (значит — выпьем!),
 Окрылив стаканы над столом.
 И слова звенели разной ковки,
 В звон один сливаясь вдалеке.
 Если речь о песнях, то на коми,
 А про жизнь — на русском языке...
 Синева текла за перелески
 Над струею темных кедрочей.
 Где-то здесь бродил и Стефан Пермский,
 Устюжанин — первый книгочей.
 Где-то здесь, у вольных перекатов,
 Перекаты чуя в языке,
 Первобытье строк Иван Куратов
 Обжигал для крепости в тоске.
 Все роднит. И даже вон березки,
 Словно дома, смотрят с-под руки,
 Трогательно, в точь по-вологодски
 Подвязавши белые платки.

1975

С ней хотя и коротко знакомы,
Откровенно, будто я земляк,
Говорила мне старуха коми,
Угощая, говорила так:
— Правду-матку только те не любят,
У кого по верху жизни взгляд.
Стулья-то высокие, а люди
Маленькие, поглядишь, сидят.
От таких ни радости, ни проку.
Про себя так думаю, сынок:
Никогда не будет тот высоким,
Кто в душе народной не высок...

1975

Он не молодой, но и не старый,
И себя он представляет так:
«Дедом звать. Я капитан-наставник.
У меня на шхунах молодняк».
Говорит, не улыбнувшись даже:
«Вон и шхуны...» Я смотрю туда —
Проплывают медленные баржи,
Круто прогибается вода...
Нравится достоинство такое
И в глазах лукаво-синий свет,
Нравится веселого покроя,
С крабом, лихо сдвинутый берет.

1975

Как свернул за поля, так и замер:
Преодо мной, будто ждал с давних пор,
Поднимался из детства тот самый,
Да, тот самый, забытый угол.
Ах, каким он бывал крутосклонным!
Заползем и не верим глазам —
В солнце весь! И над полем зеленым
Он желтел, будто солнышко, сам.
А теперь затенили осины
И осыпался прежний откос.
И его я за выдох осилил,
Встал — и сердце внезапно зашлось.
А вдали за осинами синий
Вдруг открылся всей жизни простор,
Будто высился горной вершиной
Подо мною заросший угол.

1975

— По рыжики не выбратся ли нам?—
 Мать говорит мне, под руку толкая,
 И щурится с крыльца по сторонам:—
 Погода-то привольная какая!
 Ну, что молчишь? С собою позови...—
 А я на мать люблюсь с интересом:
 Свои грибы и ягоды свои
 Давным-давно повыбрала из леса.
 — Пойдем!— я улыбаюсь, и она,
 Держась меня, бредет в раздолье просек.
 И под платочком темным седина —
 Как белый отблеск встреченных березок.
 Щемит мне сердце близостью такой.
 Мы с матерями странно отдаленны.
 А тут она вот рядом, под рукой,
 И на душе от листопада звоны.
 Как торопливы, как слабы шажки!
 Сбавляю шаг, и мне ничуть не тяжко.
 — Вот Утичье,— вздохнет,— вот
Подстожки,
 А это, боже мой, да ведь Корчажка!
 Ой, заросла. А как была чиста!—
 И вновь стоит средь скошенных угодий...
 Что для меня — грибные лишь места,
 Для матери — судьба, труды и годы.
 Я сокрушенно вместе постою,
 И, отдалясь, пойду Корчажкой с краю,
 И в звонкую корзинищу свою
 Знай рыжики ядреные бросаю.
 Мать подожду. Она бредет ко мне,
 И след ее опять раздумьем выстлан.
 Ну а в корзинке на глубоком дне
 Одни лишь листья, золотые листья...

П. Красильникову

Деревенька Копылово
Невелика, но цела.
Клевера кипят лилово,
В каждой маковке пчела.
Крыши в теплой позолоте,
Дух коровий по дворам.
Словно лебеди на взлете,
В избах крестовины рам.
Сорок окон рассветают.
Значит, сорок лебедей
Никуда не улетают,
А живут среди людей...
Где-то стройки, где-то громы,
Где-то блещут города.
Ну, а здесь, как дождик скромный,
Только льются провода.
Да под вечер вновь заварен,
Хоть зайди и невзначай,
Добрый русским самоваром
Золотой грузинский чай.
Да с водой холодной в ведрах
Тарки стынут глубоко,
Чтобы в них дышало бодро
Ледяное молоко.
Да с крылечка до колодца
Перед сном, светло пока,
Вновь задумчивые кольца
Папиросного дымка.
Жить и жить бы без тревоги,
С тишиной наедине.
Но поди ж ты... Думы долги
В слишком тихой тишине.

Что-то старости не спится,
А у молодости сны
Рвутся в дали, как зарницы
Незнакомой стороны.

1975

— Ты, что курица-парунья,
Надоела, мати, ой!
Как умрешь, не пророню я
Ни слезинки ни одной!
— Ну, спасибо, дочь. Хоть бедки
Мне слова, но впереди
У тебя самой три девки:
Слезы, верно, береги...

1975

ЗАВЕЩАНИЕ

Памяти батька Василя

Он умирал... Что завещать?
Вещей совсем не нажил,
Хоть век свой думал о вещах,
Которых нет в продаже.
И все ж хотелось по себе
Племяннику на память,
Что было дорого в судьбе,
Чего-нибудь оставить.
Рубанки, что ли, топоры?
Он их ценил, крестьянин.
Они исправны и добры.—
Вон весь верстак заставлен.
Но нет: племянник городской...
Скрестя бессильно руки,
Он этой думой, как тоской,
Свои усилил муки.
Лоб холодел, как от росы,
И сердце стало падать.
И вдруг он вспомил про часы!
«Часы,— вздохнул,— на память.
С войны,— добавил,— мировой...»
И в полутени липкой
Вдруг осветился сам не свой
Далекою улыбкой.
Часы — они кружком глухим
Забыто холодели
В мешочке, сшитом им самим
Из лоскутка шинели...
Я взял часы. Со скорбью взял...
Штрихами гравировки
На крышке врезаны в металл
Крест-накрест две винтовки.
А возле них по серебру —
Что пули, точки ровно
И «За отличную стрельбу»

Начертано сурово.
С трудом нашел я те слова,
Что тут необходимы.
Часы в руке, блеснув едва,
Затмились горьким дымом.
Старик у смертной полосы,
В безвыходной печали,
Затих и смолк... И лишь часы,
Одни часы стучали.
Они в тот миг огнем зажглись,
Толкнула тяжесть в спину,
Как будто прожитую жизнь
Старик к моей придвинул.
И все мое, что он берег:
Рубанки да ножовки,
Шинели серой лоскуток,
Крест-накрест две винтовки.

1975

— Как зовут тебя?
 — Сережка.
 — Ну а чей ты?
 — Бабкин сын...—
 Петушком кричит гармошка,
 И поет в ресницах синь.
 Он играет, выгибая
 Перья красные мехов.
 К старикам, что строят баню,
 Вновь идет средь лопухов.
 — Э, гляди, пришел помощник,—
 Улыбаются они.
 — Да носишко-то не морщи,
 Кверху, кверху нос тяни!..—
 И, оставив паз мохнатый,
 Никнут ласкою седин.
 — Ну, играть покуда хватит,
 Помогай нам, бабкин сын.—
 И мальчонка мох подносит,
 Да бегом-то, все бегом,
 Вытирая с переносья
 Бисеринки рукавом.
 Хвалят парня, горечь спрятав,
 Словно в мох, в пучки бровей:
 — Ну, Сережка, ты — старатель,
 Будешь плотником, ей-ей!—
 Мастера кивают важно
 И с оглядкой, без мальчика,
 По-мужицки, трехэтажно,
 Кроют беглого отца:
 — Где-то шляется, кудлатый.
 — Ну а мать?— Ох, эта мать,
 Тоже бросилась куда-то
 Пристань новую искать.
 И ни писем, и ни денег.
 И живет Сережка тут.
 Бабка вырастит, оденет:

Бабке пенсию дают.—
«Что-то будет, что-то будет?»—
Выбивают молотки,
Словно тишь глухую будят
На стропилах старики.
Сверху им щемяще видно,
Как, покуда без обид,
Васильково и наивно
Безотцовщина глядит.

1975

У человека под руками
Своя судьба, свои труды.
Окрепнет духом — крепче камня,
Ожиднет — жиже он воды.
Так мне говаривала бабка
Из древнерусского села.
Ей на веку жилось не сладко,
Но что кремень она была.

1975

Ей до пенсии всего
 Остается годик.
 А она — ничего,
 Как со шляпкой гвоздик.
 Всем соседкам твердит:
 — Развяжусь с работой,
 Буду замуж выходить.
 Что сидеть одной-то!—
 Говорят соседки ей
 С опытом бывалым:
 — Замуж, Марья, не радей,
 Больно тела мало.—
 Марья, словом не щадя,
 Сразу — к обороне:
 — Шурка вон что ладья,
 А коснись — утонет.
 Я суха, да крепка,
 Что клубок катаюсь!—
 Встанет — руки в бока,
 Бабам на зависть.
 — Это верно, так-таки
 Ты еще что славница.
 Только нынче мужики
 Тоже не валяются.—
 И советуют ей
 Уж вполне серьезно:
 — Знаешь, Санка отбей,
 Санко наш, совхозный.—
 Но у Марьи грустный вид:
 — Не велено трогать,
 Варька мне говорит:
 «Дома дела много».—
 Бабы злятся:— Вот так на!
 Ну кого же? Кольку!
 Тот не нюхает вина
 Нонечи нисколько.
 И махорку не берет —

Курит папиросы...»
— Не, он легок, что перо —
В сторону заносит.—
Кто-то машет рукой:
— Верно, Марья, верно.
Ну зачем пузырь такой —
Только портить нервы.
Вот что, Марья, мой совет —
За рекой — Федорий.
Тот не высевок, нет,
Настоящий корень.—
Бабы шепчутся:— А что?
Тот, пожалуй, в силе.
А оденется в пальто —
Ой, баской, красивый!—
Марья — видно по глазам —
Просияла ясно:
— Ой, спасибо, бабы, вам,
За него согласна!..

От грибной сатанея погоды,
По пути на угожья большие
Обгоняют меня пешеходы,
Отжимают с дороги машины.
Сторонюсь я — валяйте, не жалко,
Не хочу быть в компании лишним,
Знай шагаю с раскидистой палкой
По закрайкам, по самым-то ближним.
И они — верю в это — богаты.
Стукну лишь о сосну иль осину —
И грибы, молодые ребята,
Сами прыгают бойко в корзину.
Понесу. Все кричат мне: «Откуда?
Мы обегали разные дали,
А такого веселого чуда
Даже в лучших местах не видали!»
Что ответить? С прищуренным взглядом,
Поделюсь я полезным уроком:
— Далеко-то и бегать не надо,
Чудо — только взгляните — под боком.

1975

Когда тревожит окна дождь осенний
И для застолья крепкий чай готов,
Несуетливой хочется беседы,
Неспешных мнений и разумных слов.
Но разучились мы сходиться вместе
За чашкой чая по домам своим,
И даже торопливые наезды
Мы обратить в пирушки норовим.
Как надоели сбивчивые речи,
С оглядкой шепот, в мыслях кривизна!
О трезвое, ты где, простосердечье,
В котором глубь российская видна?
Где ты, суровость выстраданных мнений,
Которая уже годам под стать?..
Стучится в окна только дождь осенний,
И, значит, чаю снова остывать.
Пальто надену, в перелесок выйду,
А елки там, в наплыве облаков,
Напоминают издали по виду
Упрямых бородатых мужиков.
Прислушаюсь — ведут степенно речи,
И стряхивают слякотную грусть,
И бороды кладут ко мне на плечи —
И с мужиками я наговорюсь.

1975

Яблокам на ветках не сидится.
Видно, сладость солнца тяжела.
Рядом проструится ли синица,
Прозвенит ли поздняя пчела —
И — готово — покатались с веток,
Падая, толкаясь на лету,
Синью освежая напоследок
Красоту, до блеска налиту.
Кажется, что это разыгрались
Яблони, что бабы спелых лет.
Каждая горит другой на зависть,
И уступок в красованье нет.
Разыгрались, яблоки бросая,
Будто в пляске — слышен стукоток...
А вчера и вправду здесь плясали,
Обмывали чьей-то службы срок.
Так плясали посредине улиц,
А потом еще и на юру,
Что за месяц золотой запнулись
Ахнули, проснувшись поутру.
Во своем селенье и соседнем
В полколена устлан каждый сад —
Облетели яблоки весельем...
А у нас пока еще висят.

1975

Краснеет день — и прочь тоска от сердца,
Что тягостная темень — от костра.
На стужу выбегаю я погреться,
А стужа ослепительно остра.
Колун, что грач, взлетает в бликах черных —
И крикают еловые кряжи.
А снег под ними, словно белый порох,
Взрывается и мне лицо свежит.
Удар, удар, еще удар с размаху —
И сто годов трещат под колуном,
И, разлетаясь, жаром пышут плахи,
До сердцевины скованные льдом.
Вот где тепло — оно во льду таятся,
Вот где огонь — он прячется в снегу!
Я пот смахну, отброшу рукавицы
И сигарету от снегов зажгу.

1975

Начать бы можно: жили-были,
Да слишком байка коротка,
Как под картошку склад рубили
Два деревенских мужика.
Один давно из сруба вылез,
Сказал: все скрыто под землей —
И вниз глядел, в сосновый вырез,
Где позамешкался второй.
И начал звать его напарник:
Да вылезай на белый свет!
Нашелся — тоже мне — ударник
И настиляет там паркет...
Но добродушно, безобидно
Тот отвечал из полумглы:
Хоть глубоко, но людям видно,
Хоть под землей, но все ж — полы.
И там опять мудрил чего-то
И топором стучал опять...
Он уважал свою работу.
А я его стал уважать.

1975

В молчанье я стою один,
Где проходила ты когда-то.
Лишь кисти грузные рябин
Теперь висят краснозакатно.

О чем молчишь — то и твое.
А только выскажешь — чужое.
И как туманы над жнивьем,
Плывет затишье над душою.

Лишь этой истиной жива,
Душа всегда того страшится,
Что сразу выстудят слова
Все то, что пламенем таится.

1975

Ты тоской себя не мучай —
Поброди среди людей:
Чья-то жизнь благополучней.
Ну, а чья-то и трудней.
Посмотри — и легче будет,
Отвяжись от немоты.
И поймешь, что в шумных буднях
Не потерянный и ты.
На себя, как на чужого,
Беспощадно рассердись.
Если надо, трижды снова
Начинай дела и жизнь.
Начинай с ожесточеньем.
Знай об этом только сам.
Не ходи за утешеньем
Ни к родным и ни к друзьям.

1975

Заметался пар щенком
Под ногами борзо.
Ты белье заносишь в дом,
Звонкое с мороза.
И повеяло вокруг
Молодо и чисто
От белья, лица и рук
В серебристых искрах.
Ношу бережно неся,
Как несут подарки,
Дышишь холодом ты вся,
Только губы жарки.

1975

Полыхнуло яростным и белым,
 Прочь откинув темень. И тогда
 Обожгла глаза оцепенело
 На низинах за пять верст вода.
 Снова мрак. Но в эту же минуту
 Обвалилась будто бы гора.
 Кто-то поле с крышей перепутал,
 Прокатил по крыше трактора.
 Припадай к земле, душа живая!
 Затрещало небо, не щадя,
 Потолок и стены прошибая
 Огненными клиньями дождя.
 Что тут делать? Верь в Илью-пророка
 Или в электрический разряд,
 Но душа от огненного ока
 Мечется, как тыщу лет назад.
 И со страхом женщина прижалась
 К мужу, уж не видя ничего,
 В беззащитной слабости призналась
 Перед вечным мужеством его.

1975

Уже шуршит на тропке лист опальный,
В лесу, как в жизни, грустно и светло,
И многое, что раньше волновало,
Уплыло, отболело, отошло.
А что осталось? А любовь осталась
Как состоянье жизни. И она
Столь чисто — без соринки — отстоялась,
Что у меня в глазах рассинена.

1975

Возле озими зеленой
 Так желтеет березняк,
 Что стою, как ослепленный,
 И не смею сделать шаг.
 Лишь внимаю листопаду,
 Полыханию вразброс.
 Грустно слуху, дивно взгляду,
 Зябко сердцу у берез...
 Помню я, как утром чистым
 Ты качала деревцо.
 Сыпьтесь, листья, сыпьтесь, листья!
 Подставляла им лицо.
 Как томила листьев залежь
 Нас вдвоем в лесу грибном...
 В разном свете возникаешь
 В одиночестве моем.
 В свете сумеречном — щедрой,
 Рассудительной — в дневном
 И усталою — в вечернем
 Я люблю тебя давно.
 Потому над золотистой,
 Потаенною тропой
 Сыпьтесь, листья, сыпьтесь, листья,
 Повторяю за тобой.

1975

Неурядицы нередко
Так, бывает, оплетут,
Словно путаная сетка —
Нет концов ни там, ни тут.
Ты замечешься, но тут же
Неурядиц этих сеть
От пустых метаний туже
Станет на сердце висеть.
Лишь с умом — не по наитью,
Лишь с терпеньем — не рывком
Потяни-ка нить за нитью,
Узелок за узелком...
А когда, смеясь и плача,
Скинешь путанку невзгод,
Красной рыбиной удача
Прямо в руки заплывет.

1975

Виноватый, в поздний срок
Встану пред тобою,
И домашний твой платок
Свяжет сердце болью.
А глаза... Их горький свет...
Слезы все полнее.
В жизни не было и нет
Ничего больнее!
Ну, кори меня, кори
Гневными речами!
Дни мои, как пустыри,
Глохнут за плечами.
Ну, казни меня, казни
Яростным молчаньем!
После дней таких одни
Горечи ночами.
Видно, сбился я с пути
И любви не стою.
Ну, суди меня, суди
Всей своей бедою!
Что решишь — на все готов,
Все приму — не споря.
Но у горя нету слов,
Нету слов у горя.
Ты молчишь, и я молчу,
А в тумане окон
Жизнь, подобная лучу,
Светит издалека.

1975

Время сгладит остроту,
Как бы отодвинет
Ту тоску, мороку ту,
Что горчей полыни.
Время — знаю наперед —
Все, чем ныне маюсь,
Как песчинки унесет —
Этакая малость.
Недалёко унесет —
Не в реку, не в море,
А на память горький гнет
Прямо в сердце вмоет.

1975

Я иду зеленым полднем,
И не молод и не стар.
Добрый чувством переполнен,
Терпеливей к людям стал.
К разным толкам-перетолкам,
К суматохе заводной,
К ссорам, долгим и недолгим,
Даже к глупости самой.
Но печально в близких людях
Видеть в подлинности всей
И пустое честолюбье,
И разгар пустых страстей.
...Ухожу я восвояси,
Бросив лишь с улыбкой взгляд,
«Почему ты рассмеялся?»—
Возмущенно говорят.
Молодые, жизнь в начале —
Не понять им все равно.
Лишь в ответ скажу печально,
Что на них глядеть смешно.
Это все давно я вызнал
И умею сам решить:
Что идет от сути жизни,
Что от мелкости души.
Обостренной стало мненье,
И спокойнее ответ,
И ровней сердцебиенье,
И все горше привкус лет.

1975

Вот так извечно: в людях близких
Не видим редкостных примет,
Не замечаем божьей искры,
Не уважаем мудрость лет.
И лишь потом, когда признают
Из них кого-нибудь в стране,
Мы поразимся: вот он, с нами,
И даже с нами наравне!
И воздадим хвалу, да только
С пугливой нервностью, боясь
Не сбить признаньем этим с толку,
А толк считается лишь в нас.
А не признают по заслуге
(Исход бывает и таков) —
И человек в привычном круге
Сойдет к разряду чудаков...

1975

Из будних дней мы в праздники спешим,
Себя считая за людей свободных
От разных служб, занятий и машин,
И называем это странно — отдых.
Но разве мы умеем отдыхать?
Лишь соберемся вокруг столов разживных,
И разговор заколесит опять
О службах, о занятиях, о машинах.

1975

Ты где б ни жил и кем бы ни служил,
Но, кроме городской своей квартиры,
Имей приют, который сердцу мил,
У речки малой иль озерной шири.
Пусть домик старый, пусть шалаш пока,
Чтобы упасть в ромашковой метели,
Бродить босым, пить чай у костерка
И стать таким, каков ты в самом деле.

1975

Всего на свете хуже,
Хитрей всего — угар.
Намаемся на стуже
И рвемся в самый жар.
Кто — к печке, кто — к мотору,
Кто — к дикому костру,
А кто — и к разговору,
Где искры на ветру.
Скорей бы отогреться!
Не чувствуем сперва,
Как стелется под сердце
Опасно синева.
Лишь легкое круженье,
Жужжание в ушах
И первое крушеньё —
В сторонку шаткий шаг.
В груди сильней удары.
Мы мним, что от тепла,
А это — от угара,
И кругом жизнь пошла.
Запросы, да вопросы,
Да вперевёрт езда —
И вот уже заносит
Черт знает и куда!
Очнешься в бездорожье,
Когда ты жив едва...
Так ум-то для чего же,
Своя-то голова?

1975

Слепят меня у теплой лавочки
Травинки росные с утра,
Как бы зеленые булабочки
С головками из серебра.
И удалые подорожники
То покачнутся, то замрут.
В ладонях держат остороженько
Бог знает что за изумруд.
Тропинка золотыми слитками
Передо мной умощена,
И кружевной нитью выткана
Среди ветвей голубизна.
Все для души! Желать чего еще?
Любуюсь, радуюсь опять
И на несметные сокровища
Остерегаюсь я ступать.

1975

* * *

Время будит... Звон часов
Падает, как будто
Это падает засов
Из потемок в утро.
Выходи и день твори!
Что-то, что-то будет...
Торопись: на две зари
Жизнь твоя убудет.

1975

Пройдет и это, как сказал поэт
С улыбкой и печалью ясновидца.
Замены нет и повторений нет
Того, что было иль должно явиться.
Сажу на берегу в закате дня,
Смотрю на серебро воды... Так что же?
Ведь вместе с тем, что ненавижу я,
Пройдет и то, что мне всего дороже.

1975

Седину носить не стыдно —
Знак отличия навек.
Издаেকে сразу видно,
Что бывалый человек.
Седину носить не просто —
В ней свой отблеск обрело
Дум нелегких благородство,
Дней прожитых серебро.
Седину носить красиво —
Чистым снегом порошить,
И охота с большей силой
Лучше прожитого жить.

1975

КРОСНЬКІ
П'ЯНІ
1976-1980

Якову Ухсаю

Брожу в вологодских лесах
 (О свет наших пашенных родин!)
 И вижу, как Яков Ухсай
 В чувашских орешниках бродит.
 В обличье крестьянском его
 Суровая нежность поэта —
 И в мудрых глазах оттого
 Так много лукавого света.
 Он жизнью продут, прокален,
 А жизнь — это крылья запева.
 И в жизни не горбится он —
 Из крепкого вытесан древа...
 Я помню прощальную грусть.
 Сказал он, годами постарше:
 «Я смерти и той не боюсь,
 Лишь в слове извериться страшно».
 Он дружески руку пожал.
 И, словно в лугу от ромашек,
 Сиял чебоксарский вокзал
 От вышивок и от чувашек...
 И вот в вологодских лесах
 Брожу я по ясной погоде
 И вижу, как Яков Ухсай
 В чувашских орешниках бродит.
 Мы порознь, а ищем одно,—
 Мы ищем надежное слово,
 Чтоб было оно как зерно.
 Ведь столько набито половы!
 И в улицах, пашнях, лесах
 Мы бродим упорно и долго...
 «Нашел ли ты, Яков Ухсай?»—
 «Нашел!»— донеслось из-за Волги.

1976

Когда устанешь от забот и слов,
 Скажу, пусть невпопад, средь разговора:
 «А далеко-далеко меж холмов
 Зеленые тракайские озера...»
 И замолчим. И вновь охватит нас
 Теплом песка. Он янтарем расстелен.
 И в глубине твоих славянских глаз
 Литовский хмель мелькнет, лукав и зелен.
 Он золотисто зрел по берегам
 И обвивал кусты игрой узора,
 И глубь небес распахивали нам
 Прозрачные тракайские озера...
 Что возраст, годы — лишь была б любви!
 И ты, другим ни в чем не уступая,
 В расплеске волн казалась голубой,
 А из воды ступала золотая.
 Окатывали радостью меня
 И близость губ, и мимолетность взора,
 И сосен шум глухой, и ярость дня,
 И гулкие тракайские озера...
 Дубы темнели, в горизонт влиты.
 Они в тиши до сердца доносили
 Тревожные сказания Литвы
 С глубокими сказаньями России.
 И красный замок башни распростер
 Подобием забытого дозора.
 Он выходил из сумрачных озер,
 А уходил в певучие озера.
 И жизнь сверкала, пенилась вокруг
 В разгоне яхт и в стуке кружек пива —
 И в нашу речь литовской речи звук
 Вплетался мягко и неторопливо...
 Нет, никаких не надо больше слов,
 Когда напомним я средь разговора:
 «А далеко-далёко меж холмов
 Зеленые тракайские озера!»

1976

А. Тихоненкову

Не приходилось, не гостил
 Я в золотой Сукманице,
 И вот душа — ну нету сил —
 Туда сегодня тянется.
 Но никого там из родни,
 Хотя места исконные,
 Пожалуй, только лишь одни
 Березы там знакомые.
 К березам! Берегом иду,
 А берег осыпается.
 Вокруг деревни на виду,
 А дальше всех Сукманица.
 В залесье клюквенном, глухом,
 Как прибауток вотчина,
 Она поставлена на холм
 И речкой оторочена.
 Смешок плывет от стариков:
 Кто ходит на Сукманицу,
 Тому за приткось сто грехов —
 Как не было — прощается.
 А есть такие — как не быть,—
 Кому бы на Сукманицу
 Не раз, а десять раз сходить,
 Но разве кто признается?
 Нет, не признается вовек!
 Не потому ль — по-вашему —
 Сюда лишь редкий человек,
 Как я, тропу налаживал?
 Тропа, как жизнь,— то вверх, то вниз,
 Тяжелая, осенняя.
 Топина рядом. Оступись —
 Ищи тогда спасения.
 Потом река, а в ней вода
 Каленая, кусается.
 Я все прошел, и лишь тогда

Открылась мне Сукманица.
На золотистой крутизне,
Как вышивка на поясе,
Изба к избе, изба к избе —
Аж и моргнуть-то боязно.
Вдруг пропадут,— моргнешь — и нет:
Настолько стародавние!
От стен — янтарный теплый свет,
От окон — холодание.
Крылечки тут, калитки тут
С узорами-заветами.
Какие тайны стерегут?
Какие были ведают?
И ни души. Покой! Но вдруг
Калиткой, слышу, щелкнули.
Иду и вижу двух старух —
Какие краснощекие!
«Дак воздух экой,— мне они
В ответ.— Ну, не утеха ли!
Да, здесь, голубчик, мы одни,
Да, все давно уехали!»
И чаем здесь, на берегу,
Меня старухи потчуют.
И я без них уж не могу
Представить землю отчую.

Тех мужиков давно уж нету,
Но их дома — что терема —
Возносят гордую примету
Мастеровитого ума.
Те мужики простор околиц
Делили клином межевым,
Но неделимым был колодец,
И был заулочек неделим.
И ребятня в заулке этом,
Кипя свободой озорной,
В траве валялась теплым летом
И горку ладила зимой.
А меж домами у колодца,
Где проходили мужики,
Им было сладко наколоться
На смех и бабьи языки...
О тех домах твердят и ныне,
Что богатеи жили тут.
Купив дома, жильцы иные
Теперь по-новому живут.
Давно льняной простор околиц
Распахнут, словно небосклон,
Но на замке зато колодец,
Да и заулочек поделен.
И молчаливые соседи,
Высокомерья не тая,
Из-под замка прохладу цедят —
Бадья у каждого своя.
И в том заулке, в тех ромашках,
Держа равнение городьбы,
Стоят столбы в смолистых бляшках
И морщат стесанные лбы.

1976

Ведь ты — не просто ты,
 Лишь имя в списке.
 В тебе все лучшие черты
 Твоих же близких.
 И тех, кого уж нет,
 Кто жил задолго.
 Ведь ты рождался сотни лет —
 Подумай только!
 И потому вобрал
 Такие силы,
 Чтобы на подвиги добра
 Тебя возносили.
 Чтобы судьбою всей,
 Пусть даже краткой,
 Явил ты в исконной красе
 Родной характер!
 А если упадешь
 В глазах чужих, жестоких,
 Твое убожество — как ложь,
 Как тень,
                   падет на стольких!..

1976

Здесь мельница была. Заросший вид.
И до него мне — никакого дела.
Но для кого-то здесь ивняк шумит,
Как прежде грустно мельница шумела.
А дальше берег, оголенный весь.
Была же роща. Нет ее в помине.
Но звень гармошек, что томила здесь,
И с пустыря иным слышна поныне!
Вот ельник на пути. Тот самый, тот.
Брусничники в нем стелются втугую.
Другой здесь с равнодушием пройдет,
А я, тебя припомнив, затоскую...
И так во всем, что видится сейчас
Иль наплывает памятью живую,
Хранит природа сокровенно связь
Вот здесь с твоей, а там с другой душою.
Во всем — недавно было иль давно —
Есть чья-то радость, боль иль просто мета.
Людскою тайной все озарено.
Безгласного и пня в природе нету.

1976

ГОРНОСТАЙ

Из порыжелого куста,
Передо мной весь на виду,
Метнулся белый горностаи
И ослепил на темном льду.
А лед был тонок. На прыжок
Он отозвался, что хрусталь,
И, словно брошенный снежок,
Застыл в испуге горностаи.
И замер я. Тревога нас
Связала вмиг наедине.
И две дробинки черных глаз
С реки запали в сердце мне.
Вот он отчаянно привстал
И прямо к берегу, ко мне.
Сверкнул в полете горностаи
И вдруг растаял в желтизне...
А в небе звенья птичьих стай,
А вечер холоден и тих.
А в сердце снежный горностаи
Летучих радостей моих.

1976

Треск по лесу по всему,
И во льду трескучем речка.
Солнце треснуло в дыму
На два красные колечка.
И под треск углов в дому
Золотится с треском печка.

1976

Метель, дорогу бодая,
Скользит, наскочив на лед.
А женщина молодая
На санках сына везет.

У нас в душе холодает
И стужей тянет с бород,
А женщина молодая
На санках сына везет.

И, эту даль покидая,
Оглянемся в свой черед.
А женщина молодая
На санках сына везет.

И в долгой метели веют
Здоровьем русской зари
Над санками и над нею
Красные снегири...

1976

День или вечер — не понять.
О, дождь нас доконает.
Рванулся «газик», но опять
Рванулся до канавы.
В крыльце стою, тоска берет.
Что ж, закаляй характер.
Из птиц лишь слышен самолет,
А из зверей — лишь трактор...
Наутро встал, гляжу в окно —
Лес облетевший красен,
Красна стерня, село красно,
Красны жердины прясел.
И возле красной колеи
Жар-птицею ворона
И снегирями воробьи
Разыскивают зерна.
Ах, боже мой, какой денек
Сменил-таки потемки!
И вздох глубок, и шаг легок,
И все дороги звонки.

1976

ОСИНКИ

Они и без ветра лопочут,
Осинки у тихих дорог,
И как от щекотки хохочут,
Лишь дунет на них ветерок.
Задумавшись тяжело и смутно,
Но слушая их кутерьму,
Ты сам улыбнешься чему-то,
Не ведая толком — чему.
И взглядом окинешь осинки,
И шаг свой замедлишь чуть-чуть,
Но этой мгновенной запинки
Хватает, чтоб легче вздохнуть.

1976

Люблю приехать в августе
В ржаную благодать.
Сказать-услышать «Здравствуйте»—
Как земляков обнять,
Как поклониться родине
И на лицо, на грудь
Росистый куст смородины
Друг другу отряхнуть.
Иду я всюду запросто,
В душе коплю зарю.
И встречные мне: «Здравствуйте»,
Я — то же говорю.
И школьники глазастые,
Путь уступая мне,
Смущенно тянут: «Здравствуйте»,
Я — то же ребятне.
И старцы, уж бесстрастные,
Сидят, глядят на свет.
Я кланяюсь им: «Здравствуйте»—
И слышу их привет...
Люблю приехать в августе,
Да дело ведь не в том.
Всегда здесь слово «Здравствуйте»
Овеяно теплом.
И за века не выстыло
И, вея далью той,
Людей связует исстари
Высокой добротой.
Живите, люди, здравствуйте,
Поменьше только хвастайте,
А крепче государствуйте!

1977

Взглянул на мать тревожно: как сдала!—
И сердце враз упало и заныло.
Приехать бы пораньше — всё дела,
Да что кривить — приехать можно было.
Но от нее хотя б какой упрек,
Хотя б намек на это... Вновь бодрится:
«Ну, как твое здоровье-то, сынок?..»
О тихое величье материнства!

1977

Не с важностью седого антиквара,
 А с удивленьем, что нашелся спрос,
 Он из подвальной тьмы три самовара,
 Как темно-рыжих домовых, принес.
 «Вот,— показал,— занятно, так любуйся.
 Могу — тебе, а то в сельпо отдам.
 Такой металл там принимает Люся
 По тридцать три копейки килограмм...»
 Был чистый день. Три старых самовара,
 Как запыленных три богатыря,
 Теперь стояли, словно три товара,
 Крыльцо стыдливо светом озаря.
 Один — огромный, в синеве прокалин,
 С медалями, впечатанными в медь,
 Как будто ожил. И сказал хозяин:
 «Он полдеревни может отогреть».
 Другой хоть и пониже, да потолще,
 Что баба сарафанная на вид.
 Хозяин усмехнулся: «Вроде тещи,—
 Лишь спичку поднеси — и зашумит».
 А третий был всех более заманчив:
 Высок и легок, по бокам — узор.
 Махнул хозяин: «Ежели для дачи,
 Бери его. Не самовар — собор!»
 И из жаровни, сумраком забитой,
 Он вытряс без печали и тоски
 Золу минувших красных чаепитий
 И славных лет седые угольки.
 «Так сколько же?»—замаялся гость приезжий.
 «А, что там, на — красавца получай
 И — в магазин. Я человек не прежний,
 Я чай не пью, так надо не на чай...»
 И вот покупку спрятали в багажник,
 Бумагой притушили сверху жар...
 Ну что ж, судьба изменчива, и даже
 Твоя судьба, российский самовар.
 Отныне будешь не в избе — на даче

Казать гостям свою былую статью.
Пока они о старине судачат,
Ты станешь, словно церковка, блистать.
Не от углей, а от сосновых шишек
Теперь тебе по выходным шуметь,
Дивить смысленых городских мальчишек,
Вставая как рассерженный медведь.
И если только бабка приведется
Среди гостей, то лишь она поймет,
Как здесь тебе невесело поется:
Не то застолье и размах не тот.
И после всех на кухоньке укромной
С тобой в молчанье посидит рядком
И, вспомнив жизнь, как земляка укроет
Тебя старинным ласковым платком.

1977

Самолет реактивный в небе
Проплывает наискосок,
Будто это на светлом стебле
Золотой плывет колосок.
А за ним, сотрясая воздух,
Гром далекий катится в след,
Будто это слышится отзвук
За века пережитых бед.
Я стою, смотрю на колосья,
А на пашне у самых ног,
Как из детских лет прокололся,
Робко топчется василек.

1977

В единстве тайном меж собой
Под пенье, шорохи и звоны
Льет с неба ливень голубой,
А в небо ливень льет зеленый.
Я руки вскинувши тяну,
В своей тщете самоуверен,
Достать хочу голубизну,
А спотыкаюсь вновь о зелень...

1977

Не выхваляясь, не крича
 О родовых основах,
 Стоят деревни на ключах,
 На глубях родниковых.
 Красу умели отыскать
 И топором, и взглядом —
 Чтоб ширь и высь — душе под стать
 И ключ недремный рядом.
 В берестяной ли черпачок,
 В ладони ли, в ведерки
 Холодный, чистый родничок
 Плескал скороговорки.
 Он из таких всходил глубин,
 Пробил такие недра,
 Что зачерпни и пригуби —
 И впрямь душа бессмертна.
 Ключи! Поди-ка их сочти!..
 В отеческом пределе
 Их не убавилось почти,
 Но избы поредели.
 В тоске своей склоняясь ниц,
 С холмов — гнездовой древних
 Подобьем стылых странных птиц
 Крылами бьют деревни.
 Куда лететь? К какой меже?
 На юг или на север?
 Узорный облик их уже
 Пространствами рассеян...
 ...Ну а ключи? Они все там,
 На старых тех гнездовьях.
 И забывать опасно нам
 О них в дорогах новых.
 Ведь бьют они с таких глубин,
 Крушат такие недра,
 Что зачерпни и пригуби —
 И вновь душа бессмертна!

Бывало, я найду кулигу —
Ну, свежий ягодник в бору —
И никого к себе не кликну,
А, затаясь, один беру.
И день за днем тропу дозору,
Чтоб не наткнулся кто иной,
И, будто краденые зори,
Ношу бруснику за спиной...
Об этом я случайно вспомнил,
Мальчишек встретив в тех лесах.
Шли порознь. Кто с корзиной полной,
А кто — увы — с тоской в глазах.
И замер я как виноватый,
К иному склонный дележу,
И закричал: «Пошли, ребята,
Я вам кулиги покажу!»
Но под восторженные клики
Я не узнал родной земли.
Ну где же прежние кулиги?
Все заросли, все заросли.
И ребятня печально сникла,
И я почувствовал тогда,
Как опахнула ТА брусника
Жарком давнишнего стыда.

1977

ЗАКАТ

В болото солнышко упало
На мхи, на ягоды... О, вид!
Во всей округе в окнах ало
По крупной клюквине горит!

1977

И было то, и это было...
Да, все бывало на Руси.
Спроси великие могилы
И безымянные спроси.
Читаю древние страницы —
Они теперь мне все нужней —
И вижу лица, лица, лица
Обеспокоенных мужей.
Век золотой, в каком он веке,
В каких же насыпях следы?
Во все века врагов набеги,
И ратоборство, и труды.
И в стольном Киеве когда-то
Не ради княжеской тщеты
Висели в золотой палате
Мечи, шелома и щиты.
И сотни раз всходили травы,
Но средь и нынешней травы,
Как городских твердынь оправы,
Валы и рвы, валы и рвы.
И мировые поединки
Не столь далеких, грозных лет.
На стенах снимки, снимки, снимки —
Окопный след, траншейный след.
Какие были потрясения!
А что там, что там — впереди?
Всем существом — веками всеми —
Ты, русский человек, гляди.

1977

Нет, не забыть мне той работы,
Которой были мы сильны:
До исступленья, до ломоты,
До ста потоков вдоль спины.
До крика дружного «Эх, взяли!»,
До сотрясения земли,
До стога, слышного едва ли,
До озаренья, что смогли.
До немоты, до ликования,
До той усталости, что в ночь
Лишь и помочь могла бы баня,
Да истопить ее невмочь...
Жизнь тех людей уж на излете.
Они уходят. Но и впредь
Их сокрушительной работе
В победной бронзе пламенеть.

1977

Люблю, как надвинутся с кручи,
Столкнутся один на один
Грозы темно-синие тучи
И красные тучи рябин.
В кипенье раскатном и грозном
Швыряет разгневанный лес
Охапками крупные гроздьа.
В разломы и окна небес.
Рассеются темные тучи,
А красные, радуя взгляд,
Еще ослепительней, жгуче
От молний упавших горят.
Горят над полями, домами,
Над Русью, опять голубой,
Над нашим крыльцом и над нами,
Все годы над нами с тобой.
Над ранней и поздней любовью,
Над песнями прожитых лет,
Над жизнью, над смертью, над болью,
Над теми, кого уже нет.

1977

Открыли, как отрыли
 В холмище вековым,
 В заносах снежной пыли
 Старинный русский дом.
 Дверь стронули натужно
 За ржавое кольцо —
 Порезалось о стужу
 И сердце, и лицо.
 И комнаты пустые
 Предстали как из мглы,
 Лишь выбелены стынью
 Окошки и углы...
 О, дом, давно забытый,
 Ты что в судьбе людей?
 Ты боль каких событий,
 Ты тень каких же дней?
 И где жильцы, что были
 Хозяевами тут,
 Рождались, и любили,
 И ладили уют?..
 Но что же ждать ответа
 От снега и от ветра?
 Тоска рождает дело —
 Не праздные слова.
 И вот обледенело
 В печах стучат дрова.
 И робко, долго, трудно
 Томится под смолой
 Огонь то рыжим трутнем,
 То золотой пчелой.
 И печи загудели,
 И вздрогнул мертвый
 дом,
 И, словно колыбели,
 Пары качнулись в нем.
 И, от угарной синьки
 Неясные пока,

Вдруг вытаяли снимки
Вразлет от косяка.
И есть чему дивиться —
Как из былых веков
Возникли смутно лица
Солдат и мужиков.
Суровы, бородаты,
Ни знаков, ни наград,
Ни имени, ни даты —
Как вечные глядят.

1977

ПЕЧАЛИ

Печали думать заставляют
И в шуме жизни, и в тиши.
Они, как свет в ночи, являют
И ширь ума, и глубь души.
И чтобы души не мельчали,
И чтобы разум не угас,
Не оставляют нас печали...
Беда, когда оставят нас.

1977

ДОЖДИНКА

Всего лишь капля... Миг — и нет,
Но с неба скатится дождинка —
И вырываются на свет
То лист, то почка, то травинка.
Всего лишь промельк, знобкий след,
Но ей полет высокий ведом,
И пласт моих прожитых лет
На миг она пронзает небом.

1977

Сыну

Советами своими не мешая,
Скажу я об одном наверняка:
Гнетет работа — знать, она чужая,
Своя работа в тягости легка.
Порой и обессилит, и измучит,
Навалится бессонницей она,
Но сделает тебя сильней и лучше,
И ты в ней весь, и этим жизнь красна!
А сколько тех, кто, сил своих не вызнав,
Век проживет, не сделав ничего.
Их тяготит в пути не бремя жизни,
А гнет неразуменья своего...
В себя смотри уверенно и строго
И выбирай работу навсегда.
А слава — что? У славы места много,
Но больше мест почетных у труда.

1977

И честолюбие, и слава
Томили с юности, и вот
Душа взметнулась и ослабла,
Почуяв будничности гнет.
Душа взметнулась впрямь как птица,
Но та, что осенью, отстав,
Взлетает в небо, чтоб разбиться
О беспощадный ледостав.
И перед этой тайной явью
Твердит усталый человек,
Что не подвержен он тщеславию,
А славы не желал вовек.

1977

Затуманивали тучи
Итальянское окно.
Я не знал, что так певуче
Называется оно.
За избой в тесовы сени
Прорубил когда-то дед,
Чтобы круглый год весенне,
Широко вливался свет.
Я название это с грустью
Повторяю так и сяк,
Опершись рукой на русский
Обрамляющий косяк.
Что томит в названье этом?
Как сюда занесено?..
В тишине играет светом
Итальянское окно.

1977

РОДИНА

Слов певучих тихая отрада,
Ширь без края, белый всплеск берез...
Все, что в жизни человеку надо,
Воедино только здесь слилось.
Родина — одно на свете чудо.
Было так всегда и будет впредь.
Лишь она и светит, и врачует,
Чтоб до смерти сердцем не скудеть.

1977

Что бы мне еще узнать
Из былого-прошлого?
Обо всем, что помнит мать,
Кажется, расспрошено.
Сядем, печку истопив,
У окошка снежного
Под березовый мотив
Самовара прежнего.
И наступит тишина.
Тут я и почувствую —
Мать опять отдалена
Тишиною грустною.
Улыбнусь и спохвачусь:
— Что не пьешь, чаевница?—
И она в смятенье чувств
Словно бы опомнится.
Вскинет добрые глаза,
Ну а в них непрошено
Поднимается слеза
Из былого-прошлого...

1977

Не спится матери, все бродит,
И домовая тишина,
Как горько сдвинутые брови,
Над сном моим напряжена.
Спросить бы, сесть бы с нею рядом,
Но знаю (было так не раз) —
Меня окинет резким взглядом
И не поднимет больше глаз.
И скажет: «Спи, да, я здорова,
Ну где же вам меня понять?» —
И отвернется, и ни слова...
Так что же мне поделаться, мать?
И впору вспыхнуть, рассердиться,
Не удержаться от обид,
Но поглядишь — она, как птица,
Как птица слабая, сидит.
Одна сидит в своем гнездовье,
Где выла буря, стынет тишь,
Одна сидит в платочке вдовьем,
И ты смолчишь.

1977

Запела мать... Да вправду ли запела?
Не плачет ли? Да точно ли она?
Я не дышу, стою оторопело.
Да, это мать. Не плачет. Песнь слышна!
Я редко слышал материно пенье,
Лишь в детстве раннем.
После — никогда.
И потому оно как откровенье
Сверкнувшего ручья из-под льда.
О чем она? Слова как будто в тайне,
Лишь голос пробивается едва.
Но жизнь, как снег, от этой песни тает,
Вот-вот и брызнет давняя трава...

1977

Дураки потешили народ,
Хоть того не понимали сами.
И вжигались горькими глазами
В тех, кто их обидно обзовет.
Где-нибудь в деревне на краю,
Не свыкаясь ни с хулой, ни с ложью,
Жили, словно шли по бездорожью,
Каждый на особину свою.
То топорик, то пастуший кнут,
То сума, а то, бывало, дудка,
Одежонка рваная, обутка —
А они пророками идут.
Что ни скажут — все-то напрямки,
Спляшут ли, споют ли — все не к месту.
Ну, толпа и тешится... Известно,
Кой-кому по нраву дураки.
Явятся — гони, хоть не гони,
Сдуру лезут на рожон без страху,
Отдадут последнюю рубаху —
Вот какие были!.. Где ж они?
Умерли в деревне дураки
Или, может быть, переселились —
Только нету их... Скажи на милость,
До чего ж теперь умы крепки!

1978

ТРИ ЗАРИ

(Поэма)

1

То ль нарочно, то ль случайно,
Ношу взяв под самый низ,
Грабли, встретясь, простучали
И не сразу разошлись.
Вскинул взгляд Иван и замер:
Машка встала наподхват,
Испытующе глазами
Зацепила смутный взгляд.
— Помогу, Иван Савельич,—
Обожгла витьем волос,—
Стариковская-то немочь
Обессилила небось...—
Сердце стронулось, вскипело
Так, что вымолвить не мог,
Лишь сглотнул оторопело
В горле вспыхнувший комок.
И от глаз, его вобравших,
В самом деле вдруг ослаб.
Эх, случись бы это раньше,
Ну, на двадцать лет хотя б —
Он нашелся бы, сказал ей!
А теперь,
Вот в этот миг,
Задохнулся пред глазами,
Словно вверх взлетел мужик.
Так близки глаза, что жутко,
Луг и небо — все они.
Прошептал Иван:— Ма-шут-ка,
Черт, ну что же — подмогни...—
И взметнули над ометом
Ношу сена впопыхах.
Полыхнуло диким медом
У обоих на губах.
Сено сыпалось, кололось...
Только вдруг в возне шальной:

— Эй, Савельич!— чей-то голос.—
Где ты?— кликнул за спиной.
В страхе он от губ отпрянул,
Как возник из-под копны.
Бабы шли к омету прямо,
Потаенно, не слышны.
С торопливо скрытой шуткой,
Чтоб волнение унять,
Усмехнулся:— Мы с Машуткой
Зачинаем стог метать
— Зачинайте, зачинайте,—
Бабы бросили намек,—
Только крепче уминайте,
А не то — какой же стог.
— Да и сами мы с глазами,—
Намекнул и он в ответ,—
Да и дело это знамо,
Будет стог, каких и нет...—
И, смеясь, взлетела Машка
В пене зелено-сенной.
У колен ее рубашка
Провихрилась белизной.
Что за дьявол в этой бабе!
Придурь грешная сладка,
Будто с маху на ухабе
Покачнуло мужика.
Все забыл: свою Наталью,
С коей тянет целый век;
Годы, скрытые за далью;
На висках, в сенинках, снег;
Хвори, боли и осколки,
Сторожившие войну,—
Все забыл и видел только
В небе женщину одну.
— Что руками не шевелишь?—
Подливали бабы хмель.—
Что стоишь, Иван Савельич,
Будто старый журавель?—
Над копною вскинул вилы,
С шумом вырвал тяжкий клок
И, почуяв, нету силы,
От растерянности взмок.
Отдышался незаметно,
Будто сызнава его

Просквозило мятым светом
И проветрило всего.
Стал размеренней во взмахе,
Обходя омет кругом,
Будто в красной он рубаше,
В красном лете молодом.
Только что же? Не Наталья,
Смуглою ног горя,
То скрываясь, то взлетая,
Вьется там, у стожаря.
А ведь это было, было!
Или виделось во сне,
Или в первый раз наплыло
В этой знойной белизне?
Два обличия мешались
То ль на сердце, то ль в глазах.
Поминутно обнажались
То ли удадь, то ли страх.
Как серебряная мелочь,
Листья сыпались меж вил.
— От травы-то, ой, Савельич,
Всю меня ты растравил!..—
И сама дразнила взглядом,
Платьем в выплеске лихом.
И ходила с солнцем рядом
Сокрушительным грехом.
Выше все и уже, уже...
Ну, еще один рывок —
И зеленым полукружьем
В синеву врисован стог!
И над самым тем закрайком,
Руки вскинув — два крыла,
Как заоблачная чайка,
В небе женщина плыла.
Взмах иль шаг неосторожный —
И качнется высота,
Но душа опасной дрожью,
Как хотелось, налита,
Вся была как зов, как вызов,
Попирающий предел,
И Иван Савельич снизу,
Замерев, застыв, глядел.
И опять шутили бабы:
— Да закрой, Савельич, рот,

Поддержи ее хотя бы —
Ведь и вправду уплывет...—
И взвилось звонкоголосо,
Дикой удалью пьяня,
Над людьми и над покосом:
«Ну, имай, имай меня!»
Словно время расколосось,
И сквозь жизнь, по самый край,
Проносился женский голос:
«Ну, имай, имай, имай!»
Как призыв и как моление,
Как томление и игра,
Ослепление и прозрение
Сути жизни и добра.
Вспыхнув силою могучей
И поймав за жаркий стан,
С гребня стога, словно с тучи,
Принял женщину Иван.
Жадно, будто без рассудка,
Задержал, качнувшись вбок,
И в лицо ей: «Ну, Машутка!»—
Только выдохнуть и смог.
Встрепетала впрямь, как птица,
Но не выпала из рук.
Жаром тела, зноем ситца
Разность лет спалила вдруг.
Прошептала: «Бабы рядом,
Отпусти, потом приду...»
Стог окинув гордым взглядом,
Отряхнулась на виду.

2

Принесла простокваши на стол,
Да такой — холодели стаканы,
Когда булькал из банки настой
Молодой и веселой сметаны.
Лук сверкал, буйноперист и свеж,
И картошка румяно дымилась.
Говорила Наталья: «Ну, ешь,
Ведь устал»— и напротив садилась.
Всю-то жизнь, почитай, тридцать лет,
Как рябина, припавшая к дубу,

Все с Иваном, все с мужем — след в след,
Слово в слово и думушка в думу.
Прежним бабам по нраву сродни,
Хорошела в душевном порыве
Тихим светом — в погожие дни,
Светом трепетным — в дни горевые.
И не думала вовсе о том,
Что теперь на уме у любого:
Залетало ли счастье в дом,
Словно птица пера золотого?
Просто дом свой трудом берегла,
Как судьбы и порядка начало,
Просто сердцу хотелось тепла,
Но его выпадало так мало.
Две войны: с первой, финской, она
До победы в большой — без Ивана.
И, обычаем древним верна,
В заклинаньях была неустанна.
Да, склонялась не раз в те года
Пред иконой, слезами облитой...
Муж вернулся! Решила тогда,
Что спасла в самом деле молитвой.
Муж вернулся — вот счастье! Оно —
Соловьи по углам — вот какое!
Только то, что томило давно,
Вновь ожгло и лишило покоя.
Нет детей... Хоть прощай, хоть позорь.
А любила-то как — знают двое.
Впрямь рябина без ягодных зорь,
С опаленной, осенней листвою.
Не позорил, смирился Иван
И прощать не прощал — горше казни.
И меж ними тянулся туман
Молчаливой тоски и боязни...
Ужин был — не покосный кулеш,
Мастерица домашнего дела,
Хлопотала, старалась: «Ну, ешь»,
Угодить по привычке хотела.
Ел он вяло, потупив глаза,
А потом закурил, как оттаял.
«Ты, смотрю я, — тоскливо сказал, —
Остарела чего-то, Наталья». —
«Ну так что же поделать, Иван,
Ведь не молод и ты», — улыбнулась

И оправила свой сарафан,
Не оправила только сутулость.
Он вздохнул и замял разговор
И, коснувшись какого-то дела,
Вышел в сени, спустился на двор.
Вслед печально она поглядела.
...Он дышал теплым хмелем земли,
Шел, бежал, потаенный и чуткий,
И среди елок в закате цвели
Облаков снегириныные грудки.
Торопился: сказала «приду».
И цветы, как оглянется, сзади
Представлялись ему, как в бреду,
Все глазами, чужими глазами.
А кусты то вскипали огнем,
То в тени головнями чернели.
Сердце пело и падало в нем,
И взлетала тропа, как качели.
Вот он, тот наконец сеновал,
Старый, брошенный, полузабытый.
Он немало всего повидал,
Сеном лишь для ночевок набитый.
Здесь условлено. Дух перевел...
Это ты ли, Иван да Савельич?
Стрелки, что ли, годов перевел
Или в молодость сызнова веришь?
Что с тобой?.. Он курил и не знал,
Сам себе задавая вопросы.
Но в глазах — сеновал, сеновал,
А над ним липняки-медоносы.
Он вошел, ничего не решив,
И увидел — она улыбалась.
И земля покачнулась, как взрыв,
И зеленою бездной распалась...

3

Развязал Иван мешок
И, стряхнув бумажки,
Ослепительно извлек
Голубые чашки.
И Машутка обмерла:
Не ждала такого —

Посреди ее стола
Звона голубого.
«Ой, Савельич, дорогой!» —
Села, обнимая.
Отстранился он рукой,
Требуя вниманья.
И в один широкий взмах
На плечах лукавых
Запылал платок в цветах,
В золотых купавах...
Лили водку, что росу,
Подымали жарко
За свиданье и красу
Тайного подарка.
Полыхали те цветы,
Падали и вяли,
Все заметней налиты
Сумраком печали.
При зашторенном окне,
При глухом запоре,
При попутчике — вине
И соседе — горе.
Он терял, что конь гужи,
Сдержанность рассудка:
«Что же дальше-то, скажи,
Ну, ответь, Машутка».
Обожгла плечом она:
«Только не сегодня.
Разведенная жена,
Я во всем свободна!»
Закурил, нахмурил бровь
Пьяно и потешно:
«Это что ж у нас, любовь?» —
«Да, любовь, конечно!»
Взбила волосы волной:
«А любовь — как праздник».
Он вздохнул: «Тебе вольно». —
«Ты не волен разве?
Что неволить-то тебя?»
Глянула без горя,
И жалея, и любя,
И дразня, и споря.
Жить решившая легко,
Обещая встречи,

Им подаренным платком
Стягивала плечи.
И сгорала смутность лжи
Перед красотой:
«Ой, Савельич, не тужи,
Хорошо с тобою!..»
...Лишь ступил к себе домой —
Увидал Наталью.
Взгляд пронзительно прямой.
Скованный печалью.
Как на боль, на этот взгляд
Он наткнулся с дрожью.
Не шагнуть уже назад,
Не прикрыться ложью.
Понял он, что поняла,
Рухнул мир единый!
И меж ними гладь стола
Протянулась льдиной.
Сел на лавку, грузно сник
В тишине печальной.
Легче б ругань, легче б крик,
Чем ее молчанье.
Но она ждала, крепясь
На таком пределе,
Что недвижимо у глаз
Слезы тяжелели.
«Не могу я!— грохнул в стол.—
Не могу, Наталья!
Я, поди, с ума сошел,
Ну, скажи, святая!»
«Что сказать тебе, Иван?
Машка лучше знает.
Горше горя, чем обман,
Знаю, не бывает».—
«Мне любá она, любá!—
Выкрики взлетали...
Набок падала изба
В сердце у Натальи.

Первых весен побережье
Будто в дымке голубой.

Там румянцем детским брезжит,
Там глядит из сказок прежних
Робко первая любовь.
Робкий взгляд взойдет очами
Над дорогою любой —
Мир предстанет изначально,
Вспыхнет радугой венчальной,
В песню сложится любовь.
Стает радуга, а солнце
Утвердится над судьбой.
Чистым плеском из колодца,
Детским криком обернется,
В праздник вырастет любовь.
Грянут грозы и утраты,
И к сердцам подступит боль —
Слезы высушит утрами,
Словом скажется отрадным
И разделит хлеб любовь.
Зим последних побережье
Издалека студит кровь.
Но таит тепло, как прежде,
Но глядит с дороги снежной
Снова сказкою любовь...
Крепок духом тот, кто любит,
Встретив жизни круговерть.
Ведь не зря сказали люди:
Лишь один соперник лютый
У любви на свете — смерть.
Лишь любовь, сердце касаясь,
Свет возносит красоты,
Лишь она — тщете на зависть,
Светит прелестью красавиц
Сквозь обычные черты.
И великим жизнетворцем,
Не давая в грязь упасть,
Сквозь соблазны мира рвется
Страсть, пронизанная солнцем, —
Возвышающая страсть!
Но легко, но так удобно
Принимать в потоке встреч
За любовь — ее подобье,
За цветение — бесплодые,
За мольбу — пустую речь.
И ссылаться на эпоху,

Словеса плести свои,
Что не время слез и вздохов.
Словно оборотень, похоть
Точит лясы: «Нет любви!
Лишь свобода движет нами,
Поспевай за быстрым днем!»
...И Наталья в эту заметь
С разоренными глазами
Разоренным шла путем.
С ночи той, когда узналось,
Каменела в тишине.
Не обида и не жалость,
А тоска в душе свивалась,
Как береста на огне.
Гнула спину в огороде
И не слушала о том,
Как смеются при народе,
Как о них плетут-городят
Под любым теперь окном.
Не водою, а слезами
Поливала зелен лук.
Жизнь, как узел, развязали,
Где концы — не знали сами...
В это время — новость вдруг.
Пронеслась потешным свистом,
Обожгла насмешкой злой:
«Машка с Федькой-трактористом!..
Благодать — на поле чистом...
Старика — ха-ха — долой!»
И Савельич, ликом серый,
В сердце чувствуя обвал,
С глаз уйдя, метался зверем,
Ждать не мог, ушам не верил.
Вызвать к Федьке запетлял.

5

Федька был мужик приезжий,
Расчищал заросший лог.
«Вон,— шутили,— ломит, леший»,
Видя, как осинник грешный

Он таранил и волок.
День сиял, как праздник редкий,
Но Ивану — что туман.
Через корни, ямы, ветки
Проскочил — и прямо к Федьке.
Тяжело дышал Иван.
Удивился тот немало,
Из кабины наземь слез,
Руку подал, как бывало,
Но, руки не взяв, обвалом
Встал Иван наперерез.
И рванул ему рубашку,
Зло взметнул бровей изгиб:
— Ну, скажи, — ты любишь Машку? —
Федька сразу — наотмашку,
От себя его отшиб.

— На дуэль пришел — ох, дети —
Где же ружья иль ножи?

— Ну, ответь же!..

— Что ответить?

Бают бабы — носит ветер.
— Отступись! — Ты ей скажи...
Сник Иван не от ушиба —
Понял: Машка здесь была.
Боль глаза запорошила,
Будто грохнулась вершина,
Придавила, оплела.
...Шаг его вязали ветки.
Жар катили смоляно
Дров наставленные клетки.
Это все халтура Федьки
Здесьним бабам за вино.
«Может быть, и ей, — мелькнуло, —
За последки тайных встреч».
Душу мезтью оплеснуло,
Встал безумно и сутуло —
Запалить, сквитаться, сжечь!
Засвивалася береста
В золотые пояса,
И огонь большого роста,
Будто дьявол рыжехвостый,
Заскакал и заплясал.
А мужик вокруг метели
Заплясал и сам, чумной.

Бушевала легкость в теле,
Мухи красные летели,
Отшибал трескучий зной.
«С ней осталось рассчитаться,—
Пронеслось в безумье,— с ней!»
Побежал, не стал скрываться,
Не стучал условно пальцем —
Грохнул громом из дверей.
Побледневшая с испуга,
Машка встала:— Что с тобой?
— Изменила слову, сука!
Что теперь мне скажешь, ну-ка?—
Взвил кулак над головой.
— Что тут, что тут раскричался?—
Все поняв, сверкнула зло.—
Ты пока что не начальство,
Эх ты, собственник несчастный,
Эко, как тебя свело...—
И с лукавостью тревожной
Взгляд метнула молодой,
Для разгадки невозможный:
Не правдивый и не ложный,
С болью, лаской, маетой.
Так отчаянно вскипела
И сама светилась так
Шеей смуглой, грудью белой,
Что отпрянул оробело,
Отступил Иван на шаг.
И опять перед глазами
В белизне берестяной
Золотыми поясами
Всплески жара заплясали,
И отшиб Ивана зной...

6

Смех на берег летел на дальний,
На покосы глухих полян...
— Ты прости уж меня, Наталья...
— Что в моем прощенье, Иван...—
Отрешенно она сидела,
На виски надвинув платок.
Да она — взглянул — поседела!

И сказать ни слова не мог.
Заметался — изба большая,—
Вновь к жене присел на скамью.
— Зло тебя, Иван, сокрушает,
Ты очисти душу свою.
— Как очистить? Скажи, Наталья,
Помоги мне, спаси меня!
Помутился душой, устал я,
Нет теперь ни ночи, ни дня...—
И Наталья — ох, с верой древней,—
Ничего не сказав ему,
Ночью зябкой по-за деревней
Шла на хутор в тайную тьму.
Горевая душа — не злая,
Шла она, шептала в лесу.
«На войне от смерти спасла я
И от злой любви спасу».
Вот и хутор бабки Прасковьи.
Та умеет силою слов
Хворь нагнать и развеять скорби,
Дать любовь и отнять любовь.
Только надобно три продукта,
И Наталья — знала она —
Положила, рушник раскутав,
Рыбник, соль, бутылку вина.
А Прасковья — глаза что пчелы,—
С полуслова бабу поняв,
Унесла их в запечек черный
И овеяла духом трав.
Зашептала жарко и глухо,
И таинственные слова,
Словно рой, взвились над старухой,
Окружив ее рукава.
— Вот,— еду возвратила,— сила,
Должен выпить и должен съесть.
Ты же делай так (научила).
Я отсюда вам вышлю весть.—
...Замирало сердце Натальи
(Помоги ей, добрый туман),
Чтобы люди не увидали
И вовек не узнал Иван.
Ночью поздней — дыханье рвется —
Незаметная, со двора
Выходила на три колодца,

Тихо черпала в три ведра.
По ведру уносила трижды
(Травка-матушка, их укрой)
И зарю — только проблеск выждав,
К ведам шла потайной тропой.
Встав лицом на зарю, к восходу,
Как у края смертной межи,
Разливать начинала воду
(Ковшик-батюшка, не дрожи).
А заря вставала просторно,
И Наталья — жива, жива!—
Будто чуяла, как Прасковья
Влет послала свои слова.
Пламенели леса и травы,
Пели птицы наперебой.
Ковш — налево и ковш — направо,
Третий ковшик — перед собой.
И лицо ее розовело,
И дышалось опять легко,
Словно вымылась чистотелом
И утерлась белым платком.
Мир, огромный, зеленый, свежий,
Трепетал, звенел и журчал.
Ветер пройденных побережий
Уносил к началу начал...
По три зори так выходила,
Обжигала роса бела...
Что-то будет — сердце студила,
Что-то будет — в страхе ждала...

7

Рыбник, соль, бутылка вина
Посреди закуски попутной.
Ешь, Иван, пей, Иван, до дна
И винись, коли черт попутал!
Про себя дивился сперва,
Как садился за стол к Наталье,
Этой щедрости, но слова
Костью рыбной в горле встали.
А она разливала чай,
И была тревожно-печальна,
И как будто бы невзначай,

Замерев, взглядом взгляд встречала.
Вечерело. Стих сенокос.
Эх, давай-ка окно откроем!
И заря в гущине берез
Золотым зашумела роем.
И мягчел, веселел Иван,
На жену взглянул по-иному,
Папироску стряхнул в бурьян,
Подступивший к самому дому.
И решил, что сказать пора:
Ты прости, тебя измотал я.
Ты всю жизнь чиста и добра,
Я жалею тебя, Наталья.
— Ведь и я жалею тебя,—
Вспыхнув вся, изменилась разом,—
Сколько прожито. Все любя.
Все с отцовским живу наказом.
— А во мне, вот видишь, изьян.
— Ну, оправившись. Хватит веку.
Жизнь дана для того, Иван,
Чтоб очиститься человеку.—
Он молчал, и с ветвей берез
По столу, по стеклу бутылки,
По лицу пролетали вкось,
Словно рой, огневые блики.
И Наталья, глядя в окно,
В даль заречную, замолчала.
Он такой не видел давно —
С лет военных, с того начала.
Столько верности и тепла —
«Да она же моя, родная!»
Встала живо, в кухню пошла —
Взгляд светлел, ее провожая.
Вдруг несет икону она:
— Ты не веришь, но сделай милость,
Взглянь, когда катилась война,
На нее за тебя молилась...—
Он нахмурился: да, видал
Эту кухонную икону.
Потускневший желтый овал,
Женский лик, готовый к поклону.
Жар времен впитала доска,
Вспухла в трещинах, почернела.
Только он не умел искать

Света утра в свете вечернем.
Он покорно взглянул, затих,
Взгляд Натальи угрюмо встретив.
И почувствовал, что меж них
Вдруг продвинулся кто-то третий.
Взял опять бутылку Иван,
В рыбник вилкою ткнул и выпил.
И, когда опускал стакан,
Потянулся и соль рассыпал.
И, смахнув, смотрел на жену,
Как икону вешала в угол.
И в набухшую тишину
Два виска колотились туго.
Он смотрел и смотрел сейчас
То застыло, то беспокойно,
Резко смигивал что-то с глаз,
Заслонялся перед иконой.
Потемневший и скорбный лик
Уплывал, застилался мглою.
Свет внезапный за ним возник,
Воссияло лицо другое.
Как сквозь марево, все живей,
Сокрушив завесу разлада,
Вырывалось из-под бровей
Голубое упрямство взгляда.
И, отчетливей проступив,
Полыхнули, как два орешка,
Смуглых щек молодой налив
И на свежих губах усмешка.
И все ближе, и все крупней,
И могущественней заклатья,
Стан очерченный, взлет грудей,
Ветровое кипенье платья.
Угол дома сгорел, исчез,
Распахнулся простор со звоном,
И она — в синеве небес
На стогу, на холме зеленом!
Приподнялся Иван:— Она!—
Побледнела Наталья:— Кто же!—
И качнулась, потрясена.
— Да она, да Машутка!

Боже!—

...Закружился у самых глаз
Потолок в грозовом раскате.

И Иван Наталью затряс,
Заревел на краю кровати.
Умолял жену:— Говори.—
Клял себя, как бросал на колья...
Поздно было. Отблеск зари
Смерк у тихого изголовья.

1978

Бабы поснимали полушалки:
Вытаяли первые лужайки.
Словно это соты желтобоки
Медом налились на солнцепеке.
Бабы к ним, смеясь, бредут по снегу,
Будто не видали их от веку.
Добрались, ступили, как на угли —
Лишь трава, цветы давно потухли.
Ах, воспоминанья дорогие!
Что ж, цветы поднимутся другие...
Бабы, помолчав, переглянулись,
К солнышку щеками потянулись.
Снова щеки и смуглы и жарки...
Вытаяли первые лужайки.

1978

Что о старом? Отболело?
Отошло, как скрип колес,
И под этим храмом белым
Тишиною улеглось.
Что о том? Кричи хоть криком —
Не разбудишь эту тишь.
Лишь в смятении великом
Пред Софией постоишь.

1978

НЕУЗНАВАЕМОСТЬ

«Наш город стал незнаваем!»—
Как похвальба звучит опять.
О, горький смысл! Так изменяем,
Что стало вправду не узнать.
В неузнаваемости — серость
И разрушительный исход.
И что светилося или пелось,
При ней не светит, не поет...
А мы затем на свет родились,
Чтоб не остаться без следа,
Чтоб на особинку светились
И личности, и города!

1978

Нету Яшина, нет Рубцова,
 И Орлова меж нами нет.
 Долго будет не зарубцован
 На душе обугленный след.
 С кем теперь ни дружи и где бы,
 Мы увидим из мест любых
 Их стихов высокое небо,
 Молодое созвездье их.
 Все лучи с трех сторон — к России,
 Как и улицы их имен,
 К вологодской летят Софии —
 К чуду белому — с трех сторон.

1978

Меня дивили мощью города
И синевой окатывали дали,
И древности, забывшие года,
Высоким светом сердце зажигали.
А вот щемит печалью звон шмеля,
А за шмелем — пастушечья избушка,
А за избушкой — тихие поля,
А за полями — громкая кукушка.

1978

Женщина, уже немолодая,
В колыханье света и тепла
К солнышку внучонка поднимая,
Чувствует, что в осень забрела.
И она же, сыновей встречая,
Полная об их судьбе забот,
Если вспомнит годы, то случайно —
Будто бы под радуги идет.
И она же, оставаясь с мужем
(Господи, какой он стал смешной:
Седоватый, лысый, неуклюжий!),
Снова веет на него весной.
Той, когда черемуховый холод
Закружил их, запуржил навек...
Годы, годы — жизни переходы —
То цветы, то ягоды, то снег.

1978

СКВОРЕЦ

Как будто чертово кружало,
И суета, и толкотня.
Глядишь, а время убежало —
И горек дым пустого дня.
А вон скворец сидит на ветке,
И у него полно хлопот,
Но он вблизи своей соседки
Уж очень песенно живет.

1978

До колен зелена отава —
Хоть веди второй сенокос.
У тебя голова кудрява —
Ты вторую жену привез.
До колен зелена отава —
Только скосишь — не просушить.
У тебя голова кудрява —
Только как же вдругорядь жить?

1978

Кой-где и очереди тают,
А были — плотного плотней.
Меня заботы обступают
Теснее всех очередей.
Их провожаю и встречаю,
И все пред совестью в долгу.
Устану, обожгусь печалью
И, кажется, занемогу.
Нет, надо так работать сердцу
И надо так гореть уму,
Чтоб до конца зарею рдеться
Существованью моему.

1979

И Аристотель, мудрый грек,
Об этом ведал, глядя в лица:
Знать правду хочет человек,
А правды о себе страшится.
И речь затем изошрена,
Что правда мало в ней задета.
Мы думаем: в ней глубина,
А в ней — незнание ответа.

1979

Река спокойна... Иль она мертва?
Ни шороха, ни блеска и ни всплеска.
И лишь торчит какая-то трава,
Что вражьи стрелы, холодно и резко.
Я подошел к реке и посмотрел:
Она мертва!
Она мерцает ртутью...
Как будто на одну их этих стрел
Я, наклонившись, напоролся грудью.

1979

А мне-то что! — в сердцах я бросил —
Пускай творят чего хотят!
Не ставлю палки им в колеса,
Лишь отвожу с презреньем взгляд.
Но в этот миг ожгло упреком,
Как будто светом из-за штор.
Ведь у меня творят под боком,
Так почему же «мне-то что»?
А коль ошибкой выйдет — ну-ка —
То, что сегодня решено?
Пусть не меня коснется — внуков,
А это мне не все равно.

1979

* * *

От поколения к поколению,
Как знак, что жизнь всегда трудна,
Не только пónизу — коренья,
Но пóверху — и седина.

1979

Несовершенен, знаю, человек,
Но будет ли когда он совершенен?
Завинчен в уши многословный век
И в наши души крепко заантенен.
В метелях слов и песен мы живем
И не в домах, а будто в общем клубе,
И разучились признаваться в том,
Как мы друг друга бережем и любим.

1980

Вот и модны, да одиноки,
Вот и учены, да глупы.
И это жалость — не упреки:
Раз нет любви — так нет судьбы.
И ни при чем тут грады, веси...
Любви под силу жизнь сменить,
Все крайности уравновесить
И пламенем соединить.

1980

Для матери в день рожденья
Раскидисто и светло
Вот это стихотворенье
Черемухой зацвело...
Казалось бы, день заглавный,
Его ли не отмечать!
Но мы — как вину загладить? —
Свою забывали мать.
Она — да напомнит разве,
Подскажет разве она?
Ведь столько праздников разных,
И так широка страна.
О русское бескорыстье,
Безмерная доброта!
Немного великих истин,
Но эта — именно та.
До праздников ли домашних?
Себя позабудь, пока —
У младших — да и у старших —
Одѣжка еще легка...
За долю, за жизнь такую,
Которую нам принять,
Я руки твои целую,
Моя усталая мать.
Над нами в далях огромных
Немало копится гроз.
Но празднично от черемух
И буднично от берез.

1980

МАТЕРИНСКОЕ ОДЕЯЛО

«Ложись-ко спать. Устал, сынок»,—
И тащит одеяло.
И на меня от рук до ног
Что облако упало.
Она укрыла так любя,
Что сразу мне открыла
И очень малого себя,
И первожданность мира.

1980

СПОКОЙНОЕ УТРО

Какое спокойное утро!
Туманы с души унесло.
Вчера было горько и трудно,
Сегодня — легко и светло.
И я, умываясь, подумал,
Что надо бы радостно жить
И тяжкую думу под угол
Избы валуном положить.
А с матерью встретился взглядом —
Лицо осушило стыдом:
Хлопочет, усталая, рядом,
От думы в сиянье седом.

1980

- Как жизнь?— А лучше и не будет.
— Неужто?— Думаю, что так.
— Но люди...— Что ж, на то и люди,
Чтоб ожидать каких-то благ.
— А ты-то что?— А я счастливо
Пожил...— Достиг чего?— Достиг.
— Чего?— Трудись не суетливо,—
И улыбнулся мне старик.

1980

ШМЕЛЬ

Тяжел полет груженого шмеля.
Он оглашает в травяном затишье,
Что все цветы осмотрены не зря
И что от взятка не подняться выше.
Пусть не мешают! Он домой летит,
Туда, где в кочке восковая келья,
И он особо грозен и сердит
На тех, кто рядом вьется от безделья.

1980

Что цветешь, калина, поздно?
И о чем душе поет
Этот извитый многозвездно
Над проселками полет?
Трону стынущую ветку —
Снова памятью тянусь
К дорогому человеку,
Растревожившему Русь.
Рано, рано путь оставлен.
Вот и горько оттого.
Твой, калина, красный пламень
Бьется в имени его.
И под ветками твоими,
Где теперь пчелиный звон,
Не одно я вспомню имя —
Русь восходит от имен.
В них — отвага новых истин,
Гениальный разворот!
Только что-то слишком быстро
Время их дороги рвет.
Не печально ли, калина?
У тебя не оттого ль
Гроздья, холодом палимы,
Полыхают словно боль?..

1980

1

То открою, то закрою
 Книгу, взятую давно,
 То в одно, а то в другое
 Чуть не стучаюсь окно.
 Не пылится ли проселок,
 Не мелькнет ли на холме
 Старый «газик» между елок,
 Ковыляющий ко мне?
 Жил я долго одиноко
 По суровости мужской,
 И нависли возле окон
 Гнезда, свитые тоской.
 Ну, а ты легко и просто,
 Лишь приедешь, вскинешь

взгляд —

И в глухие эти гнезда
 Звонко ласточки влетят.

2

Ложь на сердце не приму,
 Не преувеличу —
 Поклоняюсь твоему
 Женскому величью.
 Столько сил откуда брать,
 И тепла, и света?
 Ведь твоя краса и стать
 В общей незаметна.
 Сами светятся дела
 От прикосновенья,
 Ты сама собой мила
 В тихий час волненья.

И во мне ты жжешь зарю
С возрастом не меньше.
И сквозь жизнь твою смотрю
Я на русских женщин.

1980

Погибали на моих глазах
Яблони. О, как черно, нелепо
Сучьев костенеющих размах
Громоздился в голубое небо!
Лишь один-единственный листок
Зеленел и трепыхался слабо,
Но и он погас, как бы истек,
Как душа из судорожных яблонь.
И присевший было воробей
Почирикать —

радостное дело!—

Что-то понял, смолк и оробел...
Что-то и во мне окоченело.
И теперь проснусь в полночной мгле,
Слышу скрип и скрип — до изнуренья,
Кажется — уже на всей земле
Мертвые качаются деревья,
Не могу! Все силы изошли!
Где моя душевная укрепа?
Гниль я вырубаю из земли,
Ветки выволакиваю с неба.

1980

«Ну вот, досидел без
дела,
Ступай,— говорит,—
домой».

Другая вскинула носом,
Хоть вид совсем неказисит,
А заходила с форсом:
«Эк выдумал, активист!»
А третья — под статью
заноze —

Смеется: «Ну-ну, хорош,
А в этом твоem колхозе
Опять бригадиром
хошь?»

Я плюнул с большой
досады —

Ну где сознание у баб?
Махнул рукой на посадки
И к дому побрел — ослаб.
Сижy вот, курю — а
горько,

Смотрю — никто не
пройдет,
И рядом со мною только
Шевелится черный кот.

Все думаю о тех, кто не пришел
С полей войны. О, как они бы жили!
Невзгоды наши — меньшее из зол —
Они б в мешки солдатские сложили.
И, закружив своих невест и жен
От радости, о, как бы их любили!
И не один бы гений был рожден,
Но гениев тех на войне убили...

1980

Н. М. Паутову

Прохожу я по музею —
 Вековому рубежу...
 Не восторженно глазею,
 А возвышенно гляжу.
 Да, не зря в душевном рвенье,
 Не жалея дней и сил,
 Все окрестные деревни
 Собиратель исходил.
 Удивлялись: да на что вам?
 Ну, а он искал, что мог,
 Будто бы со дня речного
 Золотой ловил песок.
 Из-под тягостного ила
 Поднимал, чтобы сполна
 Зацвела, заговорила
 И запела старина...
 Свет и тень летят на сердце,
 Время сдвинуто плечом.
 Людям есть во что взглядеться
 И задуматься о чем.
 В холодке резные прялки
 Будто стяги дней льняных,—
 Подойди, почувствуй — жарки
 От любви, согревшей их.
 Дуги — радуги бывшие,
 Пояса — полоски зорь,
 Ну и лапти, лапти в глине —
 Посмотри, но не позорь...
 Собиратель, честно маясь,
 Захотел черпнуть до дна,
 Но достал одну лишь малость:
 Ох, глубока старина.
 Все, что тяжко,— потонуло,
 Что не понято,— ушло.
 Лишь плывет высоким гулом

Что насущно и светло.
Эти прялки огнелики,
Эти дуги, шаркуны —
Только звоны, только блики
Той — под нами — глубины.
Эти льны, как утро, явны,
Кружева, как вздох, чисты —
Только тихое сиянье
Той — меж нами — красоты.
Эти древние строенья
На холмах земли родной —
Только выдох изумленья
Той — над нами — глубиной.

1980

Только травы на покосах лягут,
 Припасай лопату — столько ягод.
 А прокатит гром парной грозы —
 Той лопатой и грибы грузи.
 Это Север. Это русский Север.
 Здесь, содвинув домны и поля,
 Зреет сталь и зреет рожь и клевер.
 Здесь тугая от корней земля.
 Ельниками выпилено небо,
 И в прохладе белых городов,
 Словно весть веков, узорнолепно
 Легкое паренье куполов.
 Здесь дома, что кружева, воздушны.
 Люди — голубой да карий взор —
 Простодушны, нет, великодушны,
 Как велик за Вологодой простор.
 И частушки вяжут поясами,
 И по миру катится молва,
 Что за вологодскими лесами
 Вырастают спелые слова.
 В спелом слове — огневая сила.
 Взял его — будь к подвигу готов,
 Чтобы правда в книге проступила,
 Будто соль на спинах земляков,
 Будто эти в синих тучах дали,
 Где терпеньем, мужеством, трудом
 Поколенья землю обживали
 И где мы распахнуто живем.

1980

ДН
ПРОЗРЕНИЯ
1981-1987

СТОРОЖЕВОЙ ЛУЧ

Спать не могу. Лежу расстроясь.
Недвижна ночь над головой.
И в глубине сознания — совесть,
Как будто луч сторожевой.
Откуда он? В окошках звезды.
Их блеск тревожен и могуч.
Но в этот час, глухой и поздний,
Нет, не от них щемящий луч.
Он жгуч. Он будто откровенье.
Он пересекает толщи лет.
И чем обиднее забвенье,
Тем сокрушительнее свет.
Из рваной памяти, из боли,
Из мглы ошибочных дорог,
Из дел, которых не исполнил,
Из слов, каких сказать не смог.
Из полуправды, ставшей в горечь,
Из встреч, растрепанных уже.
Всеочищающая совесть,
Как жизни весть, горит в душе.

1981

ДОЧЕРИ

Семье Сухаревых

Четыре дочери — чьи, видно.
Румянцем щеки залиты.
Сестра сестру не отодвинет,
А лишь добавит красоты.
Четыре дочери — невесты!
Какая статья! И все живей
Взгляд родниковый, взор небесный
Под черным росчерком бровей.
В них материнская пригожесть.
Стоит отец, мужик простой,
Дивясь, робея и тревожась
Перед дочерней красотой.
Четыре дочери — загадки.
Что станет с ними в смене лет?..
То вспыхнет, то погаснет краткий
Огонь родительских примет.

1981

Июньский вечер тихий, теплый.
Рябь золотистого пруда
Отражена игрою стекол
В просторном доме, как тогда.
Уж сорок лет минуло, сорок!
Как в бликах трепетных отец
В нас поглядел — а взгляд был горек,—
Всех обнял, вышел и — исчез...
Сажу на лавке, на которой
Нас целовал в последний миг.
Стена — как жизни всей подпора,
Пазы — как строки древних книг.
И рябь колышется, трепещет
На потускневшем потолке,
И на часах с кукушкой вещей,
И на узорном рушнике.
Из дуновенья возникая,
Из дней, которых не забыл,
Как прикосанье, как сверканье,
Как гореванье чьих-то крыл.
Хочу узреть и различаю,
Но смутно так, не до конца,
Уже не горем, а печалью
И тень, и свет, и лик отца.

1981

МАТЬ
ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ОТЦА

Вот плачу я, а ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я — жена тебе.
Ты — молодой, а я-то, я...
Старуха — погляди.
Вот навестили сыновья —
Растаяло в груди.
Давно семейные они,
И ты давненько дед.
Ну, хоть словечко оброни,
Ты их узнал иль нет.
Я твой исполнила наказ,
Все просьбы до одной.
Ребята добрые у нас —
Порадуйся со мной.
Вот станут в клубе выступать
На людях, на виду.
Сказали мне: «Пойдем-ка, мать».
Да я уж не дойду.
С тобой — так мне и час бы лих,
Мы сели б в средний ряд,
Чтобы услышать, что о них
Соседи говорят.
Но ты молчишь, но ты молчишь...
Единственный в судьбе,
Порушь немую эту тишь.
Ведь я — жена тебе.

1981

Я знаю, что это не ново,
Но сердце болит оттого,
Что липы густеют медово,
А в доме и нет никого.
Не пчелы, как прежде, а овод
Гудит у плеча моего.
Хозяйка не выйдет навстречу,
Хозяин, как свой человек,
Не хлопнет меня по заплечью,
Мол, вспомнил, прибрел на ночлег,
Их чистой окатистой речью
Душе не умыться вовек...
А было — под стопку крутую
Он память свою раздвигал,
Как с боем, от горя лютуя,
Вломились в берлинский квартал.
Как чашу пинал золотую,
С дороги пинал, а не взял.
А было — мигнет мне хозяйка,
Мол, деда опять повело,
Мол, к меду поближе давай-ка,
А то от вина тяжело.
И чаю нальет — вот заварка,
И веяло жизни тепло...
Что минет — воротится в душу...
Как мелко я жил и дружил,
Как мало я слушался, слушал,
Как редко гостинцы возил...
Сжигает полынною сушью
Меня у родимых могил.

1981

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

Александр Яшин

Она, смеясь, лиловый плащик
Перехватила пояском
И — прыг из туфелек блестящих
И — скок с крылечка босиком.
Сперва прошла по тропке влажной.
Как зябко, щекотно ступаты!
Она вбирала жилкой каждой
Земли весенней благодать.
И побежала — вся как радость
И ожиданье перемен!
Трава ласкалась и плескалась
У белых девичьих колен...
Старушки, сидя прежним ладом,
Забыли сладкое нытье.
За ней тянулись добрым взглядом
И толковали про нее.
— Она из наших, настоящих,
Сказала: «Дома поживу...»—
Уже в полях лиловый плащик
Летел, как искра, в синеву.
— Ох, парни что-то долго дремлют.
— Да, девка с бойкою судьбой.
Любую ярмарку в деревню
Она утащит за собой!..

1981

Самолеты гром проносят в небе,
Пчелы — звон в медовых клеверах,
Перелески — вольный шум. А мне бы
Гул работы разбудить в словах.
Я о счастье больше не толкую:
Эти полдни значат что-нибудь.
С солнечной тропы на теньвую
Для раздумий лучше повернуть.
Верно ли живем? Отцы желали,
Погибая на войне за нас,
Умной жизни, только мы всегда ли
Помним кровью облитый наказ?
Просто прыгать с кочки да на кочку.
Потруднее обиходить дом.
В одиночку жить, как жить в рассрочку
И долгов не отквитать потом...
Самолеты гром проносят в небе,
Пчелы — звон в медовых клеверах,
А для друга дальнего и мне бы
Гул работы разбудить в словах.
И про то, о чем я думал ныне,
Может быть, подумает и он.
Мир зеленый. Купол неба синий.
Эхо нескончаемых времен.

1981

С просьбой тихой и неловкой
Мать стоит передо мной:
«Мне б постель набить соломкой,
Понимаешь ли, ржаной».
В доме глянь — матрас к матрасу
И перина — вот она.
Завались — накроет сразу
В две волны объятъем сна.
Не ложится — слишком пышно,
И подшучивает мать:
«Да, смешно под старость вышло —
Стало не на чем поспать...»
Где ты, рожь? Эх, домовито
Рыжим ветром окружи!
Вышел в поле — ржи не видно,
Столько лет — не видно ржи.
За пять верст у крайней фермы
Отыскал-таки скирду.
Очень грустно, очень нервно
Взял соломы и бреду.
Мать довольна. И отныне
Снятся ей, крестьянке, в снах
Наши вотчины ржаные
И сама с серпом в руках.

1981

Долгожитель в горных высях,
На Кавказе — это что.
Вон старик у нас — весь высох,
Далеко ему за сто!
Он живет с женою третьей,
И она срывающая злость,
Называет: «Мой бессмертный»,
А старик и впрямь — что кость.
На восходы и закаты
Смотрит, будто в снах своих,
И с умершими когда-то
Вечно путает живых.
Белый, строгий, как апостол.
Мир ему давно постыл.
Повидал он в жизни в досталь
И что видел — позабыл.
И, наверно, это страшно:
В дни прозренья своего
Сознавать, что нету старше
В мире больше никого.

1981

СЫНОВЬЯ

(Поэма)

ПРОВОЖАНИЕ

Какие волосы у сына,
Закинутые второпях!
Что мягкий лен, какого ныне
Уже не встретить в деревнях.
До плеч — не то чтоб всех длиннее,
Но в школе всех они светлей.
Десятиклассниц удивленье
И маета учителей.
Но вот экзамены — а дале —
Пункт призывной — и в тень травы
Скатились русые, упали,
Как всплеск, с веселой головы.
И вышел из военкомата
Наш сын, наш мальчик, наш пока,
Осанка и молодцевата,
Но шея — боже — как тонка!
Он подходил, смятенье пряча,
Походкой якобы мужской,
А взгляд его, совсем ребячий,
Толкнулся в сердце нам тоской.
Мы обнялись. Он с нами, с нами!
Но снова боль отозвалась,
Что сыновья растут рывками
И отдаляются от нас.
Миг — зоревые горны детства,
Миг — ученичества скамья.
И не успели в них взглядеться —
Уже солдаты сыновья.
Заботы нам томили плечи —
Не гривы, как у сыновей.
Нам тяжело было, им-то легче,
Но легче — менее ль трудней?
В судьбе у нас войны и жизни
Переплетенные узлы.
А что сыны успели вызнать?
Их ночи тихи, дни теплы.
А жизнь законы грозно пишет,

И сыновьям подходит срок,
Быть может, нашего повыше
Перешагнуть и свой порог...
Скорей домой, на проводины,
Сзывай товарищей, друг!
Да как же это, сын родимый,
У нас опять случилось вдруг?
...И вот сидим перед дорогой —
За старшим средний, а рядком
И младший сын со стрижкой строгой,
В глазах с прощальным ветерком.
Сидят друзья и домочадцы.
Вновь растревожен лад и быт.
О, сколько нам еще прощаться
Друг с другом в жизни предстоит!..
Шумит стесненная квартира.
Ребята ростом высоки.
В такой для поколенья мира
Неподходящи потолки.
Но им пока была б гитара.
Гитара — вправду хорошо.
И звук щемящего удара,
Как дождик, по сердцу прошел.
Отрадно, чисто и широко
В квартире стало. И затих
Сын, оперевшийся на локоть,
В кругу товарищей своих.
Лишь тут, за вечер до разлуки,
Любуясь им в кругу парней,
Мы догадались: нет подруги,
И стал нам сын еще родней.
И беззащитней, и дороже
Он стал мальчишеством своим.
Ну где ж ты, девочка, ну что же
Ты не нашлась, не встала с ним?
Куда ты ходишь, загорая,
В какие дали хочешь плыть
И кто ты есть, одна такая?
Ведь ты должна же где-то быть..
...Под нервный топот на вокзале,
Под нетерпенье поездов
Что скажешь, если не сказали
За восемнадцать их годов?
Ребят взметает окрик бравый.

Их строят. Жизнь пошла своя.
Отцы и матери — направо,
Налево — только сыновья.
Щемит в груди от их равенья.
И мы глядим, глядим, глядим
В глаза молодого поколения
С благословением одним —
Вставить у всех границ державы:
Границ отеческой земли,
Границ отечественной славы,
Границ, что в плоть и в кровь вошли!

СЛУЖБА

Отшумел, отгудел и за лесом
Скрылся поезд. И, ветром обдав,
Замерцали холодные рельсы,
Как штыки пограничных застав.
И над ними летел, удлинился
Взгляд сыновний, туманный уже.
Удалялся он все, удалялся
И струной оборвался в душе...
Сколько было до нас провожаний
В этих русских полях и лесах!
Наши матери следом бежали,
Наши бабки крестились в слезах.
И ничьи чужеземные дали
Ни в какой исторический срок
Провожаний таких не видали
То на запад, а то на восток.
И нигде столь горьки и бедовы
Не вскипали так часто слова:
«Вековухи», «солдатки» и «вдовы»,
Как в березовых далях славян...
Отшумел, отгудел и растаял
Скорый поезд. А небо лилось
И мерцало на рельсовой стали,
Словно искры родительских слез.
Кто сказал, что солдатские сроки —
Служба только самих сыновей?
Сыновья еще в вихре дороги,
Мы же — в вихре встревоженных дней.
Мы с ревнивой надеждою снова

У далеких казарм сыновей.
Хоть верна сопричастность отцова,
Материнская —
Вдвое верней.
Погляди в материнские лица,
Их слова по-мужски не отринь,
И тебе на минуту помнится
Облик русских былых героинь.
Им терпенья и стойкости хватит
Пережить и суровее дни.
В каждом мимо идущем солдате
Видят сына родного они.
Нету писем — им снова не спится,
От тоски выцветают глаза.
Добрались бы к сынам до границы,
Чтоб увидеть, да это нельзя.
Промелькнет почтальон —
Настежь двери,
Стукнет гость — вострепнутся опять.
Только матери могут так верить,
Только матери могут так ждать!
Ну а бабушки, тихо вздыхая,
Внуков ждут по своей старине:
Что за почта у них полевая
И в какой же она стороне?
Им покажут. И долго, и немо,
Как смотрели полвека назад,
Что-то вспомнив, уставятся в небо
И глядят на закат, на закат.
По домам в ожидания эти
Поднимаются пики антенн
И листаются зорко газеты:
В них свистят сквозняки перемен.
Мир бурлит и тревоги торопит.
Прибавляет живущим забот.
И встает пред глазами Европа,
Да и Азия тоже встает.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дверь распахнулась. Вот он, сын!
И замерла секунда.
Последний шаг, да, шаг один

Нас разделял покуда.
И руки сына в этот миг —
На материны руки.
Она к нему. Он к ней приник —
И вот конец разлуки.
Объятье сына горячо,
Шутейно косолапо.
Окрепло, чувствую, плечо,
А вот мое — ослабло.
Ладони старших братовой
Трещат в его ладонях.
А в окнах пляска тополей,
Таких густо-зеленых.
Прекрасно возвращенье в дом
В погонах, в добром здравье,
В своем расцвете молодом
И в майском разнотравье!
...А было — пусть не о таком —
О возвращенье просто
Тоска дымила табаком
В войну тысячеверстно.
И те спасители земли
Сквозь адовые муки
До возвращенья не дошли...
За них приходят внуки.
И вот солдат в родном дому
Расстегивает китель.
Как хорошо, тепло ему,
Как он окреп — глядите!
Куда повесить?.. — бросил взгляд
И старый шкаф заметил.
Открыл. Два кителя висят,
И свой придвинул. Третий.
И мысль одна ожгла опять:
Ужели по приказу
Сынам придется надевать
Все три, всем трем и сразу?
Но май — ох, этот добрый май —
Сулит душе надежду.
Скорей солдату подавай
Гражданскую одежду!
И по рукам она пошла.
Наденет — снова снимет.
Трещит гражданская по швам

На возмужалом сыне.
Но подобрали... Хоть в Москву
На праздник заявиться!
А что — готовы к марш-броску,
Встречай гостей, столица!
И вот качается вагон,
И, заструив вершины,
Плывут березы с двух сторон,
Как белые кувшины.
Во весь простор, который зрим,
Они в весенних звонах
Плывут под небом голубым
На скатертях зеленых.
О, всем бы жителям равнин
Хватило до избытка
Из этих белых горловин
Прохладного напитка!
И нам бы сок берез испить
С тобой не для забавы,
А жар в груди поостудить
И свежих сил добавить.
Но мимо мы. Уже близка,
Уже слепит огнями,
Уже — куда ни глянь — Москва,
За нами, перед нами.
И после строгости казарм,
Дорог, постов, бессонниц
Москва — не верится глазам —
В красе кремлевских звонниц!
От куполов, гранитных плит,
Дворцов, палат и башен
У нас огонь в крови кипит,
В самосознание нашем.
Времен былых и новых мощь
Всегда, мой сын, едина.
И это, вижу, здесь поймешь
Душою гражданина.

СВАДЬБЫ

О свадьбе отлучки сыновьи
Трубили. Но он, нелюдим,
Светился задумчивой новью

И тайной, известной двоим.
Уже избегал чаепитий,
Смеясь, отвечал на ходу:
«Ну что вы пристали — терпите.
Скажу. Покажу. Приведу».
«Где сваты,— вздыхал я,— где сваты?
Они бы рассеяли дым.
Эх, были остры, тороваты!
А мы лишь в окошко глядим...»
Но миг воссиял наконец-то!
Звонок — словно с сердца замок,
И сын со смущенной невестой,
Как с неба — на отчий порог.
Мы замерли. Бросились встретить.
Мы под руку взяли любовь.
И с первого слова на третье
Мы поняли: свадьбу готовы!
И жизнь, словно лодку из плеса,
На стрежень опять понесло.
Я вскинул рабочие весла,
Жена — кормовое весло.
Ни мелей еще, ни излучин,
И ветер сопутствует нам.
И катятся волны певуче
К запахнутым вдаль берегам.
И вдруг берега превратились
В накрытые жарко столы,
И гости с цветами явились,
И песня взлетела с иглы.
...И пело, и плакало что-то
В родительской нашей душе.
И время сверкнуло с налета,
Забывтое нами уже.
Как щеки у нас полыхали
И, встретившись, дух замирал,
Как первыми в жизни стихами
Я тропки к тебе устилал.
И как на воде да на хлебе
В студенческих этих годах
Мы жили... как будто на небе!
Лишь звезды крошились в следах.
Кружили глаза, окружали —
Огромны, чисты и влажны...
Ах, свадьбы сынов возмужалых,

Вы — свет из далекой весны!
...Я взглядом обвел пировавших.
Увидел среди молодых,
Как бабушки — матери наши
Притихли в платочках своих.
Из памяти — дали морозной
Летел к ним все ближе, слышней
Раскатистый посвист полозьев,
Размашистый топот коней.
И звон оглушил колокольный,
И миг озарил красотой.
И радостно стало, и больно
От краткости, давности той.
И снова — ни звонов, ни звуков,
И милые лица в тени...
О, свадьбы удачливых внуков,
Вы — свет из глубокой родни!
...Сквозь годы обрушилось: «Горько!»
И обнял невесту жених.
Шипучая пена восторга
Взвилась из бокалов хмельных.
И в тостах заздравных и шумных
Вздымался призыв без конца.
Пылали в застолье два юных,
К друг другу склоненных лица.
Что ждет впереди их — узнать бы,
Но знания этого нет...
Ах, свадьбы, сыновние свадьбы,
Вы — в годы грядущие свет!

ЖИЛИ-БЫЛИ...

«Жили-были дед да баба», —
Сказки сладостный зачин,
Огонек, мигавший слабо,
Ласка бабкиных морщин.
И теплее одеяла
Добрый голос... Он угас.
Про себя ли вспоминала
Или думала о нас?
...Встанут годы — что колосья.
Взглянем в книжки сыновей:
«Жили-были...» Рассмеемся.

Надо б что-то поновой.
Сказка, думаем,— забава.
Что бывало — нынче нет.
В сорок лет — какая баба,
В пятьдесят — какой же дед!
Только солнышко жар-птицей,
Хоть и светит горячо,
С твоего плеча садится
На сыновнее плечо.
Вот и сказка. Вот и свадьба.
И, тревожные сперва,
«Жили-были дед да баба»
Сердцу вспомнятся слова.
А невеста, вторя всплеску,
Скинет белую фату,
Глянь, из лебедя в невестку
Превратится на лету.
Словно дочь она отныне.
И любуйся и дивись.
Встанет рядом сын — и в сыне
Муж проглянет. Вот и жизнь.
Сказкой свет ее заманчив.
Слышишь, в двери снова стук.
Входит мальчик. Что за мальчик?
«Здравствуй, дед! Я — первый внук».
И в квартире гам, толкучка.
Дверь откроется — и вот:
«Где ты, бабка?»— крикнет внучка
И глазенками сверкнет.
И под шорох листопада
Из счастливых детских снов
«Жили-были дед да баба»
Добрый голос молвит вновь.

1981—1982 гг.

Иконописец-вологжанин,
 Явивший миру этот лик,
 Для нас остался безымянен,
 А для художества велик.
 Он запирался в скудной келье,
 Постился, набожен и строг,
 Чтоб огонь, таинственный доселе,
 И дух и плоть его возжег,
 И озарялся мастер взором,
 И дерзновенной кистью он
 Творил свой помысел, в котором
 И высь, и твердь, и скорбь времен.
 Прекрасный лик, рожденный кистью
 На скромном вытесе доски,
 Дышал и веял в сердце высью
 Среди сует и смут мирских.
 Глаза пророчески зывали
 И к единенью, и к добру.
 И предки наши в час печали
 Им отзывались ввечеру...
 А годы шли, безбожье сея,
 Но, помня путь родной земли,
 Из храма веры в храм музея
 Икону люди принесли.
 Она, как луч забытых сказок,
 Людей дивила всякий раз
 Движеньем черт, сияньем красок
 И глубиною древних глаз.
 Вошел в музей с личиной лунной
 И рисовальщик, живший здесь.
 Томясь корыстью скудоумной,
 Сорвал икону и исчез.
 В свою укрывшись мастерскую,
 Пришельцу чуждой стороны
 Он продавал ее — такую,
 Которой не было цены.
 Он поднимал свой тонкий палец,

По лику древнему скользя.
Грозой и скорбью наливались
Заполоненные глаза.
Из мглы времен, из дальней дали,
Преодолев за веком век,
Они как будто вопрошали:
«Се человек?..» О, человек!..

1981

Он кряж возьмет, прицелится
И колуном взорвет.
Растет, звенит поленница
Гармошкой у ворот.
Свежей в заулках нет ее,
И этот свежий вид
Весеннее да летнее
Тепло озолотит.
Стоит меж тополей она,
А хлынет снег опять —
Гармонь златополенная
Начнет в печи играть.
И скажет смуглотелая,
Пригожая жена:
«Сидела бы и пела я,
Но печь блины должна».
Он молодым хозяином
Коснется локотка,
И вспыхнет радость заново,
Чиста и глубока.
Жена не отсторонится,
Блины спалит опять.
«Ой, глупый, — скажет скромница, —
Ведь все в окно видать».
Но инеем зашторены
Окошки средь зимы,
И над холмами родины
Веселые дымы.

1981

Встает до света хлопотунья
 И в кухне — как веретено,
 Пока ребята: «Бабка Дуня!» —
 Не закричат в ее окно.
 Она их встретит пирогами,
 И вновь, довольны и смешны,
 Болтают весело ногами
 Перед Авдотьей шалуны.
 Ей, одинокой, то и надо...
 Уйдя на пенсию, она
 С поклоном вдруг — к соседкам на дом
 И засиделась допоздна.
 «Давайте, я понянчусь, бабы,—
 Одной сидеть так, право, смерть.
 Своих не знала, так хотя бы
 С чужими душу отогреть».
 Те удивились: нынче редки
 Такие речи — ой возьми!
 И благодарные соседки
 Теперь лепились к ней с детьми.
 Они совсем того не знали,
 Что у Авдотьи где-то сын —
 Ее беда, ее печали
 И тайна скрытая седин.
 Ох, шумно молодость кипела!
 Родила сына — и в детдом.
 И отстучали в ней капелью
 Воспоминания о нем.
 Как был и не был... Только ныне
 Тоскою сердце изошло.
 И в дни настигнувших уныний
 Лишь от чужих внучат светло.
 Придут — накормит пирогами,
 И вновь, довольны и смешны,
 Болтают весело ногами
 Перед Авдотьей шалуны.
 Глядит она — и легче вроде,

А убегут, и ляжет спать,
Ей мнится: кто-то в доме бродит,
Толкает старую кровать.
И говорит: «Согрей, промок я»—
И топчется у поставца.
В лицо ему глядит Авдотья
И леденеет: нет лица.
Ну, нет лица — оно туманом
Клубится, уловить нельзя.
Лишь прорезаются стеклянно
Двумя осколками глаза.
И острой болью мрак проколот.
Авдотья вскрикивает: «Сын!»
И просыпается. И холод
Летит с растрепанных седин.
Она срывается с кровати,
Глядит вокруг: сидит одна
И стынет, теменью зажата.
Поселок спит. В окне луна.
И до утра за думой дума.
Затопит печь, а ледяно,
Пока ребята: «Бабка Дуня!»—
Не прокричат в ее окно.

Лес впитывал сумерки, прятал
И так чернотой набряк,
Что вместо березок опрятных,
Как нечисть, таращился мрак.
Повеяло близостью зверя,
И люди почувяли страх.
Родимому лесу не веря,
Шагали домой впопыхах.
И все потонуло во мраке...
Но, светлый готовя излом,
Ручьями звенели овраги,
Речушки дышали теплом.
И первая смелая птица
Запела, и сразу за ней,
Чтоб утром себя не стыдиться,
Защелкал во тьме соловей.
И в небе сверкнули полоски,
И росы сверкнули в ответ,
И, мрак отряхая, березки
Поплыли на розовый свет.

1981

Раздалась гармонь — ах, боже!
 Не слышали так давно.
 Взгляд распахнут, сердце — тоже
 Как весеннее окно.
 Тесно — плечи не просунуть,
 Не пробраться в первый ряд.
 На отчаянных плясуний
 Молча женщины глядят.
 Это пляшут отпускницы,
 Дочки их из городов.
 Огорчатся иль гордиться —
 Нет пока у женщин слов.
 Пляшут так, что солнце брызжет
 На кондовые углы.
 Были русы — стали рыжи,
 Стали слишком удалы.
 «Приезжай ко мне дорожкой —
 Не броди угорами.
 Ну зачем ты мне с гармошкой,
 Когда все с моторами...»
 И гармонь споткнулась, смолкла.
 Стих народ. Опешил круг.
 Гармонист, мотая челкой,
 Вырывается из рук.
 Он уходит, злой и резкий,
 В одуванчиковый дым.
 С кем делить обиду? Не с кем.
 Оставайся холостым.
 Ах, невесты-попрыгуньи,
 Что-то стали вы не те,
 Что-то скромность попригнули
 В общежитской тесноте...
 И в отчаянье тоскливом
 За деревней у берез
 Горьким плещется разливом
 И кипит гармонь до слез.

По угорам в тихой рани
В три версты — ее размах.
И ворочаются парни
В холостяцких деревнях.

1981

РОДНАЯ МЕСТНОСТЬ

Земли-то, собственно,— кружок,
Обвитый синим лесом.
Река блестит наискосок
Под ивовым навесом.
Деревни тянутся к реке
От ягодной опушки,
И белый камень вдалеке
Разрушенной церквушки...
Всю местность, всех дорог витье
Пройти и дня хватало,
Но наглядеться на нее
И целой жизни мало.

1981

Завтра в путь. Ему не спится.
Дрема ночью недолга.
Будит ранний дух гостинца —
Налитого пирога.
Самый пышный и румяный
С пылу-жару не затих
И брусничною поляной
Остывает средь других.
Сын упорствует — не надо!
Мать, сомкнув дрожанье губ,
Смотрит в сына слезным взглядом:
До чего же молод, глуп.
Еле парня упросила.
И пирог в дорогу дан.
Пролетел над всей Россией
В дальний город Магадан...
Мать тоскует — сын не близко,
Но письмо приходит в срок,
И в конце его приписка:
«Жаль, что взял один пирог.
Здесь гостинец твой брусничный
Потянул нас вспоминать
Детство, дом, родной обычай,
И тебе спасибо, мать».
Отклонилась к спинке стула
В стороне от всяких дел.
Прочитала вновь, вздохнула:
«Слава богу, поумнел».

1981

Давних лет ребячьи лица
Светятся издалика,
Манят вволю набродиться
В зелени березняка.
Подхожу — они все выше.
Я к стволу щекой приник
И в широком шуме слышу:
«Это ты? Уже старик?»
Вздрыгнул я. А в листьях зыбких
Засверкали тут и там
Блики солнца, как улыбки,
По березовым стволам.

1981

Прекрасны струганные лавки
И крепко сбитые полы.
Они вместительны и гладки,
Они прохладны и белы.
Их не разыщешь так вот, вскоре.
Я видел их простой наряд
В Кижях, в соборном древнем створе,
В Кремле под сводами палат.
Они, в безмолвии старея,
Волнуют грустно и тепло:
По ним в багровых бликах время
Так многолико протекло!
Я знаю, время — это благо.
Гул перемен. Судеб страда.
Серьезно думаешь. Однако
И улыбнешься иногда.
Вот эти лавки — их смахнули!
Теперь кто прям и кто сутул —
У нас любой сидит на стуле
Иль крепко держится за стул.

1981

Люди прополис хранят —
Тайны в нем заронены:
Мед кипит и бродит яд,
Плещут травы родины.
Если боль — налей глоток,
Выпей в зорю раннюю —
И ударит жаркий ток
По недомоганию.
Если старость — верь и стой
Перед безутешностью:
Опалит крутой настой
Чистотой и свежестью.
Он поможет, он готов
Снять доuku серую...
В силу сокровенных слов
Я вот так же верую.

1981

Березы замерли в тревоге,
Метнулась молния ужом,
Но гром заснул на полдороге,
Лишь погрозил: ужо, ужо!
И кто-то в небо поднял палец,
Мол, не идут и там дела.
И над природой посмеялись:
Эк, до чего изнемогла.
А солнце патокой тягучей
Лилось. Комар пищал вися...
Вдруг дунул ветер. Черной тучей
Заполуночило леса.
И туча ширилась от гнева,
Все ближе, ближе страшный миг.
Огонь штыками брызнул с неба,
И гром упал на плач и крик.
Плеснулись искры из розеток,
Взметнулся град, что белый вал,
Срубал колосья, листья с веток,
Со звоном стекла вышибал.
И все живое ужималось,
Страх ослеплял, корежил, жег...
Над всей землей металась ярость —
Так вот что значило «УЖО».

1981

Прабабушка, да бабушка, да внучка
 Сидят среди застолья одного.
 И самовар, как золотая тучка,
 Плывет поверх столетия всего.
 Столетие — да это наши лица!
 Одно потускло в долгой худобе,
 А улыбнется — будто прослезится
 И вновь замкнется пасмурно в себе.
 Другое, освеженное загаром
 И чуть помолодевшее с утра,
 Прояснено в тиши и в доме старом
 Тревожным пониманием добра.
 А рядом с ними — о, лицо младенца!
 В глазах огромных можно наяву,
 Век провожая, сердцем отогреться
 И дней иных увидеть синеву.
 Дитя смеется, розовеет, веет
 И солнышком, и небом, и травой,
 И ничего пока не разумеет,
 В каком столетье крутит головой.
 Прабабушка задумчиво взирает,
 И не скрывает бабушка тревог,
 А внучка веселится да играет
 Да уплетает праздничный пирог.
 И тянется то к пасмурному лику,
 То к тихому усталому лицу...
 Двадцатый век, и грозный, и великий,
 Вот и в застолье движется к концу.

1981

Больно глянуть — столько солнца.
Ну, а выйдешь да пойдешь —
Наст морозный отзовется
Звонкой музыкой подошв.
Ни к чему теперь и лыжи:
Топни в снег — не дрогнет он.
И тебя далеко слышно,
Ты — не ты, а чистый звон.
И не тянет на дороги —
На дорогах воли нет,
Ибо вслед проходим многим
Повторяешь чей-то след.
Ну, а тут — куда угодно —
С острым взлетом новизны.
И просторно, и свободно
Среди звонкой белизны.
И обзор души разомкнут,
И уловишь, сам не свой,
Как леса по горизонту
Намокают синевой.
И почувешь, как под настом
Дремлет рыжая трава,
Стынет клюква градом красным,
Зелень озими жива.
И летишь ты, обновленный,
В этой шири снеговой,
Чуть приподнят над землею
И над будничным собой.

1982

БЛУДНЫЙ СЫН

Лес, встречая, шумел и аукал:
Пусть и блудный, а все-таки сын.
Помраченье души и рассудка
Понял он у берез и осин.
Будто свыше его осенило,
Обожгло и продуло насквозь.
Он тоску обломал об осины
И оставил печаль у берез.
Встрепенулись они без упрека,
Заслонив непутевую жизнь.
Но от горечи этой до срока
Их вершины огнем занялись.

1982

Самолет охапку грома
Бросил в тихой синеве —
И поленица у дома
Раскатилась по траве.
И щемит от мысли душу:
Как непрочен наш покой,
Как легко теперь разрушить
Мир зеленый, вековой.

1982

Нет всходов — и люди томятся.
Сверкнул — о, награда за труд!
И легким зеленым туманцем
Над черною пашней всплывут.
От речки до хвойной опушки,
Наверное, тысячный год
На голос российской кукушки
Зеленое пламя плывет.
Просторно, свежо и щемяще!
И спрашивать незачем тут:
Взгляни и узнаешь по пашне,
Какие здесь люди живут.
Какая их совести мера,
Какие надежды у них,
Какая в домах перемена
И в душах и в думах самих.

1982

И льется, льется с крыши дождь.
 Который день я это слышу!
 И там, где сухо, где не ждешь,
 Он пришибает нашу крышу.
 И ветер, стужей леденя,
 В пазы, в углы свистки вбивает.
 И сердцем чую: у меня,
 Как в окнах свет, жизнь убывает.
 Тревожны совести суды.
 Казнюсь в десятый раз и сотый:
 Не оценил твои труды,
 Не обогрел твои заботы...
 Стучится мокрый почтальон.
 Откуда он в ненастье это?
 Твое письмо вручает он,
 Как ожидаемое лето.
 Родился внук! Родился внук!—
 Твои слова от спешки кратки,
 Но разомкнулся жизни круг —
 И в мире новые порядки.
 И взгляд свежит такая рань,
 Такая даль, что нет и следу.
 Так лейся, дождь, и барабань —
 Встаю и в будущее еду.

1981

Кто сказал, что это имя
Молодецкое — Иван
Вдаль ушло невозвратно,
Закатилось в синь-туман?
Нет, вовеки не исчезнет!
И, как слава россиян,
Будет в сказке, будет в песне,
Будет в мире жить Иван!
Вот и сын в порыве славном
Новорожденного взял
И его назвал Иваном,
В память прадедов назвал.
Как звучит оно, послушай,
Это имя по слогам:
Ваня, Ванечка, Ванюша,
А Ванюша машет нам.
И улыбкой сердце греет.
Наша радость — через край.
Подрастай, дружок, скорее,
Крепко на ноги вставай!
В жизни трудно. В мире сложно.
Путь распахнут далеко.
Что же истинно? Что ложно? —
Разобраться нелегко.
Но твои наступят полдни,
Возмужаешь и поймешь.
Только чей ты родом — помни,
Помни — душу губит ложь.
И тогда найдутся силы
Все осилить рубежи.
Честь родительской России
Высоко, Иван, держи.

Майский лес галдит, кукует,
Крячет, цвинькает, свистит,
Заливается, воркует,
И трепещет, и звенит.
Птицы возятся попарно,
Зелень видится насквозь.
Клены бродят, словно парни,
Меж застенчивых берез.
Ну а верба пахнет ульем,
И с налету — ох, смела!—
Обжигает поцелуем
Захмелевшая пчела.

1982

Мудра печаль в полях вечерних,
В лиловой зыбкой тишине.
Здесь в сокровенных означеньях
Явилось прожитое мне.
И я минувших лет касался,
И видел в них точней зеркал,
Каким я сам себе казался,
Каким на самом деле стал.

1982

ДРУГ

Памяти Н. М. Паугова

Был у меня старинный друг,
Знобит от мысли — был...
Теперь его звезду не вдруг
Найду среди могил.
А что скажу? Кому скажу?
Слова, как сон, пусты.
Лишь у могилы посижу
В тени его звезды.
И в поле сорванный цветок,
Что по пути припас,
Пусть ляжет, строг и одинок,
Как сам я в этот час...
В войну сведенные судьбой,
Мы знали свой причал.
В любую пору, в срок любой
Друг радостно встречал.
Из-под очков пыливый взгляд,
Рабочих рук обхват.
Тот, кто душой своей богат,—
Не для себя богат...
Тень от звезды — о! — холодна
В затишье трав густых.
И жизнь одна, и смерть одна,
А память — на двоих.

1982

Нет, не в топке
реактивной —
В клетке дров огонь ревет,
Обметаёт рыжей гривой
Русской жизни древний
свод.

Видит бог, не лгу, не тешусь
Перед этим очагом.
Просто горестная

нежность
В сердце плещется моем.
Просто надо мать больную
От заботы уберечь.
Вместе с ней беду бедую
И топлю пожарче печь...
Самолеты утром ранним
Набирают — слышим —
взлет.

Мать лежит и с замираньем
Смотрит в грозный
небосвод.

Говорю ей: успокойся,
Помогаю мягче лечь.
Словно шумные колосья,
Для нее бушует печь.
И окатистой волною,
Чтобы к сердцу прилегло,
Наплывает вновь печное,
Золотистое тепло.
Из березового жара,
Как из прожитых веков,
Нагребу для самовара
Современных угольков.
Пусть кипит старинный,
медный!

Ветры с севера подули,
Эх, с родимой стороны!
Мои думы, словно угли,
Пламенно раскалены.
Зашумели, закачались,
Залохматились леса.
Моря Белого курчавость
Заплеснула небеса.
Ветры с севера все дале
Завихряли пыль холмов
И с налету охлаждали
Праздний жар пустых голов.
Легкодумные затеи,
Своеволие страстей,
Беззаботный и шутейный
Крен к делам и жизни всей.
Ветры с севера все шире,
Все мощней неслись, как весть,
Что в тревожном нашем мире
Трезвость есть, суровость есть.

1983

Взмок большак, проселок вымок,
 Мир весенний свеж и нов.
 Но ударил вдруг зазимок
 Из полуночных лесов.
 Там зима еще таилась.
 Знать, сладка былая власть:
 Не меняя гнев на милость,
 В мир зеленый ворвалась.
 Снег, как отрок малолетний,
 Пел свою белизной:
 «Я последний, я последний,
 Подышите, люди, мной...»
 Что ж, дышали поневоле
 В тесноте горячих дел.
 Только жаворонок в поле
 Не качался и не пел.
 Снег смеялся и слезился
 Под молчанием небес.
 Он безвременно явился
 И беспамятно исчез.

1983

Меня, себя заденешь ли —
 Вся память в узелках:
 Заботы, да безденежье,
 Да дети на руках.
 Упреки запоздалые,
 Ревнивые твои,
 Как в поле воды талые,
 Кипят поверх любви.
 Да, мало было помощи,
 Да, было много дел...
 А помнишь ли,

а помнишь ли,

Как я к тебе летел?
 По городу по Вологде
 Трескучею зимой
 Летел в полночном холоде
 В рубашке раздувной.
 В одной рубашке ситцевой
 Без шапки и пальто.
 Не свистнула милиция,
 Не задержал никто.
 И вот у тихой звонницы,
 Где вечность замерла,
 Где между звезд

покоятся

Седые купола,
 Тебя увидел издали,
 Как на краю земли.
 В печали губы выстыли,
 Глаза изнемогли.
 И вспыхнул мир
 заснеженный!

Твой шепот я ловлю:
 «Простудишься, ой,
 бешеный,
 Ведь я тебя люблю».
 И загудели медленно.

Как будто спала мгла,
Серебряные, медные
Во мне колокола.
И с поднебесной Вологды
Поплыл венчальный снег.
Мы счастливы, мы молоды,
Мы избраны навек!..

1983

Морозы суровы,
Но он, красноуст,
Лишь топчет сугробы,
Калиновый куст.
С утра нараспашку
У всех на виду
В пунцовой рубашке
Пылает в саду.
А вьюга нагрянет
И скрутит в дугу,
Он гроздьями рдяно
Проступит в снегу.
Но выглянет солнце —
О радостный вид!—
И куст отряхнется
И снова горит.

1984

Вьюга праху накрутила,
 Нашу крышу давит снег.
 Стонут балки и стропила,
 И в окошках свет померк.
 Чертов снег! .
 Эй, соседи, выручайте!
 И с веревкой удалец
 По закраинам взрывчатым
 Взлез на крышу наконец.
 Молодец!
 Вот и петлей ловко схвачен
 Туполобый тяжкий снег.
 И у нас в руках горячий
 Струн крученых пересверк.
 Пилим снег.
 Грозен он и всех нас выше,
 Утвердился как навек.
 Но под ним шумят на крыше
 Наши взмахи вниз и вверх.
 Вниз и вверх.
 Пилим, руки обжигая.
 Треснул снег, скалой навис,
 С одного, с другого края
 Поскользнулся сверху вниз,
 Ну, вались!
 И взметнулся облак мглистый,
 Рамы крестятся впотьмах.
 Глыбы ухают со свистом
 И взрываются в буграх.
 Снова в прах.
 Дом трясут, стреху колышут,
 Завихряют льдистый след...
 Гул — все тише, дом — все выше,
 И в окошках — белый свет.
 Как завет!

— Есть кто живой?— спросил мужик,
Переступив порог.
От взгляда встречного поник
И до костей продрог.
Придя из тундровых трясин,
Попал и здесь на зыбь.
— Прости меня. А где же сын?—
И голос вдруг осип.
— Да сыну ты чужой, чужой!—
В лицо ударил крик.
И с перевернутой душой
Застыл седой мужик.
Влетел мальчишка в эту злость,
Помедлил у дверей
И догадался, что за гость,
И к матери скорей.
У гостя горечью свело
Морщины. Наконец
Она вздохнула тяжело:
— Сынок, вот твой отец.—
...С утра кремневые кряжи
Под колуном тряслись.
Он их крушил, он их крошил,
Как путаную жизнь.
Сынишка глянул из крыльца —
И поднялась со дна
Души угрюмого отца
Слеза. Ох, солона!
С кряжей летел и треск, и дым,
И пар с волос седых.
Метались молнии над ним
Поленьев смоляных.
И вот хозяйка — суд и власть —
Пришла, тиха, ровна,
И стала на просушку класть
Семейные дрова.

А он кипел, как молодой,
От грома колуна.
И красотою прежней, той,
Румянилась она.

1984

Неведенья, незнания
Счастливая пора,
Как вдаль дорога санная,
Летела от двора.
А с высоты всеведенья,
С тоскою по добру
Летит тропа заветная
К далекому двору.

1984

А кругом — леса, леса.
Солнце как горошина.
Будто жизнь и доля вся
Хвоей огорожена.
У тебя в душе тоска
Тяжелее волока.
У тебя в глазах — Москва,
Ну, хотя бы — Вологда.
Неужели здешних мест
Слава так уронена,
Что скорей, скорей — в отъезд,
Не мила и родина!
Только в чем ее вина?
В том ли, что нелюдная,
Бездорожная она,
На подъемы трудная?
Иль что памятью горька,
Ивняками устлана,
Деревянная пока,
Тихая да грустная?..
Что ж, когда ее не жаль,
Для работ просторную,—
И катись, и поезжай
На чужую сторону.
Позовем потом сюда
Пахарей из Грузии,
Чтобы лес да лебеда
Пашню не заузили.
И тогда в иной тоске,
С думой озабоченной
Станешь бредить вдалеке
Брошенною отчиной.
Для нее не тратил сил,
С ней в нужде не выстоял,
Подвиг свой не совершил,
Может быть, единственный.

1984

Меж взглядов и чуждых, и наглых
Распахнуто, весь на виду
Иду, не печалюсь о благах,
С достоинством русским иду.
Мне трудно, мне горько — не скрою,
Но совестью не поступлюсь.
Не рвусь в показательные герои,
А просто тревожусь за Русь.

1984

Снег вьется, падает, шурша,
И кружит в темных речках пену,
А присмирившая душа
Внимает снежному напеву.
Ты не горюй. Жизнь не прошла.
Вон и стога под небосклоном,
Как белые колокола,
Отозвались чуть слышным звоном.
А лес вспотел и задремал —
Не шевельнет седых вершинок.
Теплом обманутый комар
Взлетел и пляшет меж снежинок.

1986

ОТЕЦ

(Поэма)

1

Отец купил перед войной
Диван огромный, черный,
Как сани, выгнуто-резной,
Из дерева точенный.
В нем подлокотья завиты —
Ведь надо ж так изладить!—
Как будто конские хвосты
С кручеными узлами.
И тихо радовалась мать,
Цвела, как молодлица,
Что стали избу обставлять,
Добром обзаводиться.
А мама выйдет, я и брат,
Отчаяны и резвы,
Как на игривых жеребят,
На подлокотья лезли.
Отец доволен был. И сам
Тогда возился с нами.
Смотрел на этот шум и гам
Хорошими глазами.
Любил он книги и детей,
На просьбы — добрый, скорый,
Из самоучек грамотей,
Учитель местной школы.
И не менял он ничего
Из вековых понятий.
Не папой звали мы его,
А по-крестьянски — тятей.
Он и не вышел из крестьян,
Радел родному месту.
А этот купленный диван —
Лишь дань интеллигентству.
В прохладе белых вечеров,
План сочинив заране
И дров посуше наколов,
Он думал на диване.
С покоса возвращалась мать

В переднике нарядном
И, обрядившись, отдыхать
Присаживалась рядом.
Ей было радостно с отцом
В притулье том просторном...
Но вот закат перед лицом
Поднялся красным тёрном.
Горел так странно в высоте
В тот вечер, что собаки
Завыли вдруг, косясь на те
На огненные знаки.
Им вздрогнуть бы, взглянуть вокруг,
Встревожиться бы надо,
Но не разъять ни губ, ни рук
В порыве безоглядном.
И луч покуда не померк,
Смеялись, обнимались,
Не чуя сердцем, что навек
Той ночью расставались.
Наутро — помню — конский скок,
И крики, и рыданье.
Война!.. И собранный мешок
Белеет на диване.
...Теперь над ним — портрет отца.
Взгляд обращен к застолью.
Я много лет в черты лица
Смотрю с пытливой болью.
Мой взгляд летит в отцовский взгляд,
Задумчивый и строгий,
Как будто судеб перехват
И даль одной дороги.
Смотрю — и словно оживет
В лице подобьем тени
Страда средь волховских болот
И маета ранений.
Смотрю — и смолкшее давно
Вот-вот услышу слово.
С отцовских губ слететь оно,
Мне кажется, готово.
Нет, не узнать — оно о чем.
Я всматриваюсь долго
В отцово правое плечо,
Пробитое осколком.
Оно — поуже, и погон

На нем — как будто скобка.
На голове вполунаклон
Отважная пилотка.
Весь облик, дальний и родной,
Без черточки случайной,
Как ни взгляну — передо мной
Овеян скорбной тайной.
И долго мучило, как звон
Разбитых колоколен,
Название озера, где он
Погиб и похоронен.
Мы не могли связать сперва
В той давней страшной яви
Твои, нам чуждые слова,
Ох, Ихантала-ярви.
Название, трудное на слух,
У нас в слезах кипело,
И перехватывало дух,
И в сердце каменело.
И горе в нашу жизнь впряглось.
Мать билась, причитала:
— Ну кто земельки, хоть бы горсть,
Привез мне с Ихантала...

2

Читать без боли не могу
С войны отцовы письма.
Слова — как люди на бегу
И как огнища — числа.
В поспешности карандаша,
В его крутых нажимах
Горит солдатская душа,
Победой одержима.
Победа! Далеко она,
А рядом визг осколков,
Свист пуль. И вспучен докрасна
Сугробный, топкий Волхов.
Но встань и Родину закрой
Перед врагами мстью!
И смерть — за смерть, и кровь — за кровь,
А если гибель — с честью!
И добрый, мягкий нрав отца

В том мире довоенном
Твердеет мужеством бойца
И закипает гневом.
Себя ль, себя ль щадить сейчас,
Когда грохочут орды,
Перед славянами кичась
Своим арийством подлым.
И рвутся землю нашу сжечь,
Россию обеславить,
Стереть наш облик, нашу речь,
Историю и память.
Нет, превосходства никогда
Над нами не добиться
«Чистопородным господам»
И всем иным арийцам!
Русь потому и велика,
Что в ней корысти мало,
Русь потому стоит века,
Что братства ей хватало!
Вот враг и дрогнул под Москвой,
Под Ленинградом дрогнет...
И мой отец из боя в бой
Спешит по той дороге.
Я лишь теперь прочесть могу
В намеках тех безвинных
Про Тихвин, Ладогу и Мгу
И Новгород в руинах.
Отец пред нами обнажен
До сокровенной глубины.
И нас подбадривает он,
Сильней, чем прежде, любит.
Но вот последнее письмо.
Нет и не будет больше
Ни в пачке, связанной тесьмой,
Ни в сумке почтальонши.
Она придет еще, придет
К нам с почты, чуть живая,
И схватится за огород,
Как в дом войти не зная.
И принесет в разноску ту
Уж не письмо в конверте:
В нем запечатают беду —
Прикосновение смерти.
Ох, до разноски той всего

Две грозные недели...
Отец писал, а вокруг него
Бугры громов гремели.
Писал... На скосе уголка
Разорванная пушка.
Из Боевого, знать, листка
Бумаги четвертушка.
Писал — слова теснились вкось
На том закрайке рваном,
Что им — вот радость — довелось
Проехать Ленинградом.
И что его стрелковый взвод
И все подразделение
Уже продвинулись вперед
На новом направленьи.
И все... И карандаш заглох
В том дне, далеко, летнем.
Но слышу я последний вздох
Над ним, письмом последним.
Сквозь годы слышу. Он глубок,
Отцовский вздох, и горек,
Когда отец свернул листок
В последний треугольник.
Держу его — и тяжело мне.
Вновь сердце — на пределе.
А что же я в том дальнем дне
И чувствовал, и делал?
Июнь. Сорок четвертый год.
Нет мужиков в колхозе.
Лишь мы да матери. Идет
Страда на сенокосе.
И я косою — вжик да вжик
Во тьме цветов, соцветий —
Уж не мальчишка, а мужик
Четырнадцатилетний.
И в час, когда писал отец,
Я, может, в знойном круге
Метал стожище, мокрый весь
И черный от натуги.
Ну что же чувствовать я мог?
Меня хвалили бабы,
А мне свалиться бы под стог,
На полчаса хотя бы.
И вдруг берестово бела —

Так угнетала ноша —
С последней вестью прибрела
Немая почтальонша.
Мать опрокинулась от слез,
Дом вздрогнул от обвала.
«Ой, кто земельки, хоть бы горсть,
Привез мне с Ихантала!..»
Долг, предназначенный тебе,
Не передашь другому.
Подумай о своей судьбе,
Поторопись из дому.
И я в тиши библиотек
По справочникам шарил,
Но средь названий в книгах тех
Нет Ихантала-ярви.
И я в Карелии искал,
В озерном лучезарье,
Но и в краю былинных скал
Нет Ихантала-ярви.
И по Прибалтике бродил
Местами грозных зарев.
Солдатских много здесь могил
Без Ихантала-ярви.
И жизнь моя была б темна
От покаянной муки,
Когда бы рукопись одна
Не обожгла мне руки.
Спасибо вам, фронтовики!
Воспоминая ваши —
Навек нетленные венки
Солдатам — братьям павшим!
И в душу мне, как в мертвый зной,
Вдруг хлынул свежий ветер:
В пути дивизии одной
Я путь отца заметил.
И карту сразу распростер.
На карте порыжелой
Вскипел осколками озер
Карельский перешеек...

3

И я на Выборг взял билет.
Как дешёв он, как дешёв!

С таким втраншеи страшных лет
Проедешь ли, пройдешь ли?
Но в путь! Народ под стук колес
Шумел струей вагонной,
А время памяти неслось
Струею законной.
И две струи, как свет и мрак,
Как жизнь и смерть, сближались,
Не совместимые никак,
Во мне пересекались.
Уже погас и Ленинград,
Его дворцы и шпили.
Поселки с дачами в обхват
Багряным садом плыли.
Краснели яблони. Но я
Хотел представить зримо
Не листопад, а вихрь огня,
Не яблони, а взрывы.
И проникал сквозь эту близь
До смертного предела.
В одном окне сияла жизнь,
В другом — война чернела.
Я как из мертвых оживал
В тягучем напряженье.
Так вот он, белофинский вал,
Карельский перешеек!
Вот здесь тщеславный Маннергейм
Средь гиблых поворотов,
Как на гигантской остроге,
Ощерил тыщи дотов.
Любой валун сумел учесть
В системе злобно-хитрой.
Не зря к нему — какая честь!—
Пожаловал сам Гитлер.
Я представлял, как сверху вниз
Сверлил он карту взглядом.
Железный крест его навис,
Трясаясь, над Ленинградом.
Чем наши недруги тесней,
Тем к русским ненавистней.
Для них в безумии страстей
Ничто мильоны жизней.
«Герр фюрер, русси не пройдут,
Мы до победы с вами!»

Гость обнял маршала: «Зер гут» —
И опалил глазами.
И руку вскинул Маннергейм,
Как подхватил ошейник.
И батальоны егерей
Вцепились в перешеек.
Что ж, как в сороковом году,
Так вновь в сорок четвертом
Мы в этом чертовом аду
Пошли бесповоротно.
Пошли опять на тьму преград,
Чтоб вынужденным шквалом
Обезопасить Ленинград
На том пространстве малом.
Пошли, чтоб Выборг вновь вернуть
Накатистым ударом...
Я примечал отцовский путь
Лишь по селеньям старым.
Крутилась Райвола, как вихрь,
Дымились Мустамяки.
Названья мягки, только в них
Взревела сталь атаки.
Вот Кутерселькя в рвах крутых,
Вот в надолбах Перкярви.
Названья тихи, только в них
Столкнулись громы армий.
И грудью в грудь вставали здесь
И падали солдаты
На переплеты черных рельс
И рыжие накаты.
На взьем шоссе, в трясины мхов,
На прозелень опушек,
На проволоку в пять колов
И навзничь от «кукушек».
Вон сквозь озерный голубец
Из скрытого обхода
На дот, быть может, мой отец
Метнулся с горсткой взвода.
Успел ли он из-под огня
За валуны приткнуться?
Солдат, взгляни! Но на меня
Ему не оглянуться.
Он далеко... В аду войны
Не слышно человека.

Мелькнув, упал за валуны
С предсмертного разбега.
И тишина. И холмик там
Среди раскатов гула.
Оттуда по моим глазам
Лишь сосенка скользнула.
Мне стужа сердце замела...
Но наконец — и Выборг.
Тянулись в небо купола
Под голубинный выпорх.
И с высоты глядел в залив,
Где плыли наши флаги,
Петр Первый, руку приспустив
К эфесу вечной шпаги.
И в парках, листьями звеня,
Сходиллся люд помалу.
Манила всюду жизнь. Но я
Рванулся к Иханталу.

4

...Где-то далеко на фланге шли
непрерывные бои. В той стороне
находилась Ихантала.

*(Тайсто Хуусконен.
Стальной шквал)*

И вот последний перевал —
Последний в небе сером! —
Меня всего — до пят — обжал
Своим гранитным ветром.
И по камням, как взгорбьям льда,
Сдирая мох корявый,
Я заскользил туда, туда,
Вниз — к Иханталу-ярви.
Оно средь множества озер,
Уже в пути мелькнувших,
Таилось в скалах с грозных пор
Безлюдней всех и глуше.
Еще невидимое мне
В лесистом междугорье,
Прошло ознобом по спине,
Качнулось жаром в горле.
И вдруг блеснуло, как сполох,

Сквозь навесную хвою,
К ногам прихлынуло врасплох
Тяжелой синевою.
Я обмер. Будто в берег врос.
Так вот оно какое!
Темнело чашей вдовьих слез
В своем взрывном покое.
Белели чайки лишь окрест
Да сосны зеленели...
Я перед скорбью этих мест
Свалился на колени.
— Отец, ты слышишь ли меня? —
К песку припал в печали.
Каменья, душу леденя,
Молчанье источали.
Лишь сосны, как ответ земли,
С озерных косогоров
Над головою пронесли,
Похоже, тихий говор.
И в нем, как слабый ветерок,
Далекий, вологодский:
«Что задержался-то, сынок?» —
Провеял вздох отцовский.
И я в шуршание песка
Шептал, теряя силы:
— Прости, что долго я искал,
Тебя мы не забыли.
Отец, промолви, где лежишь?.. —
Но мой вопрос напрасный
Унес встревоженный камыш
В озерное безгласье.
Поди ищи теперь следы
Могил давно заросших
В песках сырых, во мхах седых,
В траншейных ржавых толщах.
Иль, может, на озерном дне,
Иль в тесноте обвала,
Иль в братских, выросших поздней
Холмах мемориала.
Никто не скажет — где. Но здесь
Отец мой похоронен,
Где сосны вскинули навес
Подобьем колоколен.
Они могуществом корней

Сплели такую завязь,
Что там, в потемках смертных дней,
Теперь отца касались.
И я, его живой двойник,
Хотел такого чуда,
Чтоб голос мой туда достиг,
Отцовский зов — оттуда.
В дыханье сосен, мокрых мхов,
В былинке, мной примятой,
И вправду я услышал зов,
Лишь только сердцу внятный.
Я встал с колен, глаза утер,
Пошел, внимая зову,
К шоссе, открывшему простор,
К болотному низовью.
А там в кочкарнике глухом,
Как снежные полосы.
Росли над каждым валуном
Плакучие березки.
Они ожгли мои глаза
Прощальным листопадом,
И я расслышал голоса,
Провеявшие рядом.
«Здесь под свинцовым сквозняком
Мы за Россию пали
И поднялись березняком,
Чтоб люди вспоминали».
Я застонал у тех берез
В немыслимой печали.
И дрожью озеро взялось,
И чайки закричали.
Здесь под листвой не видно троп.
Я сделал шаг поспешный
И ухнул в каменный окоп —
Во мрак войны кромешной.
Свалила боль, пронзил испуг
И холод — как в могиле,
И немота — как будто вдруг
Тебя все позабыли.
Не встать, не выйти, не взглянуть
На белый свет вовеки.
И сквозь твою проступят грудь
Из-под земли побегу...
Что боль моя пред болью той

В страдании предсмертном!
А жив ли тот, кто встретил бой
Вот здесь, в окопе этом?
И кто он был и где теперь?
О нем — нигде ни слова.
Попробуй подвиг тот измерь
Солдата рядового!
Я встал из мрака и воды
И увидал, что рядом
Ходы, траншейные ходы
Чернели ряд за рядом.
И маету тех страшных дней,
Сраженье за сраженьем
Увидел в подлинности всей
Уже окопным зреньем.
Вон два холма и взьем крутой
В отеках скальной сини.
Меж них шоссе — подать рукой,
А мы — в сырой низине.
Но надо было взять холмы,
Дорогу перерезать.
За взводом взвод бросали мы
На крепость из железа.
И не из этих ли траншей
По волевому знаку
Отец, сурово построжев,
Солдат повел в атаку?
Опять отвагу покажи,
Уйми и страх, и нервы,
И на огонь, штыки, ножи
Встань, взводный, самым первым!
Он полз с решительным лицом,
Готовился к мгновенью.
И мнилось мне, что за отцом
Скольжу я поздней тенью.
Прицельно били егеря,
Низина грохотала.
Чадил, стропила завихря,
Поселок Ихантала.
И дым траншеи заволок,
Спасителен и горек.
В нем — только промельки сапог
Да мокрых гимнастеров.
И только мне была видна

Прикрытая осокой
Спина, отцовская спина
В поту войны жестокой.
Он подтянул поближе взвод,
Взмахнув, привстал с гранатой
И — на дорогу, и — вперед,
Вперед на взем проклятый!
Гнездо прикрытья сметено,
Другое — захлебнулось...
И вдруг кровавое пятно
В глаза мои метнулось.
Оно росло, росло, росло
В гуденье, крике, вое,
Кружилось, будто колесо
Кроваво-огневое.
И все красней, и все больней,
Свет белый заливая,
По мне катилось, по земле
Вдаль без конца и края.
И горе плачами неслось,
Сама земля сгорала.
Очнулся я... Ах, свет берез
Над синью Ихантала!
Поселка нет. Спален дотла.
Кустарник лишь теснится.
Я вспомнил мать. Она ждала
Отсюда горсть землицы.
Что взять со скального ребра
И кочек обомшелых?
Студеных камушек набрал
Со дна сырой траншеи.
Нелегко этот узелок
На память с Ихантала.
И к озеру наискосок
Спустился я устало.
Оно тоскою разлилось.
Сквозь тихие затоны
Поднял соцветия рогоз,
Как черные патроны.
Я вскинул пригоршню с водой,
Чтоб в горести умыться,
К солдатской памяти святой
Душою причаститься.
Стоял, не обтерев лица,

Забыв себя и время.
И облегченный вздох отца
Живым листком провеял.
Провеял, слышимый чуть-чуть,
И в шири поднебесной
Открылся весь отцовский путь —
Тяжелый, долгий, честный.
И облик, близкий и родной,
Без черточки случайной,
Так чист, так ясен предо мной
Вот здесь, в тиши печальной.

5

Я — в дом, а мать — ко мне на грудь,
Как из тумана — к свету.
Так заждалась — не продохнуть,
Устала — мочи нету.
Ей все казалось: вот вернусь
Да сяду рядом с нею
И отведу тоску и грусть
И в сердце мрак рассею.
О мать! Усядемся давай
Без чайной канители
На старый памятный диван,
Где вы с отцом сидели.
Ну, слушай верный мой рассказ,
Пусть сбивчивый вначале,
О слишком горестном для нас,
Далеком Ихантале.
У ней тревожно-светлый вид.
И зорче все и выше
Она, внимая мне, глядит
Вдаль, за родные крыши,
За поле ржи, за край земли,
Где вольно ветродую,
И видит озеро вдали,
Как братину седую.
Там общий памятник стоит.
Там в скорбный ряд с другими
Я на одну из многих плит
Занес отцово имя.
Одну строку меж тысяч строк,

Но ведь — из тьмы безгласной!
И положил туда венок
От нас зелено-красный.
Венок — под именем — ветвист!
И чуткие березки
Легко роняют желтый лист
В глубокий сон отцовский...
Ко мне прижавшись, плачет мать,
Дрожат сухие плечи.
И на портрет глядит опять,
Отцово имя шепчет.
А материнскую ладонь
Мой узелок оттуда
То обжигает, как огонь,
То режет, как остуда.
Глухие камни — и они
Вот даже малой горсткой
Являют грозный лик войны
Своею правдой жесткой.
А за окном хлопочет жизнь,
Забыв былые беды...
Над всеми войнами взметнись,
Всемирный свет Победы!

1

Нам трудно было расставаться.
Понять бы мне и погодить:
Ведь тяжелее оставаться,
Чем, вскинув ношу, уходить.
Я думал: мать еще здорова,
А сам невольно уносил
Из-под родительского крова
Тепло ее последних сил.
Я уносил ее наказы,
Ее рассказы про житье,
Но унести не смог ни разу
Лишь одиночество ее.
И вновь она рукой чертила
Знак подорожный мне вослед,
Чтоб упасла благая сила
Меня от горестей и бед.
Она — фуфаечка внакидку —
Вновь провожала до угла.
Держась рукою за калитку,
Теряла все, что берегла.
И вот уж поле между нами...
И может, мой поспешный след
В глазах ее поплыл слезами
И опрокинул белый свет.

2

В больнице слабыми устами
С трудом вышептывала мать:
«Прости меня... Я жить устала.
Устала ждать и провожать».
На свете нет больней и горше
Бессилья: матери — невмочь,
И нечем, нечем, нечем больше
Ни обнадежить, ни помочь.
Целую мать, дышу над нею,

И веют в душу, как трава,—
«Живите, милые, дружнее»—
Ее последние слова.

3

И прервалось биенье пульса.
Она скончалась. Мир вокруг,
Нет, не перевернулся,
А потемнел и сжался вдруг.
Губ не разжать — слова фальшивы.
Им не вместить ни жизнь,
ни смерть.
Но это боль!.. Покуда живы,
Лишь ей в душе не замереть.
О, как бы надо жить иначе —
В кругу семьи, в кругу родни!
Стоим над матерью и плачем,
Как в пустоте, совсем одни.

4

На кухню, в мрак печной заслонки,
Метнуло солнышко лучи.
Но этот звон призывно тонкий
Угас в нетопленной печи.
Приподнялось над лесом солнце
И заглянуло в огород.
Где овощ зрел — мокрец пасется,
Где злак взрастал — крапива прет.
Взлетело солнце в глубь вселенной,
Лучи скосило в дальний дом.
Где самовар кипел семейный,
Там стынет сумрак за столом.
И, не найдя нигде хозяйки,
Его встречавшей целый век,
Склонилось в хвойные закрайки,
И долго свет багровый мерк...

Жизнь у нее переломилась
 Еще в войну. Да так остро,
 Что в горе будто затворилась,
 Ушла в суровое вдовство.
 И отдала всю участь дому,
 А сыновьям — любовь свою,
 А силу — полюшку родному,
 А верность — павшему в бою.
 Тоску, отчаянье, обиды
 Попробуй в сердце пережечь...
 Глядит с портрета муж убитый
 На лик жены в мерцанье свеч.

И шли они со всей округи
 С уставом — свычаем своим,
 Ее товарки и подруги
 Первоначальных лет и зим.
 О, ими пройденные дали —
 Как пламень, скрытый под золой!..
 В единоличниках живали,
 Потом — меж небом и землей.
 Шли в хутора, вступали в ТОЗы,
 Катились в глубь лесосек,
 Прошли колхозы и совхозы,
 И это все — за бабий век!
 Они без слов всех лучше знали,
 Как Александра прожила,
 Какие вынесла печали,
 Какую ношу пронесла.
 И вот сошлись в ряду почетном
 Мать проводить в последний путь,
 Как чашей, горестным причетом
 Всю жизнь былую зачерпнуть.
 В оцепенении едином
 Они сбивались в полукруг.
 Белели смятые седины
 В обхватах тяжелых темных рук.
 И, выходя с иконой древней,
 Сказав последнее «прости»,

Склонились бабы вдоль деревни,
Концы платков зажав в горсти.

7

Проселок, вязкий до суглинка,
Тянулся, видимый окрест,
Как будто горькая морщинка,
По косогорам милых мест.
И подступали к придорожью,
К печали медленных колес
Поля с нахмуренною рожью
И белым трепетом берез.
А в синеве речных излучин,
То далеки, то вновь близки,
Кипели ветрено, плакуче
Встревоженные ивняки.
И плыли изгороди елок
И голубой, как сон, ленок...
Всю красоту земли проселок
Связал в один живой веноч.

8

Просила мать, когда уж меркли
Ее мучительные дни:
«Сынок, меня у старой церкви,
На бережку, похорони...»
И вот он — храм, давно разбитый.
Как будто враг здесь проходил.
Томится дух глухой обидой
У прародительских могил.
На них бурьян разруху горбит
И безрассудством леденит.
О, жгуч и горек в личной скорби
Вот этот наш всеобщий стыд!

9

Прощай, родная! Пред тобою —
Мы на обрывистом краю.

Тебя целуя, чуем болью,
Как тайну тайн, и смерть свою.
Прощай! Охватывает стужей
От стука комьев и лопат.
Но страшный стук все глуше, глуше,
Все звонче ласточки летят.
Прощай! В цветах твоя могила
У древнерусского села.
Земля, которую любила,
Тебя навеки обняла.

10

Заглянет в сны, встревожит
совесть,
Мелькнет в полях как наяву.
Она везде, куда ни тронусь,
Она — во всем, чем я живу.
Умом немного изведав,
Она в душе своей несла
И строгость дедовых заветов,
И древний смысл добра и зла.
Своей и радостью, и грустью,
И глубиной семейных уз
Она сближала с новой Русью
И ту, в далеких звонах, Русь.

11

Возьму ли серп с насечкой
ржавой —
Молниеносный полукруг —
В лицо пахнет ячменным жаром
И силой материнских рук.
Возьму ль косу с размахом
хватким —
И мать представлю молодой,
А на янтарной рукоятке
Ее почувствую ладонь.
Возьму ли утром полотенце —
Таких узоров в мире нет!
И обольется светом сердце,
И это — материнский свет.

СОДЕРЖАНИЕ

Коротко о себе	5
--------------------------	---

ПОСВЯЩЕНИЕ В РОДНЮ

1954—1964

«Кругом вода сильна, нетороплива...»	8
Трое	9
«Мы только вместе посидели...»	10
«Поверишь ли, здесь не природа — чудо!...»	11
Вина товарища	12
Лето	13
Секретарь райкома	14
«Его осанка, подбородок, взгляд...»	15
«Сойдешь на тихом полустанке...»	16
Русская печь	17
Дума об отце	18
✓ «Героем стать не так легко в бою...»	22
«Местком о путевках хлопочет...»	23
У стога	24
Гора	26
«Красной копной на пригорке...»	28
Солдат	29
Ровеснику	30
«Она шумна, как прежде, средь подруг...»	31
Русские деревни	33
Районные дороги	35
Река Двинаца	36
«Бродить всегда немного грустно...»	37
«За нашу деревню...»	38
Пляска	39
«Половики, что вьюги нам настлали...»	40
«Как услышу я знакомый говорок...»	41
Сидит старик на мельнице	42
«И младший сын уже оставил дом...»	43
«Елка зеленой ракетой...»	44
«Лишь память затронешь...»	45
«О тебе никто не слышал...»	46

Отцовские письма	47
«У матери старой три сына...»	48
Ель	49
Тетерев	50
В автобусе ехала женщина	52
«Есть красота всевластная...»	53
«Неяркое позднее лето...»	54
Зимнее утро	55
Дождь	56
Посвящение в родню	58
«Хоть солнце и зашло уже...»	60
«Как поредел осенний лес!..»	61
«Ты нежданно и негаданно...»	62
«Картошку девушка копает...»	64
«Разлука, что зима у нас на севере...»	65
«Ты что-то мне напомнила, рябина...»	66
Предок	67
Константин Батюшков в Париже	68
«Легко и просто сердце ранить...»	70
Художники. <i>Поэма</i>	71
«С Ярославского вокзала...»	84
«Когда он сказал: «А ну, потесней!»	86
Смерть коммуниста	88
«Имена становятся отчеством...»	89
«Трава белоус, как проволока...»	90
«Ах, свадьбы шумные! Едва ли...»	91
Мать. <i>Поэма</i>	92
«Судьба не сладкая — вдовья...»	97
Тревога	98
«Проплывала паутинка...»	101
Ливень	102
«Беру себе в попутчики...»	103
«Тревожно, и сладко, и грустно...»	104
Девчонки	105
Черемушка	107
«Как мало все-таки ценим...»	108
«Чудно, разгульно, праведно...»	109
Петр Великий	111

РАДУГА ДНЕЙ
1965—1971

Гармония	114
«Мы — как дерево ныне...»	117

Старая боль	118
Смотрю опять	120
Еня	121
Знаки	122
√ Грани	124
21 июня 1941 года	126
Дума	128
Что зависть?	129
Уроки	130
«Стручки акации трещат...»	131
Сухона	132
Северяновна. <i>Поэма</i>	136
Приятели	145
«Было: хромки души жгли...»	147
Новоселье	148
Полотенце	150
Разговор с художником Корбаковым	152
Мед	154
Павла. <i>Поэма</i>	156
Александр Яшин	171
«Ах, Родина», — я тихо произнес...»	174
«Земля отцов и дедов, та земля...»	175
За самоваром	176
Петухи	177
Рубили дерево	179
Хозяин	180
Кукушка	181
Масленица	182
«Над речкой тихой и лесной...»	184
«Старею сердцем от собраний...»	185
Телеграммы	186
«Домой, в деревню, издалека...»	187
Анна	188
Сеновал	190
Поле	192
Радуги дней	193
«Умываюсь туманами севера...»	194
Ночная сказка	196
Рябины	198
«Мне опять покой неведом...»	199
Засодимский	200
«Ввинчиваясь в высоту упорно...»	202
В гостях у Павла Беяева	203
«Свои раздумья темный лес...»	206

Три лета	207
Просеки	209
Ничей	210
Африка	212
Поземка	214
«За окном всю ночь кипело...»	219

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

1972—1975

«Пятистенок, снегами зажатый...»	222
В кои-то веки	223
Печка	225
Волнушки	227
Дворянский сад	228
Две реки	229
Куст иван-чая	231
«Пою-у!»	232
Колодцы	234
Черный хлеб. <i>Поэма</i>	236
Народная речь	256
Время	258
Жеребенок	260
Вечер	262
Кружок	264
«И вот наконец окупались...»	266
«Я с сыном брожу по чишеньям...»	268
«Еще на небе было чисто...»	269
Лебеди	270
«Развернулись — да вниз по Енисею!..»	272
В Овсянке	273
Чтоб стать собою	274
У Атамановых скал	276
«Уже без чаек даль потускла...»	277
Непойманный таймень	278
«У живущих лица — не лики...»	280
На могиле друга	281
«Схватив корзины, ведра, рюкзаки...»	282
«Что красноводе, поздняя брусника...»	283
«До чего же я зависим...»	284
Старик и старуха	285
Изба	287
«В середине веселого мая...»	289
Русское слово	290

«Взметнутся стаей журавли с болота...»	291
«Оттого скудеем быстро сердцем...»	292
Годы	293
Очевидец	294
Несказанные слова	300
Отчий дом	301
Коми му	302
«С ней хотя и коротко знакомы...»	303
«Он не молодой, но и не старый...»	304
«Как свернул за поля, так и замер...»	305
«— По рыжики не выбраться ли нам?...»	306
Копылово	307
Разговор	309
«Без отпуска всю жизнь и без простоя...»	310
Завещание	311
Бабкин сын	313
«У человека под руками...»	315
Марья	316
«От грибной сатанея погоды...»	318
«Когда тревожит окна дождь осенний...»	319
Бабье лето	320
«Краснеет день — и прочь тоска от сердца...»	321
Байка	322
«В молчанье я стою один...»	323
Совет	324
«Заметался пар щенком...»	325
В грозу	326
«Уже шуршит на тропке лист опалый...»	327
Листопад	328
«Неурядицы нередко...»	329
«Виноватый, в поздний срок...»	330
«Время сгладит остроту...»	331
«Я иду зеленым полднем...»	332
«Вот так извечно: в людях близких...»	333
«Из будних дней мы в праздники спешим...»	334
«Ты где б ни жил и кем бы ни служил...»	335
↓ «Всего на свете хуже...»	336
«Спят меня у теплой лавочки...»	337
↓ «Время будит... Звон часов...»	338
«Пройдет и это, как сказал поэт...»	339
«Седину носить не стыдно...»	340

КРАСНЫЕ ТУЧИ

1976—1980

Перекличка	342
Тракайские озера	343
В гостях на Сукманице	344
Столбы	346
Ты	347
«Здесь мельница была. Заросший вид...»	348
Горностай	349
Зима	350
«Метель, дорогу бодая...»	351
«День или вечер — не понять...»	352
Осинки	353
Здравствуйте!	354
«Взглянул на мать тревожно: как сдала!...»	355
Самовары	356
«Самолет реактивный в небе...»	358
«В единстве тайном меж собой...»	359
О родниках	360
Кулиги	361
Закат	362
«И было то, и это было...»	363
«Нет, не забыть мне той работы...»	364
«Бывает, ельниками еду...»	365
Красные тучи	366
Отогреваем дом	367
Печали	369
Дождинка	370
Работа	371
Слава	372
Итальянское окно	373
Родина	374
«Что бы мне еще узнать...»	375
«Не спится матери, все бродит...»	376
«Запела мать... Да вправду ли запела?...»	377
«Чу! В сенях материнские шаги...»	378
«Дураки потешили народ...»	379
Три зари. <i>Поэма</i>	380
«Бабы поснимали полущалки...»	397
София	398
Неузнаваемость	399
Поэты	400
«Меня дивили мощью города...»	401

Женщина	402
Скворец	403
Отава	404
Заботы	405
«И Аристотель, мудрый грек...»	406
Река	407
«А мне-то что! — в сердцах я бросил...»	408
«От поколенья к поколенью...»	409
«Несовершенен, знаю, человек...»	410
«Вот и модны, да одиноки...»	411
«Для матери в день рожденья...»	412
Материнское одеяло	413
Спокойное утро	414
Старик	415
Шмель	416
Калина	417
О тебе	418
«Погибали на моих глазах...»	420
Одинокый старик	421
«Все думаю о тех, кто не пришел...»	423
Народный музей	424
Русский Север	426

ДНИ ПРОЗРЕНИЯ 1981—1987

Сторожевой луч	428
Дочери	429
1941—1981	430
Мать перед портретом отца	431
Память	432
«Босиком по земле . . . . .»	433
«Самолеты гром пронесят в небе...»	434
«С просьбой тихой и неловкой...»	435
Долгожитель	436
Сыновья. <i>Поэма</i>	437
«Иконописец-вологжанин...»	446
Счастливый человек	448
Совесьть	449
«Лес впитывал сумерки, прятал...»	451
Гармонь	452
Родная местность	454
Гостинец	455
«Давних лет ребячьи лица...»	456

«Прекрасны струганные лавки...»	457
«Люди прополис хранят...»	458
«Ужо!»	459
Застолье	460
Наст	461
Блудный сын	462
«Самолет охалку грома...»	463
Всходы	464
Родился внук	465
Имя выбрали Иван	466
«Майский лес галдит, кукует...»	467
«Мудра печаль в полях вечерних...»	468
Друг	469
«Нет, не в топке реактивной...»	470
«Ветры с севера подули...»	472
Зазимок	473
«Меня, себя заденешь ли...»	474
Калиновый куст	476
Пилим снег	477
Семья	478
«Неведенья, незнания...»	480
Молодому земляку	481
«Меж взглядов и чуждых, и наглых...»	482
«Снег вьется, падает, шурша...»	483
Отец. <i>Поэма</i>	484
Прощание с матерью	499

Романов Александр Александрович

ИЗБРАННОЕ

Стихотворения, поэмы

Редактор Р. Е. Постоянцева

Художник Е. В. Прохоров

Художественный редактор Е. В. Андреева

Технический редактор Н. В. Ганнина

Корректоры Г. А. Голубкова, Е. Д. Кочегарова

**ИБ № 5852. Сдано в набор 15.02.90. Подписано к печати 12.11.90. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт.
53,76. Уч.-изд. л. 19,91. Тираж 10 000 экз. Заказ 524. Цена 2 р. 40 к.**

Издательство «Современник»

**Министерство печати и массовой информации РСФСР и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.**

Министерство печати и массовой информации РСФСР

**Полиграфическое производственное предприятие «Офсет». Управления изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома. 400001,
Волгоград, ул. КИМ, 6**